Гвардейцы в воздухе

Николай Григорьевич Ильин
Виктор Петрович Рулин

SHOUT
SHARE
IT

- Ильин Николай Григорьевич & Рулин Виктор Петрович
  -

Ильин Николай Григорьевич & Рулин Виктор Петрович Гвардейцы в воздухе

Ильин Николай Григорьевич, Рулин Виктор Петрович
Гвардейцы в воздухе
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Авторы книги "Гвардейцы в воздухе" полковник-инженер Ильин Н. Г. и подполковник в отставке Рулин В. П. вместе с полком прошли весь его боевой путь с первого до последнего дня войны. Они принимали активное участие в боевых действиях полка на Западном, Калининском, Юго-Западном, 3-м и 1-м Украинских фронтах. После войны В. П. Рулин демобилизовался, а Н. Г. Ильин продолжает служить в рядах Советской Армии, является кандидатом исторических наук. Авторы выражают сердечную признательность за советы и помощь в работе над книгой боевым товарищам: И. П. Лавейкину, В. И. Попкову, Н. М. Калашникову, П. Т. Вакулину, Н. А. Шардакову и другим.

Содержание

Вместо предисловия
I. Пора испытаний
Потери и победы
II. На дальних подступах к Москве
Августовские бои
Разведчик сбит
Таран Ивана Мещерякова
Он не мог не вернуться
III. Калининский фронт
Мы - гвардейцы
Пять против тридцати
Слава полка крепла
Пополнение
Фронтовые будни
Командир полка
IV. В низовьях Дона
Беспечность - враг летчика
Гартмашевка
Оказывая помощь
Каков он, ФВ-190?

По аэродромам врага
Накапливаем опыт
Поединок
Долетался
Наши девушки
V. В степях под Харьковом
Одиннадцать побед
Внизу Изюм
"Мессершмитт-109"
Опять тяжелые бои
В бою Иван Сытов
Поездка в город
Новые герои
Беляков в строю
Юбилейный 500-й
VI. Ой, Днепро, Днепро
Бои ведут "Веселые ребята"
Ради жизни командира
"Комсомолец Дальстроя"
Боевой вылет был последним
VII. Первый Украинский фронт
Было и так
За Львов
Под крылом Польша
В строю истребителей
Мы снова перебазируемся
Кочующая батарея
VIII. В небе Германии
Земной бросок
Гвардейцы, вперед!
Слово о Мастеркове
Нашей работой довольны
На Берлин
Последние вылеты
Конец войны
Послесловие
Однополчанам-гвардейцам посвящается.
Авторы

Вместо предисловия

Никакие годы не сотрут в сознании советских людей память о воинах Великой Отечественной войны, особенно о тех из них, кто отдал жизнь, защищая Родину.

Книга "Гвардейцы в воздухе" посвящена героическим дням борьбы советского народа против гитлеровских орд, подвигам

летчиков-гвардейцев. Авторы на примере становления и боевых действий одного из первых гвардейских истребительных авиаполков рассказывают о тех лучших чертах и высоких морально-боевых качествах личного состава, которые помогли в многочисленных ожесточенных сражениях ковать победу над коварным врагом,

На боевых примерах показано, как горячая любовь к своей Родине, беззаветная преданность Коммунистической партии вдохновляли личный состав полка на героические подвиги, как в трудных повседневных боях гвардейцы приумножали славу советского оружия, проявляя доблесть и отвагу, величие духа, как были верны воинской присяге и гвардейскому знамени.

По долгу военной службы мне пришлось в годы Великой Отечественной войны возглавить 2-ю воздушную армию, в состав которой входил с июня 1944 года 5-й гвардейский истребительный авиаполк. Обыкновенный авиаполк, каких было много, и в то же время, в известном смысле, судьба его сложилась не совсем обычно. Сформированный накануне войны, он нес боевую вахту на западной границе нашей Родины. Личному составу авиачасти пришлось испытать и горечь отхода внутрь страны, и радость побед под Москвой в трудное время сорок первого.

Здесь, под Москвой, закаленный в боях полк одним из первых в Военно-Воздушных Силах получил право называться гвардейским.

Бои под Калинином, ожесточенные схватки под Ржевом, огненное небо Харькова, Белгорода и Донбасса, Курско-Белгородская дуга, Изюм-Барвенковская операция, победное шествие по земле Польши, бои за Вислу, Одер, бои в небе врага, штурм Берлина - вот наиболее знаменательные вехи на его боевом пути.

Полк награжден орденами Красного Знамени и Богдана Хмельницкого П степени, а за взятие Берлина получил почетное наименование Берлинского.

За годы войны в тяжелом единоборстве с коварным и вероломным врагом летчики полка в воздушных боях и на земле уничтожили семьсот тридцать девять фашистских самолетов, много разнообразной техники и живой силы противника.

Авторам, ветеранам полка, удалось собрать и обобщить интересные материалы и факты, которые волнуют, закаляют волю, зовут на новые подвиги во имя величия и процветания нашей Родины.

Многие герои книги не дожили до дня Победы. Но память о них вечно будет жить в сердцах однополчан, в сердцах тех, кто

был свидетелем их подвигов и замечательных боевых дел.

Пусть же эти страницы напомнят о битвах прошедшей войны и призовут молодое поколение надежно беречь мирное небо нашей Родины, зорко стоять на страже мира и созидательного труда советского народа, как стояли в суровью годы Великой Отечественной войны бойцы пятого гвардейского истребительного авиационного Берлинского дважды орденоносного полка.

Маршал авиации Герой Советского Союза

С. А. Красовский

I. Пора испытаний

Полевые аэродромы всегда непохожи друг на друга. У одного ограниченная полоса, второй закрыт лесом от бокового ветра, а третий с трудным подходом и загорожен высокой скалой.

На этот раз полевым приграничным аэродромом нашего истребительного авиаполка стало большое клеверное поле. Война ворвалась к нам рано утром 22 июня 1941 года. Нас разбудил гром артиллерийской канонады, доносившейся с границы. Там, на западе, где проходила демаркационная линия между нами и фашистской Германией, зловещей черной тучей поднимался дым, фонтаны огня вздымались в разбуженное, тронутое легким багрянцем небо.

Резко залилась, завыла сирена... "Боевая тревога! Тревога!" разнеслась над палаточным городком отрывистая команда дежурного по полку.

Накидывая широкие ремни с тяжелыми, в кожаных кобурах пистолетами ТТ, застегивая на ходу вороты гимнастерок, выбегали из палаток офицеры-летчики и техники всех четырех эскадрилий 129-го истребительного авиационного полка.

Сигнал тревоги взбудоражил весь лагерь. Мотористы, оружейники разбирали свои винтовки с примкнутыми гранеными штыками, кожаные подсумки с обоймами патронов и противогазы.

В батальоне аэродромного обслуживания шоферы заводили специальные машины. Спешили на аэродром бензозаправщики, автостартеры с длинными хоботами, бортовые машины с баллонами сжатого воздуха.

У каждой машины свое назначение. Все они очень нужны, необходимы. Без них невозможно подготовить ни один самолет к полету, а летчикам не поднять свои самолеты в воздух и не отразить атаку врага.

Скоро заработали моторы МиГ-3 и "чаек". У "чаек" резко, басовито. У МиГ-3 напевно, ровно.

Только два человека внешне оставались спокойными.

Комиссар полка и недавно назначенный на должность командира полка капитан Ю. М. Беркаль. Они лучше чем кто-нибудь другой понимали всю серьезность обстановки. Настало время показать, на что способны молодые летчики-истребители.

Беркаль внимательно всматривался в них, только что прибежавших. Они запыхались, воротнички их гимнастерок были расстегнуты. Но в лицах - ни растерянности, ни страха. Каждый знал свое место, свое дело. И это радовало.

Сдерживая волнение, командир полка хладнокровно сказал, как будто ставил очередную задачу на учебный полет:

- Трем эскадрильям прикрыть города Острув-Мазовецкий, Замбрув и Ломжу, а четвертой - наш аэродром.

Для командиров эскадрилий не секрет, что эти города приграничные. За ними Польша, дальше Германия.

Летчики и раньше при учебных тревогах получали подобные приказы, когда отрабатывались боевые задачи по условному противнику.

Аэродром встревоженно загудел. Вот поднялось дежурное звено из трех самолетов. Беркаль посмотрел на часы, они показывали четыре часа ноль пять минут. Взмах белого флажка, и в воздухе первая эскадрилья, за ней вторая, третья, четвертая. Две группы взлетевших МиГ-3 направились в сторону Острув-Мазовецкий и Замбрува, девятка "чаек" к Ломже, вторая девятка осталась прикрывать аэродром.

Лейтенант Григорий Яковлев, всегда, подтянутый, щеголеватый, на ходу расправив складки на гимнастерке, доложил командиру полка, что связи с дивизией нет.

- Свяжитесь по радиостанции.

- Пробовали... Дивизия не отвечает.

Командир полка оторвал взгляд от карты-пятикилометровки.

- Не думаю, что это очередная провокация. Связь ищите. Отправляйтесь сами в дивизию на моей автомашине. Связь должна быть! Обяжите радистов, чтобы слушали.

Он вспомнил, как неделю назад прибывший из госпиталя моторист докладывал, что при возвращении в полк его подвез на лошади поляк из Тарново. Поляк с горечью сказал:

- Опять германец угрожает войной...

Пока Беркаль встревоженно посматривал на небо - ему надо было знать, что происходило на границе и что делали соседние истребительные авиаполки, на востоке все шире и шире разливались светло-оранжевые краски утренней зари, предвещая начало нового, самого продолжительного летнего дня, уже не похожего на вчерашний...

Возвращения первой группы самолетов ожидали с

нетерпением.

Наконец-то! Один за другим стали приземлять летчики свои "миги" и "чайки" у посадочного белого полотнища в виде буквы "Т" и, не ожидая окончания пробега, сруливали в сторону - спешили освободить посадочную полосу. Медленно оседала серая пыль. Те, кто прибыл, докладывали: весь горизонт на западе в зареве пожаров - горят приграничные города и села.

Подошло время садиться группе прикрытия. "Чайки" быстро приземлялись. В воздухе, на кругу, находилось второе звено машин, когда южнее аэродрома показалась группа неизвестных самолетов.

Летчики на "чайках" не видели их.

Чужаки, зловеще подвывая, пролетели на северо-восток в плотном строю. О них уже забыли, когда они снова неожиданно появились над аэродромом.

- Смотрите, свастика! - крикнул кто-то. - Это фашисты!

Протяжный, берущий за душу свист. Двухмоторные бомбардировщики растянулись гуськом, перешли в пологое пикирование. Вниз полетели бомбы. Зашаталась под ногами земля. Взметнулись багровые сполохи взрывов. В лицо ударила плотная горячая волна, запах жженого пороха. Противно затараторила частая дробь пулеметов. Казалось, вот-вот небо расколется от захлебывающегося рева чужих моторов. На стоянках загорались самолеты. Техники и летчики бросились спасать их.

И тут показалось третье звено "чаек" во главе со старшим лейтенантом дважды орденаносцем Михаилом Добровым. Отважная тройка смело бросилась на вражеский строй.

Первую атаку произвели сверху всем звеном. Флагманский фашистский бомбардировщик задымил. Оставляя в небе черную полосу, он повернул на запад. Это воодушевило наших летчиков. Они нападали сбоку, сверху, снизу; перекрещивались разноцветные пунктиры пулеметных очередей. Фашисты сбросили где попало оставшиеся бомбы и устремились к границе.

Преследовать их было некому. У летчиков звена Доброва кончился запас бензина, они спешили на посадку.

Над аэродромом установилась на редкость удивительная тишина. Каждую минуту могли появиться новые самолеты врага. Надо было приготовиться к их встрече. Весь личный состав дружно рассредоточивал на аэродроме все уцелевшие самолеты, заправлял их бензином и боеприпасами, заравнивал на летной полосе воронки от взрывов авиабомб.

Теперь уже не осталось никаких сомнений, что началась война. Час назад, когда раздался сигнал тревоги, никто из нас не

думал, что на этот раз отбой тревоги последует лишь через 1418 дней.

...Казалось, это было совсем недавно. Стоял май сорокового года. Зеленый, солнечный, с горьковатым запахом распустившихся почек, со всем тем, что неминуемо сопутствует последним дням весны и первым сияющим дням лета.

На одном из полевых белорусских аэродромов шло формирование трех новых истребительных авиаполков - 123-го, 124-го и нашего 129-го.

Мы были молоды, беззаветно любили свою Родину, понимали, как нужны ей сейчас люди нашей профессии и изо всех сил стремились в совершенстве овладеть ею. Впереди нас ожидали лагеря, боевые учебные тревоги и полеты, полеты.

Большинство иэ нас только что окончило военные училища, поэтому понятно, с какой завистью и уважением смотрели мы на тех, кто руководил нами.

Еще бы! Командир полка майор Вихров, его заместитель Комаров, комиссар полка воевали в Испании, у озера Хасан, на Халхин-Голе. Их грудь украшали боевые ордена. Под стать им начальник штаба майор Бондаренко и инженер полка - военинженер второго ранга Зверев. Имели боевой опыт штурман полка Жевлаков, командиры эскадрильи Панюков, Панов, их заместители и комиссары трех эскадрилий.

В ту пору летчики осваивали двухкрылый И-153 - "чайку", созданный под руководством авиаконструктора Н. Н. Поликарпова. Истребитель хорошо показал себя в боях с японцами в Монголии, а "чайкой" его прозвали за характерное расположение верхнего крыла, напоминающего крыло морской птицы.

Самолет имел мотор воздушного охлаждения, убирающиеся шасси и неплохое вооружение. Он успешно вел бой на виражах, не был строг в технике пилотирования, особенно при взлете и посадке. На смену И-153 и И-16 в конструкторских бюро создавались новые истребители МиГ-3 и Як-1. О них много говорили, с нетерпением ждали в полках.

Мы знали, что самолет МиГ-3, по сравнению с другими истребителями, скоростной и высотный. У него мощный мотор, закрывающийся фонарь с хорошим задним обзором, посадочные щитки, предкрылки. Закрывающийся фонарь и механизация крыла были новинкой по тому времени. Вооружение самолета состояло из двух скорострельных пулеметов - "ШКАСов" и одного крупнокалиберного - Березина. Все оружие предназначено для атаки. Однако в технике пилотирования машина была строгой.

МиГ-3 требовал от летчиков большого мастерства, новых

навыков, чтобы использовать его достоинства. На все это нужно было время, и немалое, а вот времени-то не хватало. В воздухе, как пелось в песне, "уж пахло грозой". Слово "война" все чаще появлялось в скупых газетных сводках. В невиданном темпе перекраивалась карта Европы. Для быстрейшего обучения технике пилотирования ка МиГ-3 прибыл из Москвы летчик-испытатель. Он продемонстрировал в зоне возможности самолета, выполняя сложные фигуры высшего пилотажа. Новая машина пришлась по душе.

Полк базировался на территории западной Белоруссии. На одном из аэродромов был создан учебный центр по переучиванию на МиГ-3 руководящего состава полков дивизии до командиров эскадрилий включительно, а затем и командиров звеньев.

Бывалые летчики очень быстро освоили новый истребитель. Теперь предстояло развернуть в полках летную подготовку, обучить технике пилотирования весь летный состав.

И тут начались трудности. Переходной учебно-тренировочной машины, близкой по своим качествам к МиГ-3, в то время не было, поэтому решили выпускать летчиков в первый полет после провозных на "спарке" учебно-тренировочном истребителе Ути-4. А время шло. Началась весенняя распутица. Земля размякла и стала вязкой, как тесто. Приближались майские праздники.

Наконец звонок из штаба авиадивизии. Поступила команда на подготовку к перебазированию в летний лагерь.

Командир авиаполка Тимофей Григорьевич Вихров, немногословный, суровый на вид человек, вызвал к себе комиссара полка.

Тот вошел озабоченный, с тенями усталости под живыми, молодо блестевшими глазами. На гимнастерке - ордена: два Красного Знамени, третий Красной Звезды.

- Собирайся, комиссар, полетим смотреть лагерную площадку, - обратился к нему командир.

- А где она?

- Почти рядом. - Вихров кивнул на карту, заложенную в целлулоидный летный планшет. Подвинул ее поближе к комиссару. - Чуть ли не на полпути между Белостоком и Варшавой. Говорят, поле хорошее. Но рукой подать до государственной границы. Так что нужно иметь это в виду.

Комиссар склонился и прочитал набранный мелким шрифтом населенный пункт: "Тарново".

На тихоходном связном самолете У-2 прилетели к месту лагерного аэродрома. Крепкий травянистый покров, открытые со всех сторон подходы. Летное поле напоминало прямоугольник,

вытянутый с запада на восток. В северной стороне мирно журчала маленькая речушка, заросшая по берегам деревьями и кустарником, петлей огибала бывшую польскую деревню Тарново. Здесь и решено было построить лагерь.

Тут же набросали карандашом на бумаге план лагеря и аэродрома самолетные стоянки, палатки, столовые.

- Все бы хорошо, да граница близковата, - вздохнул на прощание командир.

К вечеру Вихров и комиссар были уже в Заблудуве.

Начались сборы в лагерь. Начальник штаба полка Бондаренко с инженером Зверевым составили подробный план подготовки и перебазирования материальной части и личного состава полка.

А в это время на железнодорожную станцию Чижево прибыл эшелон с разобранными самолетами МиГ-3. Их надо было собирать, облетывать. Летчикам предстояло переучиваться.

День и ночь шла напряженная работа. За короткий срок новые истребители были собраны, моторы, вооружение и оборудование расконсервированы и тщательно опробованы на земле. Затем каждый самолет попробовали в воздухе.

Одновременно достраивали лагерь, оборудовали стоянки самолетов. Полеты не прекращали. Летали в две смены. Первая - рано утром, чтобы не так донимала жара и моторы не перегревались. Доставалось всем. В том числе техникам. С утра до вечера полеты, затем послеполетный осмотр и устранение дефектов, а на другой день опять полеты.

Помимо летной подготовки, проводились занятия по тактике и изучению опыта действий авиации в Монголии и финской кампании. Но самым любимым предметом в полку, не запланированным командованием, были живые рассказы бывалых летчиков.

Особенно любили слушать командиров звеньев Михаила Доброва и Георгия Ромашкова. Трудно поверить, но стеснительный Добров, щеки которого то и дело загорались румянцем, когда говорили о нем, в бою был дерзок.

Однажды, во время финской кампании разорвавшимся снарядом повредило мотор его самолета. Пришлось сесть на льду Финского залива в тридцати километрах юго-западнее Хельсинки. Кругом белым-бело и ни единой души.

Ведомый Доброва Ромашков решил спасти своего командира во что бы то ни стало. Но при посадке ударился лыжами истребителя о ледяные торосы и получил тяжелое ранение. Теперь Добров должен был вызволять из беды ведомого. Но как? Помогла догадка. Распустив парашют, он бережно положил на шелковый купол беспомощного Ромашкова и потащил волоком.

Спотыкался, падал, вставал. Шаг за шагом, шаг за шагом и так целые сутки. Северный ветер продувал насквозь. Они оба совсем закоченели, когда показался берег Финского залива. Близко он был, да силы на исходе.

В небе сгустились низкие свинцовые облака, повалил снег.

Тем временем в полку организовали группу поиска. В разные концы вылетели летчики. Одному звену в составе командира полка майора Бобрика, капитана Шарова и старшего лейтенанта Кузнецова посчастливилось отыскать на снегу среди ледяных глыб чернью точки. Два самолета сели. Третий остался в воздухе, чтобы прикрыть товарищей в случае внезапного нападения врага. Потом три машины с пятью людьми на борту благополучно возвратились на свой аэродром...

Раза два в лагерь Тарново прилетали командующий ВВС Западного особого военного округа Герой Советского Союза И. И. Копец и командир истребительной авиадивизии Герой Советского Союза генерал С. А. Черных. Они вместе воевали в Испании, за мужество и отвагу при выполнении интернационального долга оба получили высшие правительственные награды - звание Героя Советского Союза. Золотые нарукавные шевроны, голубые лампасы, а улыбки теплые, добрые. Уединившись в отдельную палатку, Черных и Копец долго о чем-то беседовали с командованием полка.

Среди старшего командного состава росла настороженность. Оперативно-разведывательные сводки штаба Западного особого военного округа становились все тревожнее. Мы были свидетелями почти ежедневных нарушений воздушных границ гитлеровскими самолетами. При перехвате нашими истребителями они не выполняли установленные команды и сигналы, вели себя нагло. Как военные, так и гражданские немецкие самолеты в ясные дни вдруг "теряли ориентировку", "вынужденно" садились на наши военные аэродромы. Часто использовалась

для шпионских целей гражданская воздушная трасса Москва - Берлин, проходившая через основные военные аэродромы нашего округа. Рейсовые самолеты "Люфт-Ганзы" уклонялись в ту или иную сторону от установленной трассы полета "случайно".

По всему чувствовалось, что немцы что-то замышляют. Совершая патрульные полеты вдоль границы, наши летчики наблюдали, как по дорогам Польши двигались гитлеровские войска, танки, автомашины. Однако не хотелось верить, что война у порога.

Неожиданно 21 июня в Белосток вызвали все руководство полка. В связи с началом учения в приграничных военных округах

предлагалось рассредоточить до наступления темноты всю имеющуюся в полку материальную часть, обеспечить ее маскировку. Когда в конце дня с совещания в лагерь вернулся командир полка, работа закипела. Все самолеты на аэродроме рассредоточили и замаскировали. Но вопросы связи между подразделениями и командным пунктом полка из-за нехватки времени остались нерешенными.

Опустились июньские сумерки. На смену дневном зною пришла освежающая вечерняя прохлада. Все погрузилось в безмятежную тишину мирной летней ночи. Замерцали в черном небе звезды. Личный состав полка досматривал кинокартину "Волга-Волга", насмеялись до слез. В 23.00 горнист сыграл отбой.

В эту ночь все спали крепко. Только часовые у самолетов, штаба, палаток и складов расхаживали взад и вперед, держа наперевес винтовки. Вокруг царила тишина. Отдыхала природа и люди.

Кто мог предполагать, что остались считанные часы до начала войны, что на картах фашистских летчиков проложены маршруты для бомбардировок наших аэродромов, портов, городов, сел, что на многочисленных вражеских аэродромах стоят готовые к вылету армады фашистских самолетов с подвешенными бомбами, а гитлеровские наземные войска уже заняли исходные рубежи всей западной границы СССР?

Подготовка врага не являлась большим секретом для тех, кто служил в западных приграничных военных округах. Но чтобы война началась так скоро и столь вероломно, никто нз ожидал. Уж это-то можно сказать наверняка.

Потери и победы.

Заправив самолеты горючим и боеприпасами, в воздух поднялись двенадцать "мигов" во главе с заместителем командира эскадрильи по политчасти, старшим политруком Анатолием Соколовым.

Набирая высоту, ведущий группы увидел подходившие к аэродрому сначала шесть, а затем еще шесть немецких самолетов. Покачав с крыла на крыло, Соколов повел своих летчиков на врага. Но фашистские самолеты почему-то развернулись и стали удаляться на восток в направлении аэродрома соседнего 124-го истребительного авиаполка. На полном газу "миги" поспешили за вражескими бомбардировщиками. И тут же встретились с новой смешанной группой фашистских бомбардировщиков и истребителей. Она шла ниже наших истребителей, намерение ее было вполне определенное - фашисты держали курс на наш аэродром.

Группа Соколова со снижением, набирая скорость, понеслась

навстречу "юнкерсам".

Сломав вражеский строй, открыли огонь. Тонкие, словно осы, "мессершмитты" вступились за Ю-88. С земли хорошо было слышно, как завывали на максимальных оборотах моторы, как резко вспарывали воздух скорострельные пушки и пулеметы. Бой был в разгаре. Если в самом начале ощущалась какая-то неслаженность, нечеткость, скованность молодых летчиков - чувствовал командир, что нервничают ребята, - то скоро летчики успокоились, пришли в себя. И сразу же появился трезвый расчет, уверенность в собственных силах. Тон задавал комиссар эскадрильи Анатолий Соколов. Он успевал повсюду: и помочь оказавшимся в беде товарищам, и отсечь огнем замыкающую пару Ме-109 и завязать с ними бой. Фашисты, видимо, поняли, что имеют дело с опытным летчиком. Наперебой стали яростно атаковать МиГ-3 комиссара со всех сторон. Но старший политрук не испугался их атак. Выбрав удобный момент, энергичным маневром после боевого разворота зашел в хвост Ме-109 и тут же дал очередь из бортового оружия. Через прицел он увидел, как свинцовые струи прошили "мессер". За вражеским истребителем потянулась полоса дыма, вспыхнуло пламя. Огненный хвост становился все длиннее. Самолет со свастикой как-то неловко перевернулся и, опустив нос, в клубах дыма и пламени отвесно пошел к земле, чуть не зацепив крылом свой бомбардировщик. Первый сбитый самолет! Ох, как нужен он был сейчас. Тридцатилетний летчик, обстрелянный в боях с финнами, мог гордиться. Имел все основания на это.

Командир эскадрильи Панов А. Г. высоко ценил профессиональные и боевые качества своего заместителя по политчасти. Деловые служебные отношения дополнялись крепкой личной дружбой между ними. Соколов удачно сочетал в себе высокую требовательность и взыскательность к подчиненным с замечательным чутьем партийного работника. Чуткий и внимательный к людям, он поистине был душой подразделения. Хорошая летная подготовка, инструкторские навыки давали ему возможность глубоко вникать в процесс летного обучения.

Еще в мирное время, в дни полетов, подзывая к себе летчика, говорил: "Ну-ка, садись в самолет, я проверю, как ты выполнишь упражнение". А после полета подолгу и терпеливо беседовал с ним.

Очень часто при составлении плановой таблицы командир эскадрильи обращался к нему: "Анатолий Михайлович, проверь технику пилотирования у летчика Петрова, а с летчиком Гудком слетай в зону, посмотри, как он строит маневр при заходе на стрельбу по конусу".

В боевых условиях он личным примером учил парторга и комсорга эскадрильи, редактора боевого листка, как надо организовывать и проводить целеустремленную, действенную политико-воспитательную работу.

Потеря истребителя, видимо, подействовала на фашистов. Их бомбардировщики поспешно стали сбрасывать бомбы. Те рвались на окраине аэродрома, не принося особого вреда. С этой первой победой пришла к нашим летчикам и уверенность в собственных силах. В первый же день войны это было особенно важно. Просто необходимо.

В следующий боевой вылет младший лейтенант Владимир Цебенко сбил над городом Ломжа фашистский истребитель Ме-109.

Отличились еще двое. В семь часов утра при отражении очередного воздушного налета на аэродром младшие лейтенанты Винидикт Николаев и Александр Кузнецов сбили по одному Хе-111, которые упали в пяти километрах западнее Тарново. Самолет Кузнецова загорелся в воздухе, летчику пришлось спасаться на парашюте.

Война только началась, а уже победы и потери. На глазах однополчан погиб Иван Гирман. В это было трудно поверить. Еще вчера товарищи работали и смеялись с ним, что-то планировали, с чем-то не соглашались, чему-то радовались, а сейчас его сраженная "чайка" тяжело рухнула на самой границе аэродрома.

В девятом часу утра, фашистские бомбардировщики Ю-88 появились без прикрытия своих истребителей. За что и поплатились. Смешанная группа "чаек" и "мигов" встретила их на подходе к аэродрому, смело атаковала. Немцам не позволили прицельно отбомбиться по нашему аэродрому. Совместными атаками было сбито два вражеских бомбардировщика.

Возбужденные удачным боем, летчики подробно докладывали командиру полка о его результатах. Они могли и не докладывать - все происходило на глазах однополчан.

Техники, механики, мотористы, оружейники готовили самолеты. Наскоро ремонтировали израненные машины, набивали ленты боеприпасами. Люди знали, что от них требуется. Делали свое дело точно так же, как и при учебных тревогах, но более собранно, более требовательно. А фашисты с особой, свойственной немцам педантичностью через равные промежутки времени наносили по аэродрому один бомбовый удар за другим.

Наверно, решили стереть его с лица земли, уничтожить все до последней машины, до последнего человека.

Пикируя, гитлеровцы включали установленные на их самолетах сирены, которые производили душераздирающий вой,

и сбрасывали бомбы, "лягушки".

Наши летчики поднимали свои машины в воздух под огнем вражеской авиации. Налеты следовали в нарастающем темпе.

Командир полка собрал летчиков и сказал:

- Обстановка сложилась тяжелая. Связи с дивизией нет, сжатый воздух на исходе, а компрессор разбит. Принято решение: вывести полк из-под удара. Будем перелетать на другой аэродром. "Миги" поведу сам, "Чайки" - комиссар полка.

Начальнику штаба вместе с инженером полка организовать перебазирование наземного эшелона. - Он помолчал - слова давались ему с трудом. И в полной тишине добавил: - Необходимо выделить команду для уничтожения всего оставшегося - боекомплектов бомб, снарядов, патронов и горючего.

Беркаль принял единственное возможное решение в сложившейся обстановке, но как тяжело сознавать, что оно единственное. Да, мы не представляли еще до конца непомерной тяжести войны.

Всем хотелось поскорее сесть за штурвал боевой машины и бить, бить фашистов. А пока, используя паузу между налетами врага, комэски быстро распределили оставшиеся самолеты между летчиками. Двумя группами: сначала "чайки", потом "миги" перелетели на аэродром Добженевка, расположенный всего в нескольких километрах от места постоянного базирования полка - Заблудуво. Там, на зимних квартирах, разместились семьи личного состава.

С нового аэродрома летчики вылетали на прикрытие города Белостока и его железнодорожного узла.

Из штаба дивизии прибыл связной. Он передал командиру полка приказ: всем самолетам до наступления темноты перелететь на аэродром Кватеры, где стоял бомбардировочный полк.

Двадцать восемь машин могли подняться в воздух, а пять - требовали ремонта.

Нехотя догорал день. Спрятавшееся за горизонтом солнце долго кровавым заревом пылало на западе.

Командир полка вызвал воентехника второго ранга Степана Ивлева.

- Вот что, - оторвавшись от карты, глухо сказал ему, - сейчас перелетаем на другой аэродром. Сами знаете, что поврежденные самолеты оставлять врагу мы не имеем права. В ваше распоряжение выделяется группа техников. Отремонтируйте до наступления рассвета. Ясно?

- Ясно, товарищ капитан.

- Еще одно обстоятельство. - С ящика из-под боеприпасов приподнялся военком полка. - Фашисты могут ворваться на аэродром. Если что... уничтожите самолеты. Сами с группой примкните к наземным войскам, обороняющим аэродром.

- Здесь останутся пять летчиков. С рассветом они перегонят отремонтированные машины на аэродром Кватеры, - добавил командир, закладывая в планшет свернутую карту.

В вечерних сумерках расставили самолеты так, чтобы можно было взлететь с интервалом, обеспечивающим зрительную связь с впереди летящими. Первым взлетел заместитель командира полка майор Кабанов, последним - капитан Беркаль.

Садиться пришлось в темноте, но посадочная полоса хорошо освещалась заревом пожара - к концу дня и этот аэродром подвергся штурмовому налету фашистских самолетов.

Подкралась ночь. Остался позади тяжелый, жаркий день. А к аэродрому Добженевка уже рвались немецкие танки и мотопехота.

В таких условиях неисправные самолеты следовало уничтожить. Но как жаль было сжигать новенькие, еще пахнущие заводской краской и клеем МиГ-3. Техники торопливо ремонтировали их. Дел было много, а впереди всего несколько часов короткой июньской ночи. Соблюдая маскировку, работали в потемках, почти на ощупь. Аккумуляторным освещением пользовались осторожно и только при крайней необходимости.

Коротка июньская ночь. Едва отцветет закат, а уж восход скоро. Успели заменить два воздушных винта, водяной радиатор, три колеса, несколько трубопроводов и других мелких агрегатов. Заделали десятки пробоин з фюзеляжах и плоскостях.

Рядом с аэродромом шел встречный ночной бой. Огненные всполохи подступали к аэродрому, охватывали его кольцом. Иногда над летным полем проносились с надсадным воем мины и взрывались на краю взлетно-посадочной полосы.

Каждый взрыв тревожил. Невольно задавался один и тот же вопрос: "Кто раньше успеет - техники, которые ремонтировали самолеты, или фашистские танки?"

Но успели раньше техники. В два часа ночи они доложили: "Все машины исправны".

В предутренней темноте летчики во главе с комиссаром первой эскадрильи лейтенантом Алексеем Сноповым под обстрелом врага прямо со стоянок поднялись в воздух и скрылись за верхушками высоких деревьев.

Степан Ивлев собрал техников и мотористов. Внимательно осмотрел. Вооруженные винтовками, гранатами, пистолетами, они выглядели словно пехотинцы. Стояли и ждали, что он скажет.

- Будем отходить. Прижмут фашисты, станем отбиваться. - Он попробовал улыбнуться. Улыбка вышла невеселая.

Группа техников и "безлошадных" летчиков присоединилась к пехотному взводу и вместе с ним вступила в бой. Враг бросал десанты. Тяжелые бомбардировщики с черными крестами висели над дорогами. Во время одной бомбежки взрывной волной Ивлева отбросило и оглушило. Он потерял сознание. Техники Николай Григорьев и Алексей Загарский возглавили оставшуюся группу, довели ее до своей части.

А на аэродроме Кватеры готовились к боевым вылетам. Вдоль намеченной взлетно-посадочной полосы тянулись выкопанные глубокие канавы и груды завезенного камня - ровные прямоугольники высотой до полуметра. Посадочная полоса была открыта со всех сторон, и лишь с юга, примыкая к шоссейной дороге Белосток - Волковыск, начинался лесной массив. На аэродром слетелись все уцелевшие за день самолеты на Белостокском и Гродненском направлениях, главным образом с приграничных аэродромов.

Притихли машины, смолкли голоса уставших людей. Наступило затишье. И вдруг в воздухе раздался рокот чужих моторов. Прошло мгновение. С земли было видно, как на аэродром под крутыми углами с двух сторон пикировали две группы Ме-110. Они сбросили бомбы, затем стали поливать аэродром пулеметными очередями. Запылали Кватеры. Более пятнадцати минут продолжалась бомбежка. А когда все кончилось, снова наступила особенно ощутимая тишина. Легкий ветерок чистил аэродром от поднятой пыли, разгонял гарь.

Беркаль отдал распоряжение готовить к полету "миги". Переливали из баков неисправных машин бензин, перестанавливали бортовые баллоны со сжатым воздухом для запуска моторов. Пять "мигов" перегнали на аэродром Барановичи, тоже забитый самолетами, преимущественно истребителями И-16 и И-15-бис, расставленными по его границе.

Командир полка доложил подъехавшему на "эмке" командиру авиадивизии полковнику Татанашвили, кто он и откуда прибыли с ним люди.

Комдив тут же поставил боевую задачу - патрулированием прикрыть аэродром. Летчики поочередно несли дежурство, сменяя друг друга. Но самолетов противника не было. Строились разные догадки. Вскоре все стало ясно. Лишь только наступила темнота, как в воздухе послышался шум моторов и вой падающих бомб.

Третий день войны уносил с собой близких, друзей, товарищей. С этим невозможно было смириться, свыкнуться. Надо

проявить выдержку и дисциплину, отойти в тыл и сберечь людей.

Командир полка отдал приказ: оставшемуся личному составу собраться на аэродроме Балбасово - пункте сбора летного и технического состава авиаполков округа, базировавшихся на приграничных аэродромах. Не теряя времени, решили двигаться днем. Ехали осторожно, с интервалами между машинами. Самолеты врага то одиночные, то парами, а то цепочкой заходили вдоль дороги, затем, снизившись до бреющего полета, жадно искали цели.

На другой день прибыли на аэродром Балбасово, где всего год тому назад формировался и получил путевку в жизнь наш полк.

Рассчитывали, что здесь дадут самолеты, но весь резерв был уже передан другим авиаполкам. Нас направили в Орел, где сразу же выделили несколько самолетов МиГ-3 и Ути-4 для дежурных звеньев и тренировки молодых, еще не успевших вылететь на "мигах" летчиков. Началась напряженная учеба. Вскоре прибыли шесть транспортных самолетов Ли-2, на которых перебросили весь личный состав полка в район другого аэродрома. Там нас уже ожидали машины МиГ-3.

Полк перелетел на аэродром Шайковка Западного фронта, находившийся в восьми километрах к югу от города Спас-Деменска и ста километрах восточнее Смоленска.

Итак, мы снова на фронте. По нумерации наш полк оставался тем же, 129-м истребительным авиационным, но личный состав его обновлялся и прошел суровую школу первых дней войны. Короткий и горький этап, но без него, пожалуй, не было бы и последующих успехов в борьбе с фашистами на дальних подступах к столице нашей Родины.

II. На дальних подступах к Москве

Полыхали пожарами июльские ночи. Через "Смоленские ворота" враг рвался к Москве. Захват этого города, подчеркивалось в плане "Барбаросса", означает как с политической, так и с экономической стороны "решающий успех".

С падением нашей столицы гитлеровцы рассчитывали решить судьбу войны. На кратчайших путях к Москве, на широких просторах Смоленщины и в междуречье Западной Двины и Днепра в тяжелых кровопролитных боях войска Западного фронта изматывали самую сильную группировку врага - так называемую группу армий "Центр", поддерживаемую вторым воздушным флотом.

После официального представления и знакомства полковник Олег Викторович Толстиков, командир авиационной дивизии, сразу же перешел к основному вопросу. Был он немногословен,

производил впечатление человека замкнутого, чем-то удрученного. Впрочем, тогда многие были молчаливы. На всем протяжении огромного фронта шли ожесточенные бои. Выход гитлеровцев во второй половине июля на линию Великие Луки - Ярцево - Ельня ухудшил положение войск Западного фронта.

- Вы входите в смешанную сорок седьмую авиадивизию, - сказал Толстиков отрывисто и кивком головы показал на карту. - Фронт рядом. Фашисты наступают.

- Понятно, - коротко резюмировал Беркаль.

- А теперь расскажи о самочувствии летчиков, настроении людей, попросил полковник, переходя на "ты". Он взглянул в лицо командира красными, воспаленными от бессонницы глазами. - Только прошу правду. Слышишь?

- Ребята рвутся в бой.

- Это хорошо.

Сжатые губы полковника чуть тронула улыбка.

Беркаль хотел добавить, что полк в полной боевой готовности, состав полка отличный, молодежный, большинство коммунистов и комсомольцев, летчики, хотя еще не все обстрелянные, но народ отчаянный. Но этого не успел сказать - в землянку вошли двое: военком дивизии полковой комиссар Иваненко и начальник штаба полковник Дагаев.

Комдив охарактеризовал кратко наши задачи: сопровождать штурмовики и бомбардировщики, которые будут действовать по танкам, мотомехчастям и пехоте противника. Кроме того, летчики должны были вести воздушную разведку в тылу, проводить самостоятельные штурмовые действия по вражеским войскам и аэродромам. Толстиков предупредил, что истребительной авиации на Западном фронте у нас пока недостает, поэтому не исключено, что воздушные бои придется вести с численно превосходящим противником.

- Все ясно, - сказал Беркаль. - Разрешите приступить к боевой работе?

- Капитан, - остановил его начальник штаба авиадивизии. - Готовьтесь сопровождать бомбардировщики. Приказано бомбить вражеские аэродромы.

Командир полка посмотрел на карту, где кружками были обозначены аэродромы Ельни, Смоленска, Шаталово, Мошны. Полковой комиссар Иваненко перехватил этот взгляд и добавил:

- С аэродромов Ельни и Смоленска вылетают фашистские бомбардировщики бомбить Москву.

- Разрешите, идти. - Беркаль был взволнован. Ведь делалось все возможное, чтобы остановить врага. Но, выходит, усилий было еще недостаточно. Нужна отдача всех сил, а может быть, и

самой жизни.

Перед землянкой он встретил командира эскадрильи Петра Ковача.

- Готовься, полетим на Ельню.

- Есть, готовиться, - спокойно отозвался комэск. Беркаль вспомнил, как тот появился в полку. Смущенно улыбаясь, протягивал каждому широкую, как лопата, ладонь и представлялся:

- Петром зовут.

Был он невысок, но широк, с мощной шеей, а лицо добродушное. Вступил в войну, имея за плечами боевой опыт, о чем свидетельствовал орден Красного Знамени за три сбитых над Халхин-Голом японских самолета. С высших тактических курсов немедленно попросился в боевую часть и в своем желании оставался непреклонен.

Комэском в нашем 129-м истребительном он стал сразу, хотя и был всего лишь старшим лейтенантом.

Кое-кто удивлялся такому назначению. Но это было справедливо: назначить отличного опытного летчика комэском.

Летчики лучше, чем кто другой, знали истинное положение на фронте. Они, часто бывая в воздухе, видели поединки танков на земле, наблюдали сражения артиллеристов и бои пехотинцев.

Трудно было сосчитать все воздушные бои. Фашисты дрались, как правило, только при численном превосходстве, очень боялись лобовых атак. Это летчики усвоили и старались навязать врагу свою тактику, свою волю.

Душным июльским вечером разведка донесла, что на аэродроме Ельня немцы сосредоточили изрядное количество самолетов. Вскоре в полк поступил приказ командования: произвести налет.

Планом предусматривалось, что первыми к аэродрому подойдут на малой высоте Ил-2, за ними бомбардировщики Пе-2. Штурмовики должны подавить зенитки врага, чтобы через две-три минуты дать возможность бомбардировщикам прицельно отбомбиться. Дело истребителей - прикрыть действия как штурмовиков, так и бомбардировщиков.

Командир полка Беркаль вызвал Петра Ковача.

- Готовься к вылету. Помнишь, я тебе говорил о Ельне? Приказано сопровождать бомбардировщики вместе со штурмовиками.

- Одной группой пойдем?

- А ты сам как думаешь?

- Думаю, одной нельзя. "Мессеры" могут напасть на Ил-два и пощипать. Надо вылетать двумя группами: одна прикрывает Ил-

два, вторая бомбардировщики.

- Разумно.

- Война заставляет сдавать зачет по тактике досрочно, товарищ командир.

Уточнили состав групп: Алексей Панов, Анатолий Соколов, Николай Романов, Николай Дмитриев, Борис Журин, Борис Суханов, Федор Дахов, Григорий Инякин, Захар Дзарминашвили, Александр Кондратюк, Николай Городничев. От согласованности между группами зависел успех всей операции.

В эскадрилью пришел старший лейтенант Яковлев. Он зачитал летчикам последнюю оперативную сводку, назвал населенные пункты, через которые проходила линия фронта.

Летчики занялись своими картами. Полет был не из легких. Вот почему с особой тщательностью прокладывался маршрут, рассчитывалось время на полет, возвращение. Обсуждали варианты воздушного боя, взаимодействие между собой, штурмовиками и бомбардировщиками.

Пока летчики готовились к вылету и уточняли последние данные, на аэродроме шла деятельная подготовка. Самолеты тщательно проверялись, дозаправлялись горючим, боеприпасами.

Старший техник эскадрильи воентехник первого ранга Василий Хоменко обходил одну замаскированную машину за другой, проверял подготовку "мигов" к вылету.

Поздно вечером на КП полка прибыли ведущие группы Ил-2 и Пе-2, с которыми Ковац уточнил место и время встречи в воздухе и вопросы взаимодействия в районе цели и на маршруте.

А на следующий день, задолго до рассвета, воздух над аэродромом наполнился мощным рокотом работающих моторов. В темноте переливались, чередуясь, вспышки выхлопов отработанных газов - это техники производили проверку материальной части, готовили ее к боевой работе. В назначенное время истребители взлетели с аэродрома, вместе со штурмовиками и бомбардировщиками двумя - группами направились к линии фронта. Там штурмовики прижались к земле. Маскируясь рельефом местности, через несколько минут первыми точно вышли на вражеский аэродром.

Зенитки противника открыли огонь. В небе грозно распушили свои черные бутоны смертоносные разрывы снарядов. Они все ближе, но строй Ил-2 твердо выдерживает курс.

Ведущий штурмовиков сделал "горку", подал команду "Атака". Сразу же из люков посыпались осколочные и зажигательные бомбы. Одновременно летчики обстреляли зенитные точки и стоянки самолетов реактивными снарядами, пушечным и пулеметным огнем. Пока Ил-2 разворачивались для

второго захода, подоспевшие Пе-2 прицельно сбросили бомбы по скоплению самолетов на земле. На аэродроме горели и взрывались заправленные бензином, начиненные авиабомбами фашистские бомбовозы.

Неожиданно появилась шестерка "мессершмиттов". Они кинулись на Пе-2. Летчики на "мигах" преградили им путь. Меткие очереди наших истребителей сорвали замысел гитлеровцев. Завязался скоротечный бой. Атака следовала за атакой. Петр Ковац, Николай Романов и Алексей Панов сбили три Ме-109.

Пока вверху шел воздушный бой и Пе-2 прицельно бомбили аэродром, штурмовики стали в круг, методично уничтожая одну цель за другой. От прямых попаданий пушечных снарядов загорелось бензохранилище. Взметнулся высокий столб черного дыма.

Подошло время возвращаться на свой аэродром. Повернули все четыре группы: штурмовики, бомбардировщики и две группы истребителей прикрытия. Возвращались без потерь. Когда пересекали линию фронта, их пытались атаковать сверху четыре истребителя Хе-113. Однако находившийся поблизости комиссар эскадрильи Соколов успел почти в упор вонзить длинную пулеметную очередь в кабину вражеского самолета. Перевернувшись несколько раз через крыло, тот рухнул на землю. Остальные ушли. Скоро воздушная разведка подтвердила, что на аэродроме Ельня уничтожено двенадцать самолетов противника, взорван склад горючего, выведена из строя летная полоса.

После удачного вылета был разбор. Командир полка Беркаль дал высокую оценку работы летчиков.

- Товарищ командир, так захвалить можно. - Петр Ковац улыбнулся Беркалю. - Смотрите, как бы мы не загордились. - И посерьезнел. Заветренная кожа обтянула вздувшиеся желваки. - Пока враг на нашей земле, нет и не может быть для всех нас ни отдыха, ни покоя. Потом отдыхать будем. После войны.

Летать, драться, сбивать врага - это была суровая, но обязательная работа, работа его подчиненных, И они относились к ней ответственно.

На аэродроме Шайковка базировались штурмовики Ил-2, эскадрилья корректировщиков Су-2. Летчики-истребители знали, как трудно пилотам, летавшим на корректировку артогня, старались прикрыть их как можно лучше.

Враг продолжал наступать. Над дорогами не оседала пыль, горела пшеница, и черный удушливый дым подымался в небо. Танковые колонны фашистов при поддержке бомбардировщиков подбирались к Рославлю, Белому и Ярцево. Бои вспыхивали на

полях, около перелесков, оврагов.

Летчики полка вылетали на штурмовку. Это были полеты на небольшой высоте, над дымом пожарищ и огнем. В кабинах - дышать нечем.

Не успели оглянуться, прошла неделя. Для летчиков она казалась одним огромным днем, без начала и конца, всего полк произвел 483 боевых вылета. Истребители провели 29 боев, сбили 9 самолетов противника, 12 уничтожили на земле.

Но машин не хватало. Все жили надеждой, что скоро полк пополнят самолетами. Тогда можно больше летать, чаще встречаться в воздухе с фашистами, сбивать их.

Августовские бои.

Распоряжением командующего ВВС Западного фронта в первых числах августа из полка в другую часть выбыла вместе с самолетами МиГ-3 эскадрилья летчиков старшего лейтенанта Федора Жевлакова и шесть экипажей под командой капитана Ивана Хлусовича. Остальные летчики во главе с командиром эскадрильи Ковацем и штабом перебазировались на аэродром Ново-Дугино, расположенный между Сычевкой и Вязьмой, всего в двухстах километрах от Москвы. Аэродром этот ровная площадка. Совсем недавно здесь колосилась пшеница. Кругом лес, кустарник и лишь с восточной стороны дорога. По ней непрерывно подтягиваются войска. Пехотинцы, артиллеристы, связисты - все смешалось в общем потоке, движущемся под Вязьму.

Тарахтят ЗИС-5, доверху груженные ящиками. Там бутылки с липкой горючей смесью - для борьбы с танками врага. В семи километрах от нас появились "родные", именуемые группой капитана Зайцева.

Видно было, как с аэродрома Кулешовка взлетали летчики на самолетах ЛаГГ-3. Познакомиться с ними пока не успели, хотя жили по соседству. Знали только, что группой командует беспримерно храбрый Василий Зайцев.

Трудно сказать, когда произойдет знакомство. Вместе ли мы будем прикрывать бомбардировщики или штурмовики, действовать ли отдельно: все зависит от приказа.

О Василии Зайцеве рассказывали чудеса: он нашел свой тактический прием, сбивал фашистов с первой очереди. К тому времени на его личном счету было уже шесть сбитых фашистских самолетов, два из которых уничтожены реактивными снарядами - ими вооружены ЛаГГ-3.

С большой радостью встретили в полку сообщение о том, что в ночь на 8 августа группа советских бомбардировщиков ВВС Краснознаменного Балтийского флота совершила первый налет

на Берлин. Ответные удары по фашистской столице разоблачили лживую геббельсовскую пропаганду, показали народам мира, что советская авиация не только существует, но и способна наносить удары даже по фашистскому логову.

Работы на Западном фронте с каждым днем становилось все больше. И в воздухе, и на земле. Противник, пытаясь разгадать замыслы нашего командования, увеличил полеты своих самолетов на разведку. Пришлось всерьез подумать о маскировке аэродрома. В густой березовой роще были прорублены рулежные дорожки. Они соединяли летное поле с расположенными в лесу стоянками самолетов.

На аэродроме Кулешовка сел 215-й штурмовой авиационный полк на Ил-2. Командиром его был стройный, с черной, как смоль, шевелюрой майор Леонид Рейно. Вот они, бронированные самолеты, названные фашистами за сокрушительную мощь ударов "черной смертью".

Летчики быстро подружились между собой - их сблизили совместные вылеты и воздушные схватки.

В районах Смоленска, Ельни, Ярцева, Духовщины, Великих Лук шли упорные бои. Это было известно не только по сводкам Информбюро, но и по гулу артиллерийских канонад. А ночью колыхались огненные сполохи на горизонте.

Ил-2 каждый день вылетали на помощь пехотинцам, артиллеристам, танкистам. У летчиков не было двух одинаковых вылетов, не было двух одинаковых боев. То прикрывали свои войска, то штурмовали вражескую автоколонну на дороге, то атаковали танки или аэродромы врага. Истребители надежно прикрывали штурмовики.

Если в воздухе не было немецких истребителей, "миги" и "лагги" "работали" бок о бок со штурмовиками и бомбардировщиками - уничтожали вражеские войска и боевую технику, подавляли зенитный огонь. Запомнилось утро 13 августа. Воздушная разведка обнаружила большое скопление немецких самолетов на аэродроме Шаталово.

На подготовку к боевому вылету штурмовикам дали тридцать минут. Девятку Ил-2 повел капитан Василий Пахнин. Сопровождала семерка ЛаГГ-3, которую возглавлял капитан Федор Мочалов.

Налет днем всегда опасен. Командир штурмовиков рассчитывал на внезапность. Он решил подойти к вражескому аэродрому с тыла, чтобы обмануть посты оповещения.

Выскочили на бреющем полете. Только что села большая группа бомбардировщиков "Хейнкель-111". Они выстроились в два ряда для заправки. Лучшей мишени нельзя было придумать!

Капитан Пахнин повел группу в атаку. После первого захода - второй. Один дежурный истребитель Ме-109 пошел на взлет, но он еще не успел оторваться от летного поля, как его сбил Павел Песков.

Затарахтели зенитки противника. Но было уже поздно. Наши летчики сбросили бомбы и теперь уничтожали эрэсами и пулеметно-пушечным огнем вражеские машины.

По команде Пахнина два Ил-2 устремились на зенитки. Откуда ни возьмись - немецкий бомбардировщик. Над самым аэродромом Мочалов заметил его. На большой скорости вместе с летчиком Василием Давыдовым атаковал и первыми же очередями "пригвоздил" к земле.

Еще один заход Ил-2. От них не отстают истребители сопровождения. С азартом помогают своим друзьям "горбатым" - так в шутку называли в войну штурмовики наши летчики.

Снова заход. И снова десятки реактивных снерядов сошли с направляющих балок и стремительно понеслись к земле.

Клубы черного дыма поднимаются ввысь. Отличный фейерверк! Впервые молодым летчикам довелось видеть столько горящих фашистских самолетов.

Когда минут через двадцать к месту штурмовки прилетел разведчик, он с большим трудом произвел съемку: дым закрывал аэродром плотным одеялом.

Экипаж разведчика доложил, что ребята поработали на совесть уничтожено более двадцати самолетов на земле, два сбито в воздухе. Взорваны два склада горючего и боеприпасов.

Крепла боевая дружба летчиков-истребителей со штурмовиками. Базировались мы на одном аэродроме, входили в состав одной дивизии.

Наши летчики восхищались действиями штурмовиков над полем боя, в борьбе с танками противника, при подавлении точечных и узких целей. Таких, как переправы. Ведь переправа, если смотреть с воздуха, нечто вроде тоненькой ниточки, связывающей оба берега реки. Попробуй попади в нее. Нужна особая точность бомбометания, определенная сноровка. Переправа может быть уничтожена или разрушена только в случае, если бомбы угодят прямо в нее или разорвутся рядом с ней.

Настоящими мастерами штурмовых ударов считались летчики 215-го штурмового авиаполка: Леонид Рейно, Василий Пахнин, Александр Новиков, Иван Гвоздев, Николай Карабулин, Иван Дубенсков, Петр Марков, Иван Волошин и другие.

В ненастную, нелетную погоду командование полков проводило совместные разборы полетов, обсуждало тактику

врага, вопросы взаимодействия штурмовиков и истребителей. Много дельных предложений вносилось и анализировалось там.

Истребители часто требовали от штурмовиков, чтобы их группы над целью работали более компактно, - организованно уходили от цели. "Мессеры" осторожно вступали в бой, когда штурмовики обрабатывали цели с замкнутого, прикрытого истребителями круга.

Но стоило только кому-нибудь отколоться от группы и отстать, как тут же появлялись фашистские истребители. Словно коршуны, набрасывались на добычу. И клевали, клевали.

Штурмовики же, в свою очередь, просили истребителей, чтобы при отсутствии в воздухе вражеских самолетов во время работы "илов" они чаще подавляли зенитные точки противника, помогая им.

Как бы ни были храбры летчики-истребители и штурмовики, вылет их зависел от труда многих людей: техников, механиков, оружейников. Всех тех, кто были верными помощниками летчика. Именно с них начинает свой путь самолет, ими же и кончает его. Загрубевшими, черными от масла и бензина руками они по-матерински нежно притрагивались к самолету. Снимали и ставили моторы, поврежденные в бою, заменяли цилиндры, пристреливали вооружение, чистили пулеметы и пушки, меняли в них поломанные детали, производили набивку лент и зарядку вооружения, готовили реактивные снаряды и бомбы. А главное, восстанавливали поврежденные в бою, порой, казалось, безнадежные машины. И эти люди стискивали в крепком дружеском рукопожатии ладони летчика перед очередным вылетом, поздравляли с победой.

Сутками не уходили техники с аэродрома. В полевых условиях выполняли такое, что под силу лишь стационарным мастерским. Ночами восстанавливали израненные машины.

Да что там ночами! Построят, бывало, шалаш у самолета, здесь и ночевали под боком машины. А техник самолета Сергей Иванов вырыл себе возле самолета щель-одиночку. В этой щели, как в люке, мог скрыться один человек. Все посмеивались: мол, в такой яме больше шансов быть заживо погребенным при бомбежке. Некоторые шутники даже высчитывали вероятность "выживания".

Каждый раз, провожая летчиков в бой, техники желали им удачи, мысленно были вместе с ними. Нетерпеливо ожидали они возвращения командира экипажа с боевого задания, расспрашивали, выслушивали замечания летчиков о работе мотора, вооружения и другого оборудования.

Надо было видеть их, когда летчики сообщали о своих

победах! И как же тосковали они, если самолет не возвращался на аэродром. Даже после того, когда всем становилось ясно, что летчик погиб, каждый из них еще на что-то надеялся, ждал.

Вылеты следовали один за другим, поэтому обычные сроки ввода в строй подбитых самолетов уже не удовлетворяли ни летчиков, ни техников. Обстановка диктовала суровые требования.

Тут-то и приходила на помощь смекалка.

Однажды на одной машине предстояло заменить блок мотора. Для лучшей маскировки механики Николай Феоктистов и Павел Митрофанов закатили ее поглубже в лес, навесили над мотором чехол, а для освещения подключили переносную лампу к аккумулятору и тщательно замаскировали. Приступили к работе. Пока снимали блок и меняли поршневые кольца, все шло отлично. А начали устанавливать блок, и дело застопорилось. В эскадрилье не оказалось специальных стяжных.лент, пришлось при опускании блока сжимать поршневые кольца руками и отвертками. Первые кольца вошли как обычно, предпоследнее же вдруг лопнуло. Чтобы заменить его, надо снимать блок и все кольца с поршня. Снова проделали всю эту операцию, второй раз попытались поставить блок. Опять неудача. Лопнуло среднее кольцо. Механики недоумевали: в чем дело? Ведь им приходилось не раз менять блоки без специальных стяжных лент. Тут к машине подошел техник звена Николай Григорьев.

- Э-э, братцы, да вы перекашиваете блок, оттого и кольца лопаются. А ну-ка, снимите свои ремни.

Ребята удивились, но ремни сняли.

Обхватив одним, а затем вторым ремнем поршневые кольца, он сжал их, словно стяжкой. К утру самолет возвратился в строй.

Воздушные бои разгорались. Летать приходилось по пять-шесть раз в день. А каждый вылет - испытание профессионального умения, находчивости, боевитости, выдержки. Есть ли предел человеческим силам? В тех условиях его невозможно было определить. Ребята осунулись, похудели, очень трудно приходится сейчас всем. У техников по горло забот с самолетами - знай латай, а летчикам совсем туго - приказы штаба поступают ежечасно. Ни сна, ни отдыха.

Но все это можно осилить. Конечно же, можно! Ведь самое главное - мы наступаем. Пусть на одном участке фронта, а все-таки идем вперед. Получен приказ командующего Западным фронтом - 19-я Армия перешла в наступление.

Уже позади и первые бои наших летчиков, и первые промахи перед казавшейся почти непобедимой техникой противника. Потому уверен так лейтенант Борис Журин: "Получат теперь

фашисты по заслугам, узнают силу советского оружия". Его поддерживает техник звена Петр Пахомов: "Ох, как еще получат! Запомнится это им надолго".

В результате согласованных действий бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей, а также мощной артподготовки части 19-й армии прорвали фронт обороны немцев и развернули стремительное наступление. Противник бежал. Немецкое командование поспешно бросило из района Духовщины к западному берегу реки Царевич во фланг наступающим нашим частям танковые и мотомеханизированные полки. Командование фронта поставило боевую задачу двум смешанным авиационным дивизиям: штурмовыми ударами по танкам и мотопехоте приостановить их движение и разгромить.

Техники едва поспевали заправлять "миги" и "лагги" всем необходимым, как поступал приказ на выполнение нового задания. Почти в каждом вылете к линии фронта летчики встречали истребители противника, вступали с ними в бой. Петр Ковац летал ведущим группы. Он хорошо усвоил уловки врага, выработал свою тактику: избегал боя на виражах, учил своих летчиков атаковывать сверху, а после атаки снова набирать высоту.

20 августа, подойдя к району патрулирования, истребители Коваца увидели десять Ю-88. Их охраняли девять Ме-109.

Имея преимущество в высоте, пятерка МиГ-3 устремилась на врага. Старший лейтенант атаковал ведущего бомбардировщика. Первыми же очередями ему удалось сбить Ю-88, второй фашистский бомбардировщик зажег его ведомый Николай Романов. А третий - летчик Николай Дмитриев. На отходе немцы потеряли еще один самолет. Ме-109 сбил Федор Дахов. Истребители фашистов настолько растерялись, что не приняли боя. В тот же день, снова используя высоту и внезапность атаки, летчики второй эскадрильи уничтожили еще четыре фашистских самолета.

Полк получил очередной приказ командования сопровождать Ил-2 в район Духовщины.

Нет, пожалуй, ничего сложней для истребителя, чем прикрытие штурмовиков. Словно стальной нитью ты привязан к тяжелым, сравнительно тихоходным машинам. Ты открыт наземному огню, и у тебя нет надежной брони, укрывающей снизу, какой оснащен самолет "ильюшин". Командир эскадрильи Ковац, Николай Городничев, Александр Кондратюк и Василий Зайцев дважды сопровождали к цели группы штурмовиков. Ни шквальный, огненный заслон зенитчиков, ни истребители противника не сумели помешать работе наших летчиков.

Связывая боем вражеские самолеты, наши истребители давали штурмовикам спокойно работать над целью.

Те удачно нанесли прицельный удар. В первом же вылете боевые порядки вражеских танков на лесной опушке под Духовщиной были смяты. Во втором продолжалось их уничтожение бомбами и эрэсами. В воздушном бою Ковац лично сбил два "мессера".

Короткая передышка... Приземлившись, старший лейтенант попросил кормить экипажи прямо на стоянках. Все уселись на траву. Комэск скинул шлемофон, расстегнул ворот гимнастерки и ослабил ремень, положив кобуру на колени. Не успел механик Павел Зотов подать миску наваристых щей, как на траву легла тень - подошел командир полка.

- И я с тобой пообедаю.

Оба молча позвякивали ложками.

- Так что там, Петро? - не выдержал Беркаль. - Думаешь надо еще раз?

- Бог, товарищ майор, троицу любит... Только на этот раз двумя звеньями полетим.

- Может, лучше других ребят подберем? Усмехнувшись, Ковац мотнул головой. Прожевывая кусок хлеба, сказал:

- Не годится. Другим все снова надо объяснять. Время-то сколько уйдет! А мои хлопцы почти каждую зенитку знают. Да и штурмовики к нам привыкли. Друг друга сразу понимаем.

Не успели допить компот и закончить разговор, как появился техник звена Владимир Суханов. Доложил, что самолеты осмотрены, заправлены, к вылету готовы.

- Разрешите вылетать? - Ковац поднялся с земли, затянул ремень, привычным движением расправил под ним гимнастерку, - Добро.

Беркаль пристально вгляделся в командира эскадрильи. Только сейчас заметил, как исхудал он за последние трудные дни.

Старший лейтенант выдержал взгляд. - Давай, - сказал ему командир полка. - Думаю, будет сегодня последний вылет.

Наши летчики в назначенном месте встретили восемь штурмовиков. Ведущие групп, как старые знакомые, покачали друг другу крыльями. Четырнадцать самолетов пошли к линии фронта. Она была обозначена пожарами, пыльными столбами, горящими танками. Зенитки фашистов молчали. Это сразу насторожило. Скоро Ковац увидел по заросшей кустарником лощине двигается колонна немецких танков с черными крестами. Люки были открыты, из них торчали флаги со свастикой. Фашисты надеялись, что штурмовики не заметят их.

Командир эскадрильи спикировал, стараясь показать группе штурмовиков цель.

- Фашистские танки! - передал он по радио.

- Спасибо, цель вижу, - ответил ведущий штурмовиков.

Старший лейтенант взмыл вверх. Только сейчас он разгадал непонятное молчание зенитных батарей. Одиннадцать "Мессершмиттов-110" двумя группами со снижением стремительно шли наперерез штурмовикам.

- Атакуем! - передал по радио своим летчикам Ковац.

Двухмоторные "мессеры" были вооружены скорострельными пушками, обладали хорошей маневренностью.

"Илы" открыли огонь с дальней дистанции. Командир эскадрильи понял: это вовсе не потому, что у его подопечных сдали нервы. Нет. Штурмовики дали знать истребителям о появлении в воздухе самолетов врага. Первый натиск фашистов удалось отбить. А пока те разворачивались для повторной атаки, "илы" прицельно сбросили бомбы и теперь стремительно неслись к земле, обстреливая реактивными снарядами и пушечным огнем бронированные чудовища. Несколько танков неуклюже развернулись, задымили. Штурмовики повторили заход. Цепь огневых взрывов подтвердила, что бомбы и остаток эрэсов легли точно. "Мессершмитты" рванулись на штурмовиков, стараясь атаковать их во время пологого пикирования. Но Ковац смело бросился на ведущего группы. Трассы пушек и пулеметов перехлестнулись. "Мессершмитт-110" задымил, отвесно пошел к земле. В этот же момент был сбит ведомый Коваца - летчик Мариченко.

Старший лейтенант повторил атаку - хотел отомстить за своего ведомого. Посмотрел вниз, надеясь, что тот выпрыгнет с парашютом. Но краснозвездный самолет врезался в землю и взорвался.

В перекрестье прицела - темное брюхо ненавистного фашиста. Ковац нажал на гашетки. Самолет задрожал от глухих выстрелов. Фашистский истребитель клюнул носом, сорвался в штопор. - Это за Мариченко!

Командир эскадрильи обернулся. Нет рядом правого ведомого... Синяя бездна поглотила его горящий самолет. Ковац закусил губу. "Прощайте, товарищи... Жалко ребят!"

Девять уцелевших самолетов противника взмыли вверх. Этого времени как раз достаточно для того, чтобы наши штурмовики успели развернуться и даже занять порядочную дистанцию.

Четверо против девяти. Одномоторные против двухмоторных. К тому же враг, сообразив, с кем имеет дело, гибко меняет тактику. Шесть "мессеров" устремляются на штурмовики, а

взмывшая ввысь тройка идет в атаку на наших истребителей. Ковац яростно жмет на гашетки. Но патроны кончились. Что делать?

Комэск развернулся. Напрасно враг думал, что он хочет выйти из боя. Самолет старшего лейтенанта, набирая скорость, мчался наперерез шестерке Ме-110. Приблизившись, Ковац ввел машину в крутое пикирование. Его неотступно преследовал ведущий тройки фашистов, нещадно паля из пулеметов и пушек. На какой-то промежуток времени внизу смолкла орудийно-пулеметная перестрелка. Установилась тишина.

Командир эскадрильи, показывая непревзойденный образец точного расчета и высшего пилотажа, пошел в свою последнюю атаку. Он вышел из пикирования в тот момент, когда преследователь сверху уже подходил вплотную, а лидер фашистской семерки пытался налететь снизу. Немецкие летчики в азарте боя не смогли разгадать маневра Коваца. Вражеские машины встретились в той точке пространства, которую он точно выбрал и занял сам в единственно возможный миг. Вспышка взрыва трех самолетов - двух фашистских и одного нашего озарила потемневшее небо...

Оценивая работу наших летчиков, командующий ВВС Западного фронта генерал-майор авиации Ф. Г. Мичугин в своем приказе от 26 августа 1941 года отмечал:

"...Действия командира эскадрильи 129-го истребительного авиационного полка старшего лейтенанта Коваца являются примером мужества и геройства. Летчик Ковац, оставаясь верным воинской присяге, погиб в бою смертью героя!"

12 апреля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР старшему лейтенанту Ковацу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Это был первый Герой в полку. Он провоевал у нас немногим более месяца, но успел много: 78 боевых вылетов в качестве командира групп, 26 воздушных боев, 7 лично сбитых самолетов противника. 3 из них в один день, 2 последних - в одно мгновение. Его примеру последовали двадцать его полковых товарищей. Но ему не суждено было узнать, что он стал их первым учителем.

Только за два дня - 21 и 22 августа - летчики 47-й смешанной авиационной дивизии произвели 159 боевых вылетов. Усилиями наземных войск при активной поддержке авиации танковая группировка врага была разгромлена и в беспорядке отступила.

Вот пожелтевший лист приказа командующего Западным фронтом Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко от 23 августа 1941 года:

"...21 и 22 августа враг пытался приостановить движение

наших войск. Он ввел крупные силы танков, мотопехоты и с большой самонадеянностью атаковал наши части, но дни легких побед врага уже миновали. Славные 64-я, 50-я стрелковые дивизии и доблестная 47-я смешанная авиационная дивизия и ее 61-й и 215-й штурмовые и 129-й истребительный авиаполки разбили фашистские танки и заставили гитлеровцев в районе Духовщины в беспорядке отступать. Враг потерял до 130 танков, более 100 автомашин, много орудий, минометов, боеприпасов и живой силы..."

Разведчик сбит.

Вероятно, капитан Николай Городничев, штурман эскадрильи, и не подозревал в тот хмурый осенний день, какие события его ожидают. Успешно закончил штурмовку немецкой автоколонны с боеприпасами, привел своих ведомых к полковому аэродрому. Казалось, все беспокойства боевого вылета остались позади и теперь можно немного расслабиться. Он даже начал насвистывать. Три истребителя уже приземлились, четвертый - заканчивал пробег. Командир со своим ведомым по традиции обычно садились последними. Убедившись, что посадочная полоса освободилась, Городничев убрал газ, производя четвертый разворот, приготовился к планированию. В последний момент он привычно скользнул глазами по горизонту, осмотрел небо. И вдруг на высоте около тысячи метров увидел Ю-88.

"Разведчик", - мелькнуло в голове.

Капитан подал сектор газа вперед, переводя самолет в набор высоты, убрал шасси. Оглянувшись, убедился, что его ведомый младший лейтенант Андрей Кононенко мгновенно перешел от расслабленности в боевую готовность. Его машина точно повторила маневр командира - боевым разворотом ушла от аэродрома в сторону вражеского самолета.

- Порядок, Андрей, - произнес Городничев, как будто ведомый мог его услышать.

Пилот "юнкерса" заметил наших истребителей. Он перевел тяжелую машину в отвесное пикирование, пытаясь оторваться от истребителей. Скоро капитан и младший лейтенант вышли на нужную дистанцию. Короткие меткие очереди ведущего и его ведомого ранили летчика, стрелка, подожгли правый мотор.

Фашистский самолет продолжал полет. Городничеа повторил атаку и снова нажал на гашетку. Но почему молчат его пулеметы? Он не ощущал знакомого содрогания самолета. Неужели израсходован весь боекомплект? Должен стрелять Кононенко. Почему он не выходит? Не атакует? Тревожные мысли не давали покоя. Времени на обдумывание не оставалось. "Юнкерс" шел, оставляя за собой две дымовые полосы, чуть не задевая за

деревья.

Заместитель командира эскадрильи гнался за фашистским бомбардировщиком, с трудом сдерживая злость. "Перетянет линию фронта и уйдет. Уйдет. Надо принимать решение. Пожалуй, единственно правильное - отрубить фашисту хвост."

Мотор "мига" запел на высоких нотах. Машина рванулась вперед. И сверкающий, словно лезвие, диск с бешеной скоростью вращающегося винта стал неумолимо приближаться к правой части хвостовых рулей вражеского самолета.

Но что это такое? Немец словно испарился, исчез под крылом самолета. Истребитель взмыл вверх, и Городничев увидел, как "юнкерс" приземлился с убранными шасси около деревни Белоусово. Со всех сторон к самолету бежали наши солдаты, размахивали руками, видимо, что-то кричали на ходу.

Истребители повернули к своему аэродрому. А вскоре мы уже толпились у дома, куда временно поместили пленных. Каждому хотелось увидеть неожиданный трофей однополчан, ведь как-никак это была первая встреча с летчиками врага на земле.

Командир корабля Вилли, долговязый, белобрысый немец лет тридцати, с трудом владел собой. Он почему-то беспрерывно пил воду. Стакан с водой прыгал в трясущихся руках, зубы стучали о стекло.

Штурману на вид года двадцать два, лицо белое, холеное, взгляд водянистых глаз тусклый. На окружающих посматривал исподлобья.

Раненый стрелок-радист держал перед собой забинтованную руку. Экипаж доставлял разведданные для командования 2-го воздушного флота, действовавшего на Московском направлении.

Пришел взглянуть на немцев капитан Городничев. Услышав шаги, фашистский летчик поднял голову. Глаза его забегали, взгляд задержался на ордене Ленина.

С любопытством рассматривал фашиста и Городничев. Парадный мундир, на груди черный железный крест с белой свастикой. Видать, непростая птица. На картах штурмана и командира экипажа маршрут их разведывательного полета проходил через наши города Кинешму, Иваново, Ярославль и Калинин.

С трудом подыскивая полузабытые со школьных лет слова, Городничев спросил в упор:

- Зачем вы фотографировали наши города?

- Мы фотографируем железнодорожные узлы всех ваших городов, включая Москву, - - ответил фашистский летчик, - потому что скоро возьмем их.

- Это "скоро" никогда не наступит!

- Вы разговариваете с нами так, - нагло возразил штурман, - будто бы не армия фюрера стоит у ворот Москвы, а Советская Армия у ворот Берлина.

- Обождите! Советская Армия еще будет стоять у ворот Берлина. И возьмет его. Почему сдались? - обратился Городничев к командиру экипажа.

Вилли вскинул подбородок - сам шеф разведывательной эскадрильи так не разговаривал с ним. Но тут же сник, видимо, вспомнил свое положение.

- У вас награда за храбрость?

Сносный немецкий язык и оскорбительная ирония последнего замечания русского летчика вывели фашиста из себя. Он вскочил. Выпалил:

- У меня было ответственное разведывательное задание! Я не обязан был принимать бой!

- А когда же вы должны были его принять?

- Когда это целесообразно.

- Когда же целесообразно?

- При численном превосходстве.

Да, что верно, то верно, немцы воюют неплохо, когда на их стороне численное превосходство. Городничев усмехнулся.

- У нас в армии принято воевать не числом, а умением. Да где вам понять! - И жестоко закончил: - Вы трус, господин майор.

Кровь бросилась в лицо немца. Он отвернулся к окну.

Городничев махнул рукой и вышел из дома. Вечерняя прохлада немного освежила его, успокоила. Стоял и думал. Да, это его десятая победа. Десять фашистских самолетов не вернулись на базы. Не раз он сам попадал в тяжелые переплеты, ох, какие тяжелые... Вспомнились бои, проведенные им. И чем больше он размышлял, тем больше утверждался в мысли: нет, он не сложил бы оружия так быстро и поспешно, как этот немец. Дрался бы до последнего патрона. Так, как сражался в первый день войны его друг, комсомолец Степан Гудимов, который, отражая налет фашистских бомбардировщиков, сбил одного "хейнкеля", а второго таранил на горящем истребителе.

В ходе контрудара наших войск в районах Духовщины и Ельни главным силам врага, нацеленным на Москву, были нанесены тяжелые потери. 8 сентября 1941 года войска Западного фронта перешли в решительное наступление и освободили город Ельню. Враг был отброшен на двадцать километров.

В тот день летчики полка шесть раз сопровождали штурмовиков громить танковые и механизированные группировки в районе Ельни и Дорогобужа. Так, взаимодействуя с наземными частями, летчики преграждали путь врагу к Москве на

ее дальних подступах.

На КП получен приказ. Двум авиаполкам нанести удар по северному Смоленскому аэродрому. Полки - штурмовой и истребительный. Командиры назначают ведущих групп, уточняют списки летчиков.

Прозрачный осенний день, без дождинки, без облачка. Погода летная, как говорят летчики, "мильон высоты".

Вчера вылетали на штурмовку южного Смоленского аэродрома в туман и дождь. По инструкции мирного времени в такую погоду взлетать нельзя. Но сейчас война. Она вносила свои коррективы, выдвигая один убедительный аргумент - надо. И летчики поднялись в воздух. Правда, истребители потеряли штурмовиков. Но полет не прекратили, порознь продолжали следовать к цели, все атаковали ее, несмотря на яростный зенитный огонь. Пятнадцать самолетов противника были уничтожены, сгорели и автоцистерны с горючим на аэродроме.

Сегодня погода радует, как и сводка Информбюро, которую недавно прослушали. Наземные войска при поддержке танков громят фашистов. Сейчас надо больше летать, закреплять успех наступления.

Взлетев, группы самолетов собрались. Истребители прикрытия заняли высоту, чтобы вовремя атаковать фашистских истребителей.

Видимость отличная. Поэтому сверху хорошо просматривались то маленькая речушка, серебряной цепочкой извивающаяся меж полей и пригорков, то сосновая или березовая рощица. На секунду хочется представить себе мирное журчание воды, шум листвы. Однако все это уже осталось позади, сейчас под крылом разрушенный Смоленск, а вот и цель - северный аэродром.

Приготовиться...

Падают первые бомбы, летят реактивные снаряды. Рев самолетов, взрывы бомб, эрэсов, непрерывный треск пулеметных и пушечных очередей - все это слилось в единый оглушительный гул. Летчики и техники врага в панике мечутся между машинами.

По всему видно, что советских самолетов не ждали.

Восьмерка Ил-2 и сопровождающие их МиГ-3 и ЛаГГ-3 произвели два захода. Но вот вступила в общий нестройный хор зенитная батарея врага. Три наших летчика получили ранения. Ни один из них не прекратил штурмовки.

Теперь все экипажи без потерь возвращаются домой. Вдогонку им ветер несет густые тучи пыли и чадящий дым горящих самолетов, бензоцистерн, складов с боеприпасами.

Почти четыре десятка вражеских бомбардировщиков больше

не взлетят со смоленских аэродромов, не обрушат свой смертоносный груз на родную Москву. И в эту, и в следующую, и еще третью ночь столица спала спокойно.

Во время налета на южный аэродром самолет Ил-2 Леонида Рейно был поврежден огнем зенитной артиллерии. Первый снаряд угодил в хвостовую часть машины командира группы, второй - в левую плоскость, а третьим разбило обтекатель воздушного винта самолета, и он стал почти неуправляем. И все-таки Рейно продолжал штурмовку, не прекращая руководить группой.

Скупые строки приказа командующего ВВС Западного фронта поведали всему личному составу о работе летчиков в эти дни.

"Не первый раз показывает отвагу и мужество, неуклонную волю, выполняя до конца поставленную задачу, летчики 215-го штурмового авиаполка, где командир майор Рейко, и военком батальонный комиссар Трубачев, и 129-го истребительного авиационного полка, где командир майор Беркаль и военком батальонный комиссар Рулин.

15 и 16 сентября 215-й шап во взаимодействии со 129-м иап проделали большую работу по уничтожению авиации противника на его аэродромах...

В общем итоге за 15 и 16 сентября уничтожено на земле до 40 самолетов, один ангар, до 25 автомашин, взорван бензосклад, 12 железнодорожных цистерн с горючим, подавлен огонь двух зенитных батарей. В этой операции летный состав, следуя примеру командиров, проявляя исключительную напористость, мужество и геройство, достиг намеченной цели...

...Все эти факты наглядно говорят о том, что воины 215-го шап и 129-го иап, движимые чувством ответственности и стремлением во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу, ожесточенно бьют врагов нашего Отечества...

Любовь к Родине, к своему народу, великая вера в правоту нашего дела, дело нашей партии, презрение к смерти во имя победы над врагом - вот силы, которые вдохновляли наших людей на разгром врага.

Командование ВВС Западного фронта гордится воинами 215-го шап и 129-го иап и ставит их в пример всем частям ВВС Западного фронта.

За образцовое мужество, напористость и геройство командиру и военкому 215-го шап майору Рейко и батальонному комиссару Трубачеву, командиру и военкому 129-го иап майору Беркалю и батальонному комиссару Рулину и всему летному и техническому составу 215-го и 129-го авиаполков объявляю благодарность.

Отличившихся летчиков, техников представить к правительственным наградам.

Уверены, что в дальнейшем славные соколы 215-го и 129-го авиационных полков будут еще крепче бить зарвавшегося врага до полного его уничтожения.

Командующий ВВС Западного фронта

Генерал-майор авиации Мичугин

Военком ВВС Западного фронта

Бригадный комиссар Клоков

Нач. штаба ВВС Западного фронта полковник Худяков"

Этот документ говорит сам за себя.

Таран Ивана Мещерякова

Случилось это 20 сентября. Рано утром большая группа фашистских бомбардировщиков "Юнкерс-88" пыталась нанести удар по аэродрому Дугино, где базировались наши истребители и штурмовики.

Взлетевшие по тревоге МиГ-3 и ЛаГГ-3, которые только что возвратились с боевого задания, перехватили вражескую группу на подходах к аэродрому и смелыми атаками расстроили ее боевой порядок.

Лишь отдельным "юнкерсам" удалось прорваться к аэродрому и сбросить бомбы, которые разорвались на летном поле, в лесу, неподалеку от стоянок штурмовиков Ил-2 и в районе полевых авторемонтных мастерских. В скоротечном воздушном бою многие летчики сбили по одному бомбардировщику. Но не вернулся на аэродром заместитель командира эскадрильи. Тягостным было ожидание, Как-то не верилось, что Иван Иванович Мещеряков погиб. Уважали его, спокойного на земле, но грозного для врага в воздухе. Среди молодых лейтенантов тридцатитрехлетний заместитель комэска, налетавший на разных типах машин не одну сотню часов, выделялся боевым опытом, числом сбитых фашистских самолетов. Какую бурную радость пережил каждый, когда по телеграфу сообщили, что он жив и здоров, вылетел в полк! А через некоторое время Мещеряков вышел из самолета связи веселый, улыбающийся.

О своем бое он рассказывал: "Вылетел я по тревоге наперехват фашистских бомбардировщиков. Иду на предельной скорости к линии фронта на высоте трех тысяч метров и вдруг вижу пятерку "юнкерсов". Набрал высоту, стал атаковывать их. Строй противника нарушился. Смотрю, один бомбардировщик отстал. Решил заняться им. Приблизился, дал по нему очередь одну, другую враг продолжал идти на запад. Повторяю маневр, подхожу ближе, прицеливаюсь, нажимаю на гашетки. Самолет привычно задрожал. И вдруг в самом начале очереди оружие

замолкло. Сделал перезарядку. Результат тот же. И такое взяло меня зло. Решил пойти на последнее - винтом ударить по хвосту вражеского бомбардировщика. Прибавил обороты, дистанция заметно сократилась. "Ястребок" настигал врага. Цель все ближе и ближе: пятьдесят, тридцать, двадцать, десять метров. Перед глазами яркий, будто раскрутившийся меч, диск воздушного винта. За ним, как в ореоле, хвост вражеского бомбардировщика. Еще ближе... Остальное уже не улавливалось сознанием. Треск - винт сечет металл хвостового оперения; "Юнкерс" камнем пошел вниз. Раненый мой самолет задрожал, словно в лихорадке. Появилась тряска мотора, козырек кабины залило горячей водой и паром. Минуту-две машина еще планировала, словно дожидаясь, пока летчик воспользуется парашютом. Мотор работал с перебоями. Лишившись тяги, машина стала резко терять высоту. О том, чтобы добраться до своего аэродрома, не могло быть и речи. Быстро осмотрел местность, развернул самолет на более пригодную площадку, выпустил щитки и с ходу посадил самолет с убранными шасси. Фашист нашел себе могилу на окраине города Ярцево".

Воздушный таран - прием смелых летчиков. Он требует виртуозного владения самолетом, исключительной выдержки, железных нервов, огромного душевного порыва, дерзкого натиска. Мещеряков доказал, что обладает этими качествами.

Подвиг старшего лейтенанта стал достоянием всех летчиков Западного фронта. О нем писала армейская и фронтовая печать. Что же это за человек?

Он родился в 1908 году в крестьянской семье в станице Нижняя Добринка Волгоградской области. Здесь, в казачьей станице, прошли его детство и юность. В 1930 году Мещеряков был призван в ряды Красной Армии. Его направили в авиацию - в Харьковскую военную школу летчиков, которую окончил в 1932 году. IB этом же году молодой пилот стал коммунистом. А затем служба в строевых авиационных частях, учеба, тренировки. С первых дней он участвует в Отечественной войне.

Вот характеристика, взятая из личного дела Ивана Ивановича:

"Решительный, смелый летчик-истребитель. Дерзко вступает в бой с превосходящими силами противника, своим личным примером увлекает подчиненных в бой".

В то же время он был самым общительным, душевным и никогда не унывающим товарищем, пользовался большим уважением всего личного состава. Однажды девятка истребителей, ведомая Мещеряковым, прикрывала передний край. На земле шел бой. До летчиков не долетали звуки

выстрелов, но с высоты видны были им вспышки огня, дым от разрывов артиллерийских снарядов и мин. Каждый день они наносили на свои карты обстановку на фронте и знали, как трудно приходилось пехотинцам, танкистам, артиллеристам сдерживать врага.

Истребители занимали разные высоты. Первое звено шло на высоте двух тысяч метров, а тройка вместе с Иваном Ивановичем летела с превышением на пятьсот метров над вторым звеном.

Неожиданно командир группы заметил вражеские бомбардировщики. Коротконосые, тяжелые, медленно двигались Ю-88. Выше их, как осы, носились "мессершмитты". Восемнадцать бомбардировщиков и почти столько же истребителей.

Численное превосходство на стороне фашистов, но это не испугало наших летчиков.

Перед вылетом был проигран вариант возможного воздушного боя. Договорились, что шестерка первая атакует бомбардировщики, а командир со своими ведомыми свяжет истребители.

Рассмотрели как раз такой случай, который представился сейчас.

Мещеряков передал по радио:

- Бомберы, атакуйте!

Шестерка краснозвездных истребителей устремилась на бомбардировщика. Ме-109 пытались преградить им путь, но были атакованы сверху тройкой истребителей - те вовремя открыли заградительный огонь. Небо прошили красные нити трассирующих пуль.

Бой затянулся. Одна атака следовала за другой. Ведущий группы бомбардировщиков пытался пробиться к цели, увлекая за собой летчиков, но Мещеряков сбил его.

Строй бомбардировщиков рассыпался. Немецкие летчики стали поспешно сбрасывать бомбы, чтобы облегчить свои самолеты. Кинулись врассыпную. Наши нагоняли и атаковывали их.

Воздушный бой, начавшийся над линией фронта, скоро переместился в глубь вражеских войск. На земле там и здесь черными дымными кострами горели сбитые фашистские самолеты. Один, два, три, четыре!

Все девять истребителей Мещерякова вернулись на свой аэродром.

На другой день, патрулируя в составе шести ЛаГГ-3 в районе Ельни, группа Мещерякова встретила девять Ю-88, летевших в сторону столицы. Находясь в стороне и выше бомбардировщиков, Иван Иванович на большой скорости атаковал врага. Внезапность

удара решила исход боя. Потеряв управление, противник стал беспорядочно отстреливаться, неприцельно сбрасывать бомбы, стараясь уйти от преследования. Воспользовавшись замешательством фашистских летчиков, наши истребители продолжали наносить удар за ударом и сбили два вражеских самолета, один из которых был уничтожен командиром группы.

В начале февралая 1942 года после выполнения боевого задания в районе Ржева командир эскадрильи Мещеряков не возвратился на свой аэродром. 5 мая 1942 года Иван Иванович Мещеряков был удостоен звания Героя Советского Союза.

"Где, в какой стране мог родиться такой прием атаки, как таран? - писал трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин. - Только у нас, в среде летчиков, которые безгранично преданы своей Родине, которые ставили ее честь, независимость и свободу превыше всего, превыше собственной жизни".

Он не мог не вернуться

Командир первой эскадрильи Григорий Онуфриенко, заменив комэска Коваца, пользовался заслуженным авторитетом среди однополчан.

Отец старшего лейтенанта работал слесарем в Луганске. Во время гражданской войны погиб. Его имя высечено на памятнике, воздвигнутом на центральной площади в Ворошиловграде.

Пришло время, и на защиту Родины встал сын. Был он коренаст, вынослив, обладал незаурядной физической силой. Взгляд острый. Какое-то мгновение глядит на человека, а приметит все, до малейших деталей.

Самолетом МиГ-3 Онуфриенко владел в совершенстве. Всего 25 лет, а за плечами 110 боевых вылетов, 33 воздушных боя, в которых сбито 9 фашистских самолетов.

Командование поручало ему самые сложные и ответственные задания. Особенно восхищались мастерством летчика ведущие групп штурмовиков - он надежно прикрывал "илы" над полем боя. Они не раз наблюдали, как дерзко бросался на врага Григорий, защищая Ил-2 от истребителей противника. Когда на командный пункт приезжал командир дивизии полковник Толстиков, он обязательно вызывал к себе старшего лейтенанта Онуфриенко и передавал слова благодарности от экипажей "ильюшиных".

2 октября. Погода по-осеннему хмурилась. Небо прикрывали свинцовые облака. Было прохладно. Дул легкий ветерок.

Дежурное звено находилось в первой готовности. Остальные летчики в ожидании боевой работы, пристроившись поудобнее, кто как мог, "добирали", как выражались в авиации. В одиннадцать часов на командный пункт полка поступило боевое

задание: выслать несколько групп истребителей на прикрытие наземных войск в район Ярцево. Там шел ожесточенный танковый бой. Первым должен был лететь Онуфриенко со своей группой. Точно в назначенное время четыре МиГ-3 поднялись в воздух и взяли курс на запад. За этой четверкой взлетели еще две. Все на аэродроме напряженно ждали возвращения летчиков. А они почему-то задерживались. Техники уже с беспокойством поглядывали то на ручные часы, то на западную сторону аэродрома. И вот наконец на бреющем полете показались два самолета. Но где же еще пара?

Тем временем прилетевшие сели - это вернулись Николай Городничев со своим ведомым. Григория Онуфриенко с его напарником не было. Комдив убежденно заявил: "Должны вернуться. Должны..."

День подходил к концу, вместе с ним гасли и последние надежды на возвращение летчиков. Пронизывающий осенний ветер гнал по аэродрому желтые опавшие листья, шевелились ветки уже оголенных берез. Было холодно и неуютно.

Прошли сутки, другие. Мрачнее всех ходил капитан Городничев. Он ругал себя за то, что в пылу боя потерял из виду ведущего группы...

Между тем фашисты, бросив все резервы, кое-где прорвали нашу оборону и опять начали продвигаться вперед. Над полем боя появились вражеские группы бомбардировщиков и истребителей. Дни настали для нашей авиации трудные. То и дело в воздух поднимались "илы", "миги", "лагги", развернувшись, уходили туда, где грохотал бой. В непрестанном рокоте моторов мало кто обратил внимание на приземлившийся У-2 - такие самолеты часто доставляли документы в штаб дивизии. Когда "кукурузник" подрулил ближе к стоянке, из второй кабины вылез Григорий Онуфриенко. Шея и голова его были забинтованы.

А случилось вот что. Едва наши истребители подошли к линии фронта, как Онуфриенко заметил вдали большую группу "мессеров". Подсчитал. Их было 12. Дальше раздумывать было некогда. В подобных случаях нет лучшей защиты, чем нападение. Это знали все наши летчики.

За первые месяцы войны они привыкли к боям с превосходящим по численности противником. Онуфриенко даже нравились такие поединки. Может быть, из-за неунывающего характера и веры в себя. Всегда первый в пилотаже и стрельбе по воздушным целям, он искал случая помериться силами с противником, проверить свое мастерство. Товарищи завидовали его задору и охотно шли с ним в полет.

Вот и теперь, не успел ведущий покачать крыльями, призывая

ведомых сомкнуть строй, как летчики поняли - командир принял решение атаковать.

Гитлеровцы шли напролом единой группой, не меняя строя. Наши летчики решили первую атаку произвести в лоб, а затем, выполнив боевой разворот, ударить сзади.

Атака! И вот уже один фашистский самолет, неуклюже разворачиваясь, покачиваясь с крыла на крыло, пошел к земле. Начало сделано. Но радоваться еще рано. Противник разделился на две группы и попытался атаковать наши самолеты с двух сторон. Небо расцветилось пулеметно-пушечными трассами.

В неравной схватке наши сразили еще одного фашиста. Однако бой, трудный и упорный, продолжался. Очереди стали более экономными, летчики берегли оставшиеся патроны.

В пылу неравного боя немцам все же удалось расчленить нашу группу на пары и изолировать их друг от друга.

Онуфриенко упорно вел бой, а сам все поглядывал назад: как там оставшийся его напарник? Молодец, Гудок, держится, не отстал от ведущего! А кругом, куда ни посмотри, "мессеры". Вот один пошел в лоб, чуть выше. Григорий молниеносно упредил противника и дал очередь.

- Ага, запылал!

Но силы были слишком неравные. Немцы подбили машину ведомого. Оставшись без напарника, Онуфриенко атакует еще яростнее, но и сам едва успевает уходить из-под прицельных вражеских атак. Может, еще продолжалась бы эта карусель, только, прикинув по времени, летчик понял: горючего осталось мало, пора на аэродром. Дал ручку управления от себя и перевел самолет в пикирование, а когда стал выходить в горизонтальный полет и взглянул на приборную доску - компас показывал курс на запад.

Хотел развернуться, но "мессеры" тут как тут. Взяли в клещи - пара справа, пара слева и сверху. Только он снова попытался уйти, рядом с плоскостью его самолета засверкали дымные шнуры трасс снарядов противника. И некуда от них деться.

Онуфриенко понял, что его хотят заставить сесть в расположении врага. Ну нет, не выйдет, не на того нарвались.

Мгновенно созрела мысль: нужно сделать какой-то неожиданный маневр и, пользуясь замешательством фашистов, развернуться на восток, оторваться от преследования, Такой маневр был единственным средством его обороны, вернее сказать, спасения. Для этого Григорий избрал фигуру "бочка", но не полную. Улучив момент, ввел самолет в переворот и, остановив вращение на трех четвертях, резко развернул на сто восемьдесят градусов. Вражеские летчики от неожиданности шарахнулись в

стороны. Используя замешательство, Онуфриенко круто повел "миг" к земле, рассчитывая, что зеленая окраска машины на пестром фоне полей скроет его от глаз противника.

Впереди показалась линия фронта. Однако немцы снова настигали. Отказавшись от своего замысла, они теперь били прямо по самолету. Григорий маневрировал небольшими отворотами. Вражеский снаряд пробил стекло заднего обзора, разорвался в кабине.

Осколки впились в голову, лицо, шею, руки, колени. Летчик почувствовал, как кровь горячей струей потекла по спине. Один за другим разорвались еще два снаряда. Рассечена бровь, кровь залила глаза.

Впереди Григорий заметил пригодную для посадки поляну. Превозмогая боль, выпустил посадочные щитки. Самолет резко уменьшил скорость, и немцы проскочили. Пока они снова заходили для атаки, Григорий успел приземлиться. Быстро отстегнул ремни, сбросил парашют, спрыгнул на землю и, напрягая последние силы, пригибаясь, побежал к лесу. Последнее, что ему запомнилось, - над головой, завывая моторами, ошалело носились "мессершмитты". Фашисты, взбешенные тем, что им так и не удалось доканать советского летчика в воздухе, пикировали на него, пытаясь расстрелять на земле. Потом, сделав два захода по одинокому краснозвездному "ястребку", скрылись за лесом. Онуфриенко потерял сознание. Его подобрали наши бойцы. Очнулся в палатке перевязочного пункта медсанбата, когда вынимали осколки.

- Где я? Что со мной?

- В полевом медсанбате, - прозвучал женский голос. - Лежите спокойно. Вам сделают все, что надо.

Вскоре его перевезли на площадку и самолетом доставили в Вязьму. Там сказали, что направят в тыловой госпиталь.

"Только в полк!" - запротестовал летчик. А врачи ни в какую: "Подлечиться надо". Лежал он на койке и размышлял, как удрать. Помог случай.

Встретился Григорию боец, лицо знакомое. Неужели Сашка Карев, тоже луганский? Оказалось, действительно он. Вместе на одном заводе работали. Обрадовались встрече. Разговорились.

- Что здесь делаешь, браток? - спросил Григорий.

- Диспетчер по эвакуации раненых.

- Вот здорово! Выручи, отправь в полк! - Видя, что земляк на минуту заколебался, взмолился: - Мне в полк нужно, понимаешь? Там меня ждут...

Короткой была та фронтовая встреча друзей. В тот же день санитарный самолет доставил летчика на родной аэродром.

Некоторое время Григорий Онуфриенко не летал. Полковой врач старательно делал ему перевязки: уж очень не хотелось летчику уезжать из полка в госпиталь.

* * *

Хмурые осенние дни 1941 года. Враг, невзирая на огромные потери, рвался вперед. Наступление его в полосе Западного фронта началось 2 октября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Прорвав оборону наших войск, немцы при активной поддержке своей авиации начали развивать успех в глубину. Противник усилил воздушные налеты на столицу. Одна воздушная тревога сменяла другую. Москва стала прифронтовым городом. Окраины обросли баррикадами. На многих улицах оборудовались огневые точки с широким сектором обзора и обстрела. В угловых домах окна магазинов и квартир заложили мешками с песком и кирпичами. На западных подступах к городу заканчивалась напряженная работа десятков тысяч москвичей по строительству оборонительных противотанковых рвов, траншей, артиллерийских позиций. Входы в город ощетинились "ежами", надолбами и дзотами.

Наши летчики без устали вылетали на оставшихся исправных машинах штурмовать вражеские войска с аэродромов Сабурово, Чертаново, Можайска. Они поддерживали наземные войска фронта.

Авиаторы наносили беспрерывные удары по танковым и моторизованным соединениям противника, которые наступали вдоль автострады Гжатск - Можайск. Напряжение было огромным. Оставлены и эти аэродромы. Спешно перебазируемся ближе к столице - на аэродром Кубинка.

Завязались бои на историческом Бородинском поле. Немцы овладели Можайском и Малоярославцем. Все "безлошадные" техники и летчики брошены на подготовку матчасти. Дозаправка самолетов горючим, маслом, воздухом, снарядами и патронами для пушек и пулеметов, подвеска бомб и эрэсов проходит в считанные минуты. Несмотря на холод, моторы буквально не успевают остывать.

А враг остервенело рвется к Москве.

- Нам поручили защищать столицу. Отстоим Москву, - говорил перед каждым вылетом заместитель командира полка капитан Василий Зайцев. Все понимали эти слова как клятву.

Погода не баловала. Темные свинцовые тучи низко опускались к земле. С раннего рассвета дотемна бомбами, эрэсами, пулеметно-пушечным огнем штурмовали истребители бронированные колонны врага.

Энергичный Зайцев поторапливал техников:

- Быстрее заправляйте и подвешивайте бомбы. Фашисты под Можайском, может, сумеем еще раз слетать.

Через десять минут пятерки истребителей снова устремились на запад, Возвратятся они уже в сумерках.

III. Калининский фронт

Декабрь сурового сорок первого года. Он вступил на землю Подмосковья с лютыми морозами и... добрыми, радостными вестями.

По приказу Верховного Главнокомандующего советские войска перешли от обороны Москвы в решительное контрнаступление. Сжавшись до предела, пружина обороны советской столицы стремительно развернулась и мгновенно застопорила напор ударного кулака фашистских войск - двух армий Клюге и Штрауса и двух танковых групп Гудериана и Гота. Остатки этих армий и танковых групп, усыпая снега Подмосковья вооружением, техникой и трупами, покатились на запад. Браг был отброшен от Москвы на сто - двести пятьдесят километров. До той поры военная история и практика не знали такого стратегического размаха, такого оперативного темпа контрнаступления.

Летчикам с воздуха особенно отчетливо была видна панорама неслыханного поражения фашистов: батареи, брошенные на огневых позициях, застывшие в снегу танки, исковерканные остовы автомашин, тягачей, а дальше от фронта колонны бегущих гитлеровцев. Сердце пело, рука отжимала ручку управления, сваливая самолет в отвесное пикирование, а пальцы нажимали на гашетку.

В панике метались гитлеровцы в шинелях мышиного цвета. Бортовые пушки и пулеметы работали безотказно.

- Бегут фашисты! - докладывали летчики, возвращаясь на аэродром после очередной штурмовки вражеских войск.

Даже в самые тяжелые минуты нашего отступления, когда войска несли большие потери, мы все ждали перелома, победы. Далеко в тылу создавались новые армии, ковалось оружие. Эвакуированные заводы начали выпускать самолеты.

Настал день, и полк после непродолжительной передышки получил новые самолеты ЛаГГ-3.

Предстояло в короткий срок освоить машину. ЛаГГ-3, остроносый моноплан конструкции Лавочкина, Горбунова и Гудкова, имел мощный мотор с водяным охлаждением. Помимо обычных авиационных пулеметов, на его борту была установлена двадцатимиллиметровая пушка, а под крыльями подвешивались четыре-шесть реактивных снарядов. Кроме того, самолет мог брать до двухсот килограммов бомб.

В нашем распоряжении оставались считанные дни, а сделать предстояло очень много. Техники должны были тщательно осмотреть каждый самолет, пристрелять оружие, подготовить машину к перелету на фронтовой аэродром. Летчикам, летавшим до этого на "мигах", нужно было освоить и изучить все особенности самолета ЛаГГ-3.

Скоро командир полка доложил по команде о готовности части к выполнению боевой задачи. Поступил долгожданный приказ на перебазирование. В канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции полк двумя группами вылетел на аэродром, расположенный недалеко от самой линии фронта.

И снова боевые вылеты, жаркие схватки, труд, пот, кровь, потери и победы. Летчики прикрывали наземные войска, пулеметно-пушечным огнем и реактивными снарядами наносили штурмовые удары по живой силе и технике врага, вели разведку войск вражеских тылов. Войска Калининского фронта под командованием генерал-полковника И. С. Конева по решению Ставки перешли в контрнаступление на сутки раньше, чем Западный фронт. Это началось в 3 часа утра 5 декабря. К исходу дня пехота и артиллерия, переправившись по льду через Волгу, неожиданно атаковали противника. Воины 243-й стрелковой дивизии первыми ворвались в Калинин. Вспыхнули ожесточенные бои на улицах города. Шесть раз летчики двух эскадрилий сопровождали в тот день "илы", штурмовавшие врага в районе элеватора и железнодорожного вокзала.

Под вечер 5 декабря погода резко ухудшилась. Пошел густой снег.

Этим воспользовались фашистские бомбардировщики. Они забросали бомбами наши войска, сражавшиеся на окраинах города.

Ясно было, что бомбардировщики вылетели с дальнего аэродрома, где хорошая видимость и высота.

Но этого не объяснишь защитникам города, которые выбивали засевшего врага, дрались за каждый дом, каждую улицу.

- Полетят добровольцы, - сказал командир полка, хмуро посматривая на хлопья снега, - Выйти вперед тем кто согласен. Да хорошенько подумайте, прежде чем сделать это. Понятно?

Шагнули из строя летчики. Среди них - Григорий Онуфриенко.

- По самолетам!

Истребители взлетели и скоро пропали в снежной пелене.

Они вовремя появились над КП командующего фронтом. В

разрыве туч увидели группу Ю-88. Ведущий начал пикировать, увлекая за собой летчиков. Полетели к земле воющие бомбы.

Не успел фашистский летчик вывести свой самолет, как сразу был атакован сверху Онуфриенко. Так же прицельно произвели свои атаки Дахов, Дмитриев, Журин и Суханов.

Через несколько минут пять фашистских бомбардировщиков факелами догорали на мерзлой земле. Остальные фашисты испугались исхода боя и поспешно скрылись в облаках.

Скоротечный бой прошел на глазах генерал-полковника И. С. Конева, его штаба и воинов наступающих частей.

Наши летчики еще не успели долететь до своего аэродрома, а по телефону уже передали с КП благодарность им от командующего фронтом.

Мы - гвардейцы.

За успешную боевую работу на Западном фронте наш полк был преобразован в гвардейский. Полковой почтальон принес в землянку эскадрильи газету "Известия". На первой странице крупным шрифтом напечатано сообщение:

"В Народном Комиссариате Обороны СССР.

О преобразовании 29-го Краснознаменного и ордена Ленина, 526-го, 155-го, 31-го, 129-го, 215-го авиационных полков в гвардейские полки".

Скупые строки приказа читали и перечитывали. Много раз.

"За проявленную отвагу в воздушных боях с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество и героизм личного состава перечисленные выше авиационные полки Ставкой Верховного Главнокомандования преобразованы:

...129-й истребительный авиационный полк в 5-й гвардейский истребительный авиационный полк.

...Полком произведено 1793 боевых вылета с налетом 1980 часов. Уничтожено 82 самолета противника, из них 62 в воздушных боях и 20 на аэродромах. Штурмовыми действиями уничтожено 120 автомашин, до 1000 фашистов, подавлен огонь 12 батарей зенитной артиллерии..."

Старейший из авиационных полков Советских ВВС - 29-й иап, возглавляемый майором А. Юдаковым, стал 1-м гвардейским.

215-й штурмовой авиационный полк нашей дивизии, возглавляемый майором Л. Рейно, с которым мы вместе воевали под Ярцевом, Ельней, Смоленском и под Москвой, преобразовывался в 6-й гвардейский. Это были первые полки авиационной гвардии. 61-й штурмовой авиаполк наградили орденом Красного Знамени. Из штаба ВВС фронта сообщили о вылете представителя ВВС бригадного комиссара Галичева для вручения полку Гвардейского знамени.

Аэродром затерялся среди густого сосняка. В настороженной тишине дремлет вековой лес. Только слышно, как потрескивают сосны да срывают с веток иней юркие белки.

Они прыгают с дерева на дерево. Их здесь много. Голубоватый искристый снег слепит глаза. Рядом со взлетной полосой выстроился личный состав полка. В морозной тишине прозвучала команда "Смирно". Зачитали перед строем приказ Наркома Обороны.

Слово берет Галичев. Он в белой дубленой шубе. Черные унты, шапка-кубанка. Холодно!

- Товарищи! Ваш полк один из первых в авиации удостоен звания гвардейского. Он отважно дрался с врагом в первые, самые трудные месяцы войны. Особенно отличился при обороне Москвы. Родина высоко оценила ваш вклад в общее дело разгрома ненавистного врага. Военный совет фронта уверен, что вы, первые гвардейцы авиации, будете крепче бить фашистов до победного конца. Вручаю вам завоеванное в воздушных боях, овеянное подвигами, омытое кровью Гвардейское знамя!

Легкий морозный ветерок мягко колышет шелк, на котором вышит портрет Владимира Ильича Ленина и призывно сияют слова "За нашу Советскую Родину".

Принимая знамя, майор Беркаль целует край алого полотнища:

- Большая честь сражаться под этим знаменем и называть себя гвардейцами. В будущих боях мы оправдаем ее, - взволнованно говорит он.

Затем знамя передали знаменосцу - лучшему летчику полка Григорию Онуфриенко.

Тот бережно расправил его. Золотыми буквами засверкало полное наименование полка: 5-й гвардейский. Перед Гвардейским знаменем летчики дали торжественную клятву:

"Пока наши руки держат штурвал самолета, пока наши глаза видят землю, пока в нашей груди бьется сердце, а в жилах течет кровь, мы будем бить и громить, истреблять фашистских зверей, не зная страха, не ведая жалости, презирая смерть во имя окончательной победы над фашизмом. Гвардейцы не отступают, гвардейцы не знают поражений. Гвардеец может умереть, но должен победить! Красное знамя советской гвардии мы будем хранить и беречь, как зеницу ока, как величайшую драгоценность. С этим знаменем мы вместе с наземными войсками будем двигаться вперед. Мы пронесем его на Запад сквозь бурю Отечественной войны к светлому дню Победы, овеем его славой новых подвигов".

Высоко поднял знамя Онуфриенко. Губы его твердо сжаты.

Меховой шлем застегнут, кожаный реглан обтянул плотную фигуру, на ногах унты. Справа от него - командир полка Юрий Михайлович Беркаль, слева - комиссар полка Василий Александрович Зайцев и начальник штаба Дмитрий Алексеевич Русанов. В затылок комиссару стоит старший политрук Анатолий Соколов. Это он открыл в полку счет сбитых фашистских самолетов в первый день войны.

Рядом с ним Иван Мещеряков, привыкший делать все не спеша, без суеты, но добротно. Тут же майор Василий Ефремов и капитан Александр Кондратюк, Павел Песков, Иван Лавейкин, Федор Дахов, Григорий Инякин, Дмитрий Штоколов, Николай Макаренко, Борис Журин и Алексей Истомин и другие. И, конечно, техники. Все они влюблены в свое дело до самозабвения. Раздалась команда: Под знамя...

Григорий Онуфриенко медленно пронес гвардейское знамя вдоль замершего строя. Вслед ему дружно прогремело многоголосое "ура".

О многом передумали, многое вспомнили гвардейцы в тот январский день.

Утром на аэродроме тишина. Лишь поскрипывает снег. Далеко слышен каждый звук. На рассвете техники прогрели моторы самолетов и теперь ожидают команду, поглядывая в сторону КП полка.

Телефонный звонок. С наземной станции наведения передали тревожный сигнал: замечена большая группа фашистских бомбардировщиков. Несколько девяток уже пересекли линию фронта.

Гвардии майор Василий Зайцев сосредоточенно смотрел на карту. Ему хотелось предугадать, куда направились фашистские бомбардировщики. Ясно только одно: обнаружили завидную цель. Надо помешать им осуществить черный замысел.

Девятка истребителей вырулила на сверкающую белизной гладь летного поля. Белый флажок дежурного по старту не виден на снегу. Взмах вытянутой руки.

Василий Зайцев взлетел первым. К нему подстроились остальные летчики. Внизу под снегом поля, леса. На деревьях снеговые шапки. Белым-бело. Но стоит присмотреться и сразу определишь: снег не всюду одинакового цвета, дороги темные. Так же темны заезды в лес где отдыхают войска, спрятана техника, сосредоточены склады боеприпасов.

Василий Зайцев настороженно посматривал в небо. Фашистских бомбардировщиков не видно. Их надо обязательно отыскать, не дать им возможности бомбить наши войска. Задача как будто проста, но ее трудно выполнить. Линия фронта

большая, как заранее сказать, на что нацелились фашисты? Решили бомбить железнодорожный мост? Или станцию? Или эшелоны в пути?

Неожиданно ведущий обратил внимание на темную дорогу. Она выбегала из леса, как и другие. Но те вчера были, а эту он что-то не замечал.

Широкие следы с темными подтеками масла и горючего. Так, так... Вот и колонна автомашин. Может, танков?

Колонна двигалась от леса несколько часов, а летчикам потребовались какие-то минуты, чтобы догнать ее.

Яркое солнце ослепляло ведущего, поэтому он не сразу заметил большую группу фашистских бомбардировщиков. Они уже, как видно, сделали первый заход - на снегу черные воронки от взорвавшихся авиабомб.

- "Маленькие", атакуем! - передал Зайцев по радио.

Стремительная атака, пушечные очереди. Первый Ю-87 сорвался в штопор.

Ведущий повторил атаку. Ему надо расстроить боевой порядок фашистских летчиков, сбить с них спесь. Дружно бросились на Ю-87 остальные летчики. Короткие прицельные очереди.

Выводя свой самолет из пикирования, Василий успел рассмотреть внизу, на дороге, наши танки, старательно побеленные известкой.

Первая группа фашистских бомбардировщиков обращена в бегство. Но на подходе вторая. И снова бой.

Колонна танков уходила от фашистских бомбардировщиков. Истекло время на прикрытие, опустели баки с горючим, расстрелян весь боекомплект. На смену одной группе истребителей пришла вторая, чтобы так же надежно прикрывать на марше танковую колонну.

Быстро заправили истребители на аэродроме. Снова группа Зайцева в воздухе. И опять бой с Ю-87.

Командир хорошо знал своих летчиков. Не выпускал их из поля зрения, вовремя приходил на помощь. Боевой порыв Зайцева передавался его ведомым. Вот меткой очередью поджег фашистский самолет Григорий Онуфриенко.

- Молодец! - похвалил Зайцев.

Словно услышав его похвалу, по одному вражескому самолету сбили Лавейкин, Дмитриев и Городничев. А в другой стороне смело атаковали противника Истомин и Дахов.

Устремился на самолет Пескова фашистский истребитель. Еще секунда - и командир меткой очередью снял врага.

Короток зимний день. В три часа уже начало смеркаться.

Танковая колонна сумела проскочить открытое поле и рассредоточилась в лесах, чтобы ночью снова двигаться к линии фронта.

А летчики вернулись на свой аэродром. Они сбили за один день одиннадцать вражеских самолетов. Возбужденные жаркой схваткой, забросив планшеты через плечи, в меховых комбинезонах, с пистолетами ТТ у пояса, шутя и переговариваясь друг с другом, направились на командный пункт полка.

Прошел еще один фронтовой день.

Поздно вечером 12 декабря по радио звучал знакомый голос диктора. Левитан торжественно читал очередную сводку Советского информбюро:

"В последний час... Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы... Поражение немецких войск на подступах к Москве... Одержана крупная победа над зарвавшимися фашистскими захватчиками.

Гитлеровский план окружения, взятия и уничтожения нашей столицы провалился! Впервые во второй мировой войне гитлеровские войска потерпели крупное поражение. Легенда о непобедимости немецкой армии и авиации развеялась."

Все последующие дни декабря полк наносил беспрерывные штурмовые удары по отходящим колоннам войск противника на дорогах, прикрывал наступающие войска 30-й и 31-й наземных армий, переправы через Волгу.

К тринадцати часам 16 декабря город Калинин был полностью очищен от фашистских захватчиков. А 20 декабря восемь ЛаГГ-3 в составе летчиков Зайцева, Онуфриенко, Дмитриева, Журина, Дахова, Пескова и Мещерякова во главе с командиром полка майором Беркалем вылетели на штурмовку противника, отступающего по дороге Калинин - Ржев.

Растянувшуюся на несколько километров колонну машин с немецкими солдатами, артиллерией, боеприпасами гвардейцы застигли в десяти километрах восточнее Старицы. Голову колонны атаковала четверка ЛаГГ-3 майора Беркаля. Полетели вниз осколочные бомбы. Потом истребители развернулись, стали штурмовать дорогу. Расстреливали из пушек и пулеметов технику и живую силу.

Майор Зайцев сразу понял замысел командира полка. Он со своей четверкой ударил по хвосту колонны. Бомбы были сброшены точно, на дороге начались пожары. Видимо, одна из бомб разбила бензовоз. Горящий бензин сжигал одну за другой автомашины и сани.

Образовав таким образом с двух сторон пробки на дороге, гвардейцы замкнули круг в воздухе и то с пикирования, то на

бреющем полете продолжали уничтожать скучившиеся войска иноземных захватчиков. С высоты хорошо было видно, как суетно бегали фашисты, горели автомашины, рвались боеприпасы.

Восемь истребителей штурмовали вражескую колонну до тех пор, пока не израсходовали все боеприпасы. Затем летчики подтянулись к командиру, построились, как на параде, и, чуть не задевая винтами за макушки деревьев, вихрем пронеслись над землей. Вскоре все, кто учавствовал в этом вылете, получили благодарность от командующего ВВС Калининского фронта.

Пять против тридцати

Ранним весенним утром 21 марта 1942 года ведущий группы Василий Ефремов получил боевой приказ прикрыть наступление наземных частей 30-й армии Калининского фронта.

Привычным движением гвардии капитан вынул из-за голенища сапога помятую карту и стал делать какие-то ему одному понятные отметки. Лететь предстояло в район Гладово - Тарутино. Подошло время, и пятерка истребителей направилась к линии фронта.

Сейчас, как никогда, особенно заметной уходила на запад дорога. Разрушенные колхозные постройки, поваленные телеграфные столбы, уродливые скелеты разбитых немецких машин. Привычные фронтовые картины. С каждым днем их становилось все больше и больше. Промелькнули сожженные деревни, черные печные трубы, обезображенные леса.

Ефремов увидел большую группу бомбардировщиков. Он научился их отличать по темным силуэтам. Ю-88 не походил на Хе-111, а Хе-111 на Ю-87.

Сейчас они летели все вместе, в одной группе. И оттого, что находились рядом, отличие было особенно заметным. Ю-88 коротконосый, с тяжелыми моторами, Ю-87 с торчащими шасси, каждое колесо которого прикрыто большим обтекателем. Недаром летчики сразу окрестили эти пикирующие бомбардировщики "лаптежниками" - казалось, будто у самолетов висят большие растоптанные лапти. Сзади группы носились "мессершмитты" с тонкими удлиненными фюзеляжами, получившие прозвище "худых".

Пятерка истребителей находилась выше группы противника, и фашисты пока не замечали наших из-за слепящего солнца.

Пять против тридцати!

Ведущий гвардии капитан Ефремов знал, что его летчики - опытные бойцы, почти у каждого на счету семь-восемь сбитых вражеских самолетов. Журин и Дахов участвовали в пятидесяти воздушных боях; храбрости, находчивости не занимать и Пескову с Лавейкиным. Да и сам Ефремов начал свой боевой счет еще в

финской войне. Там он сбил пять самолетов противника, за что награжден орденом Ленина и медалью "За отвагу".

Пятерка истребителей устремилась в атаку. Казалось, рванулась в бой гигантская машина, управляемая одним мотором, одним сердцем, одной властной, умелой и сильной рукой.

На какую-то долю секунды фашисты оторопели. Беспорядочно сбросив бомбы, "хейнкели" собрались в круг, прикрывая друг друга. Но первая атака не прошла даром. Два горящих Хе-111 камнями рухнули вниз, остальные бомбардировщики обратились в поспешное бегство. "Юнкерсы" ринулись в бой, но тут же с малой дистанции две вражеские машины были сбиты. Подоспевшие "мессеры" накинулись на истребители. Гвардейская пятерка разделилась на две группы: Ефремов, Лавейкин и Песков связали боем фашистские истребители, а Дахов и Журин продолжали атаку отходивших "юнкерсов".

Двадцать пять минут длился неравный бой. Звук завывающих моторов смешивался с грохотом пушек и треском пулеметных очередей. Как молнии, носились наши истребители среди немецких машин, поливая их огнем из пушек и пулеметов - недостатка в целях не было. После особенно удачной атаки Иван Лавейкин сбил Ме-110, Ефремов - Ме-109. Еще один фашистский бомбардировщик после атаки Журина полетел к земле. Бой принимал все более ожесточенный характер. Сокрушительные атаки гвардейцев сломили фашистов, они пустились наутек.

У наших истребителей кончились боеприпасы, на исходе горючее. Собрав пятерку, Ефремов взял курс на свой аэродром.

С земли за воздушным боем следили сотни глаз наших солдат. Видел бой со своего командного пункта и командующий фронтом. Он приказал наградить гвардейцев боевыми орденами.

Все понимали, что решительность командира группы, его обоснованный расчет на внезапность предрешили исход боя. Когда отважная пятерка возвратилась на аэродром, каждый из однополчан хотел пожать летчикам руки. "Пять против тридцати. Сбито 7, потери - 0", - такая запись появилась в журнале боевых действий.

Слава полка крепла.

Многих летчиков и техников наградили орденами и медалями. Были свои Герои Советского Союза. Среди них комиссар эскадрильи Анатолий Соколов. В 1940 году он впервые встретился в Финляндии с вражескими самолётами. Сбил несколько машин, был награжден орденом Красной Звезды. За восемь месяцев войны в воздушных боях уничтожил восемь

фашистских самолетов. Сто пятьдесят раз вылетал он на боевые задания. Его спасала исключительная выдержка, самообладание, находчивость. И, разумеется, отличное знание летного дела. В двадцать два года он по путевке комсомола поступил в Качинскую военную школу летчиков имени Мясникова, работал летчиком-инструктором, служил в строевых авиачастях, воевал с финнами. А сейчас - комиссар.

Все, что называется, влюбились в него с первого взгляда. Смуглый, худощавый, с живыми цыганскими глазами, он умел найти ключик к каждому, даже самому угрюмому и скрытному человеку. Носил неизменный кожаный реглан, поверх него шлемофон, пристегнутый к поясному ремню. Карту складывал гармошкой и засовывал за голенище левого сапога.

Соколов личным примером увлекал в бою других. В мирное время и в первые дни войны комиссары эскадрилий были летчиками. Затем, наверное, из-за нехватки командного состава, на эту должность стали назначать людей, не имеющих летного образования. Они тоже умело воспитывали личный состав, но только на земле. Занимались этим со всей серьезностью.

Наш комиссар говорил так, что заслушаешься. Речь его отличалась лаконичностью, выразительностью, страстностью большевика. Таким выступлениям мог позавидовать любой оратор. Соколов читал летчикам газеты и журналы, знакомил с положением на нашем участке фронта, делился боевым опытом. Любое дело спорилось у него потому, что брался за все с огоньком, от души, а душа была щедрая, широкая, словом, русская душа. Причем не чуждая лирики.

Как-то в годовщину Октября собрались в тесной столовой. Кто-то затянул хрипловатым басом: "В далекий край товарищ улетает".

Соколов пригладил руками непокорный смоляной чуб. Слегка прищурился.

Так где же, приятель, песня твоя?

Гренада, Гренада, Гренада моя!

Он знал наизусть много стихов Светлова и Есенина. Особенно любил Маяковского.

...И вот мы провожаем комиссара в последний путь. При штурмовке вражескими самолетами нашего фронтового аэродрома на взлете он погиб.

Шесть летчиков сняли с кузова грузовой машины гроб из новых сосновых досок и понесли к могиле. Хоронили Анатолия Михайловича Соколова напротив деревни, под развесистой сосной, головой на Запад. Полукругом стоял в немой скорби траурный строй однополчан.

Григорий Онуфриенко сказал просто:

- Прощай Анатолий. Беру на себя то, что ты не успел совершить. Буду бить врага за двоих. Обещаю это тебе и товарищам.

Наступили последние минуты. Морозный воздух прорезал оружейный залп. Второй.., третий... Прощальный салют погибшему гвардейцу,

Пополнение.

В конце мая в полк прибыли сержанты Виталий Попков, Евгений Быковский, Владимир Цапалин, Александр Уроденко, Михаил Зуев, Анатолий Павленко и другие.

В июне пришлось прикрывать боевые действия наших войск в районе Холм Белый и перевозки по железной дороге на участках Калинин - Торжок - Торопец. Сопровождали Пе-2 и "илы" в район Ржева и Великих Лук, вели разведку с бомбометанием и фотографированием.

Наступил июль 1942 года - душный, нервный. Полк стоял на аэродроме, где ослепительный шар летнего солнца подолгу неподвижно висел над головой. Наши войска вели бои за овладение Ржевом и Зубцовом.

Чтобы сэкономить время и произвести "сверхплановый вылет", летчики часто сами помогали техникам готовить самолеты к полету. Даже завтракать и обедать приходилось здесь же, на аэродроме, иногда прямо под плоскостью или в кабине самолета.

Едва летчики успевали сесть и зарулить машины на стоянки, расположенные вдоль опушки леса, как техники и механики приступали к своему привычному делу: быстро заправляли самолеты бензином, маслом и сжатым воздухом. Оружейники укладывали боекомплект для пушек и пулеметов.

В такое время каждый самолет эскадрильи на учете. Никто даже мысли не допускал, что какой-нибудь из них выйдет из строя. Летный и технический составы боролись за сохранение каждой машины.

Летали, пока работали моторы, пока в полку оставался исправным хотя бы один самолет, хотя бы один человек, способный подняться в небо.

В одном неравном бою машина Павла Пескова была сильно повреждена, но он привел ее на аэродром. После осмотра обнаружилось, что та подлежала лишь разборке на запасные части. Однако искусные руки техников и механиков сделали, казалось, невозможное - с помощью специалистов подвижной авиационной ремонтной мастерской (ПАРМ-1) в аэродромных условиях отремонтировали поврежденный самолет, привели в порядок, вернули в боевой строй.

Однажды на полевом аэродроме в крытом капонире техники обнаружили полуразобранный МиГ-3. Осмотрели его. У кого-то возникла идея восстановить самолет.

Мотор, воздушный винт, колеса, навигационные и пилотажные приборы, а также часть других деталей сняли со списанных самолетов и установили на истребитель. Все отремонтировали и проверили на земле. А в воздухе его опробовал командир эскадрильи Онуфриенко, а летать на боевое задание вызвался капитан Павел Бунделев. Бывало, поднимутся в воздух три или четыре ЛаГТ-3, а за ними, в хвосте, плетется МиГ-3.

Зато над линией фронта наших самолетов стало на один больше. В районе Ржева "сверхштатник" даже сбил одного Ю-88. Несмотря на огромные усилия всего нашего личного состава, случалось, что в двух эскадрильях исправными оказывались по единственной машине. Так остро ощущалась нехватка самолетов и запасных частей.

Как-то первой эскадрилье поставили задачу - обеспечить прикрытие двух Пе-2, которые по заданию командующего Калининским фронтом должны бомбить железнодорожный мост через Волгу северо-западнее Ржева. Для сопровождения бомбардировщиков надо поднять три или в крайнем случае пару истребителей. Но в эскадрилье тогда был исправным только один ЛаГГ-3, а все самолеты другой эскадрильи уже выполняли боевой вылет.

- Разрешите мне одному слетать с Пе-2, - сказал майор Борис Журин.

- А как вы выполните прикрытие? - спросил командир полка.

- Буду взаимодействовать с "петляковыми" в сфере возможностей их бортового огня, - уверенно ответил Журин.

Когда два Пе-2 и один ЛаГГ-3 приблизились к цели, их встретили два Ме-109, а зенитки открыли огонь. Взаимодействуя со стрелками бомбардировщиков, майор не допустил фашистских истребителей к Пе-2 на дистанцию прицельного огня. Под защитой одного советского истребителя "петляковы" с пикирования сбросили бомбы. Железнодорожный мост надолго

был выведен из строя.

...С боевого задания вернулся сержант Владимир Цапалин. Он быстро подрулил к своей стоянке, поудобнее развернул самолет, чтобы техникам легче было втолкнуть его под маскировочную сеть, выключил мотор.

Стало тихо. Лишь продолжал жужжать раскрученный в полете гироскоп да слышалось глухое тиканье часов, вмонтированных в приборную доску.

Пока техники заправляли самолет, полковой врач капитан Овсянкин вынул из тела летчика семнадцать мелких осколков от разрыва эрликоновского снаряда. На спине и на груди от перенапряжения подергивались мышцы. Наконец раны залили йодом.

Через пятнадцать минут сержант снова в воздухе.

- Сколько полетов произвел сегодня Цапалин? - спросил начальник штаба у оперативного дежурного.

- На шестой пошел.

С наступлением темноты летчиков увезли на грузовой автомашине в столовую. Она располагалась в полуразрушенной от бомбежки церкви в самом центре села Дары.

К концу мая 1942 года в полку было уже девять Героев Советского Союза: Петр Ковац, Василий Зайцев, Анатолий Соколов, Василий Ефремов, Григорий Онуфриенко, Николай Городничев, Александр Кондратюк, Павел Песков и Иван Мещеряков.

29 июля 1942 года личный состав всех трех эскадрилий полка по тревоге построили около КП. Зачитали приказ № 227 Народного Комиссара Обороны об исключительно опасном положении, которое создалось на юге страны. Врагу удалось осуществить глубокий прорыв на Кавказском и Сталинградском направлениях.

Над Родиной нависла большая опасность. Нужно было усилить сопротивление врагу и во что бы то ни стало остановить его продвижение, а в связи с этим перестроить партийно-политическую работу в войсках, мобилизовать все силы и средства. "Ни шагу назад!" - говорилось в приказе.

Войска фронта подошли к городу Ржеву. Дым сражения не рассеивался над ним несколько недель. С трудом просматривались черные остовы домов с пустыми глазницами окон. Каждый метр улиц был по нескольку раз пропахан снарядами, бомбами, минами.

Наземные войска под Ржевом и Зубцовом требовали прикрытия истребителей: фашисты стремились остановить наступление и бросали большие группы бомбардировщиков.

Над Ржевом проходили основные воздушные бои.

В полк пришли газеты. На первой странице крупный заголовок: "6 против 30". Эпиграфом к тексту стояли слова Суворова: "Воюют не числом, а умением". Далее говорилось о том, что шесть советских истребителей ЛаГГ-3 во главе с гвардии капитаном Иваном Лавейкиным возвращались на аэродром после выполнения задания в тылу противника. Над Ржевом они встретили восемнадцать бомбардировщиков в сопровождении двенадцати истребителей.

Шесть против тридцати - это было дерзко, но тем не менее Лавейкин решил внезапно ошеломить врага.

Короткая информация в газете не давала полного представления о проведенном воздушном бое, о котором в полку говорили с воодушевлением. Лавейкин на больших листах нарисовал схему своего боя. Красным карандашом показал советские истребители, черным - фашистские.

В полку стало правилом разбирать на схемах проведенные бои, на них учить молодых летчиков. На разборе вскрывались и допущенные ошибки. Но этот воздушный бой был проведен мастерски.

Выдалась на редкость хорошая погода. Ярко светило солнце, которое обеспечило внезапность действий наших летчиков. После первой атаки, когда на земле запылали сбитые вражеские самолеты, ослепленные фашисты не успели сосчитать, сколько в воздухе советских истребителей. Шестерку приняли за большую группу.

Бомбардировщики быстро освободились от груза бомб и начали разворачиваться в свою сторону.

Вторая атака оказалась такой же успешной. Но, навязывая воздушный бой, Лавейкин пошел на хитрость. Он и его летчики все время оттягивали истребители противника. Старались загнать и бомбардировщики на свою территорию.

Увлеченные дракой, немцы не заметили хитрости. Когда горючее в баках наших истребителей было на исходе, подоспела помощь. Фашисты позорно бежали.

В числе шестерки отважных соколов, дравшихся с тридцатью вражескими самолетами, отличился молодой летчик из нового пополнения сержант Виталий Попков - сбил бомбардировщик.

Уже тогда в нем угадывался будущий прославленный воздушный боец дважды Герой Советского Союза.

Фронтовые будни

Летом 1942 года наши летчики начали отрабатывать бомбометание с истребителей. Самолетов не хватало, поэтому командование решило чаще посылать их на штурмовки вражеской

техники и живой силы.

4 августа восемь из них во главе с гвардии майором Ефремовым получили приказ прикрывать наши наземные войска.

С КП взвилась оранжевой змеей ракета. Взревели моторы. Со всех сторон лесной опушки начали выруливать на старт боевые машины. Они взлетали парами и быстро собирались на кругу за аэродромом.

Линия фронта скоро обозначила себя сожженными деревнями, ломаными линиями окопов, позициями артиллеристов. Истребители медленно прошли над ней, успев на маршруте набрать высоту.

Белые шапки разрывов указали ведущему группы, что линию фронта пересекли фашистские самолеты и наши зенитчики открыли по ним огонь. Эти выстрелы явились наводящими на цель.

- Соколы, к бою! - передал командир группы.

Оказалось, что впереди большая группа Ме-109. Возможно, они вылетели на облет района или решили очистить воздух перед приходом своих бомбардировщиков. Командир быстро сосчитал вражеские машины. Их 16, а в его группе всего 8 летчиков. На каждого по 2 фашиста. Но раздумывать некогда. Для истребителя важны внезапность, инициатива, которые часто решали исход боя.

Фашисты рассчитывали, что они при своем численном преимуществе быстро разделаются с дерзкими русскими. Все сразу бросились в атаку, не заботясь о прикрытии, стараясь только больше сбить краснозвездных истребителей. Однако наши летчики умело выходили из-под огня и стреляли только с близкой дистанции.

Вот вниз полетел, задымив, первый Ме-109. За ним с высоты сорвался другой и врезался в землю.

Противника это не остановило. Он по-прежнему продолжал атаковывать.

Молодой летчик Василий Ануфриев вел свой первый воздушный бой. Спасая командира звена, он защитил его от атаки Ме-109 своим самолетом, словно щитом. Машина Ануфриева была подбита, а сам он тяжело ранен.

Но из боя не вышел. Каким-то чудом даже умудрился долететь до аэродрома. На земле техники подхватили летчика на руки и отнесли, почти безжизненного, в санитарную часть.

А через два часа шестерка ЛаГГ-3 с ведущим майором Онуфриенко обеспечивала боевые действия своей авиации в районе Чертолино. Молниеносный воздушный бой с шестью "мессершмиттами" принес им победу: было уничтожено три самолета противника. Одного сбил Григорий. Двух других -

командир звена, гвардии старший лейтенант Ибрагим Бикмухаметов.

Первый Ме-109 он зажег на боевом развороте, фашистский летчик едва успел выпрыгнуть с парашютом. Неожиданно в хвост машины старшего лейтенанта зашел "мессер". Бикмухаметов поздно заметил его. Однако не растерялся, сделал энергичную "горку" и пошел с резким разворотом на Ме-109. Враг не успел отвернуть свой самолет.

Сильный удар хвостом "лагга" по концу плоскости "мессера". Тот сорвался в штопор и ударился об землю. Взрыв! Где-то около деревни Тимофеево.

Командир звена выровнял самолет. Мотор работал четко, что радовало. Попробовал ручку, она плавно двигалась, подчиняясь воле пилота. Тогда он осторожно развернул истребитель и взял курс на свой аэродром.

Переваливаясь с крыла на крыло, самолет Бикмухаметова быстро терял высоту. Далеко не дотянув до посадочного знака, резко коснулся колесами земли, "отмочил" одного козла, затем другого и наконец остановился.

Летчик подрулил к стоянке, выключил мотор, вылез из кабины, едва веря, что уже дома. Друзья окружили его плотным кольцом. Все внимательно рассматривали чудом уцелевшее после тарана, перекрывшее все границы живучести хвостовое оперение самолета. До сих пор загадка - как можно было такую машину привести на аэродром. Где предел человеческому умению, выдержке, мастерству? Ведь на какой риск шел Бикмухаметов, тараня гитлеровца над расположением его наземных войск. Недаром он считался одним из лучших истребителей полка.

В начале августа сорок второго года гвардии сержант Иван Лавренко также таранил фашистский самолет. Пятерка ЛаГГ-3 во главе с гвардии старшим лейтенантом Гречневым прикрывала свои войска в районе Ржева. Вдруг из облаков выскочили шесть Ме-109. Ведущий ринулся на противника, увлекая за собой ведомых. Завязалась схватка. Гречнев сбил одного "мессера". В разгаре боя Лавренко заметил, как в хвост истребителя, пилотируемого молодым летчиком Ермолаевым, зашел Ме-109. Немедленно бросился на помощь, удачной атакой отогнал воздушного пирата.

В это время другой Ме-109 пытался зайти в хвост самолета Лавренко. Сержант сделал резкий маневр. Атакующий "мессер" проскочил его и оказался перед носом самолета гвардейца. Лавренко немного довернул машину, винтом ударил по стабилизатору самолета противника. Раздался треск. Машину бросило в сторону, но привязные ремни удержали летчика в

кабине. От удара "мессершмитт" сорвался в штопор. Взорвался он севернее Ржева.

Машина Лавренко тоже вошла в штопор. Рули управления не действовали. Летчик попытался вылезти из кабины, но встречная струя воздуха плотно прижала его к сиденью. Лавренко рванул за кольцо. Раскрывшийся парашют буквально выдернул его из кабины. Отважный гвардеец благополучно приземлился на нейтральной полосе. Его подобрали наши танкисты.

Август оказался знаменательным для полка. Быстро рос счет сбитых самолетов.

Выросло мастерство летчиков. 30 августа две пятерки ЛаГГ-3, возглавляемые Василием Гриневым и Игорем Шардаковым, над линией фронта встретили смешанную группу бомбардировщиков: восемь Ю-87, шесть Ю-88, четыре До-215 под прикрытием восьми Ме-109.

Смешанная группа бомбардировщиков лишний раз доказывала, что у фашистов сорвалось "молниеносное" наступление. Война оказалась затяжной, они потеряли много машин, поэтому вынуждены посылать самолеты разных типов, с разной скоростью полета.

Это сразу определил Василий Гринев. В первую очередь надо атаковать До-215. Они маломаневренные. После выхода из атаки стоит заняться Ю-87. Нельзя пропускать к линии фронта Ю-88.

Спланировав мысленно свой бой, командир группы начал его осуществлять со всей решимостью.

Так Григорий Инякин сбил До-215. Шардаков сумел снизу зайти к Ю-87 и с ходу поразил его. Его примеру последовал Николай Макаренко, умело уничтожив второй Ю-87.

Ю-88 оказались крепкими орешками. На них, видно, были опытные летчики: подстроились ближе друг к другу, чтобы усилить плотность огня своих воздушных стрелков. Но все же Гриневу и Лавренко удалось сбить по одному бомбардировщику Ю-88.

Три Ме-109 с разных сторон атаковали самолет Макаренко. Осколки разорвавшихся в кабине ЛаГГ-3 вражеских снарядов срезали ручку управления, ранили летчика. Пришлось выброситься с парашютом. Когда шелковый купол наполнился воздухом, Макаренко попытался подскользнуть, однако подтянуть стропы раненными руками ему не удалось - не хватило сил. После приземления на передовой линии к Макаренко подбежали наши солдаты и на плащ-палатке оттащили его в овраг, затем погрузили на двуколку и отвезли в землянку, где оказали первую помощь: перевязали раны и заставили выпить полстакана спирта. Затем на По-2 доставили в госпиталь в город Торжок. Здесь

обстоятельно промыли все открытые раны: рук, груди, ног. Врачи были очень удивлены, когда увидели на прикрепленном к гимнастерке ордене Красного Знамени летчика большую вмятину от осколка. Позже орден пришлось заменить. Не будь его осколок попал бы прямо в сердце летчика. Что и говорить - повезло.

- Ты, брат, родился в сорочке, - говорили боевые друзья Макаренко.

Едва только солнце зашло за горизонт, как поступила команда: общее построение около командного пункта. Построились: управление полка, затем первая, вторая и третья эскадрильи. Народу много - полк стал трехэскадрильным.

Исполнявший в то время обязанности командира полка Зайцев вручил всем нагрудные знаки "Гвардия". Этот знак был установлен правительством 21 мая 1942 года.

В полку берегли молодых летчиков, осторожно вводили их в строй. Заставляли изучать силуэты фашистских самолетов, запоминать их летно-тактические данные, экипаж и вооружение, уязвимые места. Кроме этого, производились контрольные стрельбы по силуэтам самолетов.

Занимался с молодежью Василий Зайцев. По схемам подробно разбирал проведенные бои. Любил проигрывать их, для чего были сделаны из дерева макеты самолетов. Летчики по очереди атаковывали моделью самолета машину Зайцева. Опытный ас показывал, какие надо применять эволюции, как уходить от преследования, как атаковывать.

8 ход пускались и руки. Ладони то взлетали вверх, то устремлялись вниз, повторяя возможные эволюции самолетов. Строгий учитель заставлял своих учеников изучать по карте район полетов. Молодые летчики постоянно выезжали на аэродром, присутствовали при постановке задач и разборе полетов. Потом следовал полет вокруг аэродрома. Пока один из молодых был в воздухе, опытный истребитель, а то и пара, прикрывали аэродром.

Настал день, когда Зайцев сказал комсомольцу Александру Уроденко:

- Полетишь с майором Журиным. Пора.

С аэродрома вылетела четверка. Повел ее майор Журин. Не долетая до линии фронта, истребители встретили ФВ-189. На фронте этот самолет называли "рамой", "костылем". Был он корректировщиком.

Журин приказал Уроденко атаковать. "Рама" очень маневренна. Не всякому летчику-истребителю удавалось сбивать ее.

И на этот раз фашист ловко увернулся от огневой трассы.

Атака следовала за атакой, а ФВ-189 не падал. Молодой летчик горячился. Наконец он сумел взять себя в руки, вспомнив дружеские советы Василия Зайцева. С предельно близкой дистанции всадил во вражеский самолет две пулеметно-пушечные очереди.

"Рама" загорелась. Ударилась о землю и взорвалась.

9 августа сорок второго года четверка ЛаГГ-3 во главе с майором Александром Кондратюком, прикрывая войска 31-й армии и переправы через реки Вазуза и Осуга в районе Зубцов и Гнездилово, завязала бой с пятнадцатью самолетами противника. Было сбито два бомбардировщика и Ме-109. Но один из вражеских истребителей подбил машину Бориса Журина. Гвардеец не вышел из боя, продолжал сражаться. Схватка с врагом подходила к концу, как вдруг самолет загорелся. На пикировании летчик покинул его с парашютом, сделал небольшую затяжку.

Начавший было распускаться белый шелковый купол внезапно вспыхнул свечой и заполыхал. Видимо, пропитался в кабине бензином. Так гвардии майора Бориса Журина не стало...

А на высоте шел еще воздушный бой. Выручая своего командира эскадрильи, гвардии майора Николая Романова, погиб гвардии сержант Цапалин Владимир.

За короткое время пребывания на фронте он показал себя хорошим воздушным бойцом и был награжден орденом Красного Знамени. А за проявленную самоотверженность при эвакуации из-под артиллерийского и минометного огня противника своего самолета ЛаГГ-3 представлен к награде орденом Отечественной войны первой степени. Как это произошло?

В воздушном бою его машину подбили. Летчик сел на вынужденную недалеко от передовой в расположении наших войск.

Фашисты, рассчитывая на успешное наступление, постоянно держали советский "ястребок" под прицелом, тешили себя мыслью захватить его. Но вот из полка приехали техники. Когда стемнело, Цапалин вместе с ними пробрался к беспомощно распластавшему крылья "лаггу". Следом за ними, используя для маскировки минометную дуэль, с потушенными фарами подошла автомашина. Дружно взялись за лопаты. Подкопали землю сначала под одной частью центроплана, затем под другой.

Временами противник освещал нейтральную полосу разноцветными ракетами, вел по ней беглый минометный огонь. Мины ложились все ближе и ближе. Одна из них разорвалась рядом. Осколками иссечен фюзеляж самолета. Шасси выпущены в ямы, машину выкатили, дружно подняли хвост на плечи, потом

закрепили в кузове грузовика. Цапалин и шофер сели в кабину, а техники в кузов, и под грохот рвущихся мин автомашина потащила за собой самолет. Гитлеровцы усилили стрельбу. Но уже поздно. Истребитель был спасен.

И вот теперь Владимира нет. Ожесточенная битва за Ржев потребовала много жертв. Особенно тяжелыми для авиаполка оказались июль и август. В неравных боях с врагом погибли капитан Алексей Истомин, сержанты Михаил Зуев, Александр Уроденко, Борис Горшунов...

Товарищи по оружию мстили за смерть боевых друзей.

Упорные бои за Ржев продолжались несколько месяцев. И все это время технический состав с рассвета до темноты обслуживал боевые вылеты, а по ночам ремонтировал самолеты. Кто же уйдет с аэродрома, оставив неисправные машины? Одни заделывали пробоины, другие выполняли регламентные работы, осматривали самолеты после полетов и готовили их к новым вылетам. Кто из авиаторов был на войне, тот представляет, что такое восстанавливать самолет на фронтовом аэродроме. Это работа на открытом воздухе, в дождь и жару, мороз и снегопад, в метель и вьюгу. Это самоотверженный труд, иногда без сна и отдыха, зачастую под бомбежкой и штурмовками истребителей противника.

Умелые руки техников, механиков, мотористов и оружейников порой совершали чудеса, воскрешая погибшие, казалось, самолеты. Только в августе техники восстановили в полевых условиях двадцать две машины, получившие повреждения в непрерывных воздушных боях на Ржевском направлении и требовавшие ремонта в стационарных мастерских. Их отремонтировали в полевых условиях.

- Самолеты лучше новых стали, - хвалили летчики техников.

- Сами знаете, сколько за битого небитых дают, - отшучивались те.

И хотя на фюзеляже самолета сохраняется номер, присвоенный ему на авиазаводе при первом рождении, но благодаря искусно проведенным операциям "авиахирургов" машина, по существу, рождается заново, второй раз, начинает вторую боевую жизнь!

22 сентября полк пополнился новичками. Прибыли Сергей Глинкин, Иван Кильдюшев, Виктор Акишин, Петр Борсук, Валентин Дьяконов, Борис Жданов, Павел Ронжин и другие.

Предварительно сдав зачеты по знанию материальной части самолета и мотора, штурманской подготовке, летчики приступили к полетам на двухместном учебно-тренировочном истребителе Як-7. Каждый летчик поднимался в воздух на этой

машине вместе с инструктором, совершал, как принято говорить у летчиков, "вывозные" полеты. А затем уходил один на одноместном истребителе ЛаГГ-3. Вылетел в свой первый полет и лейтенант Иван Кильдюшев. Неправильно произведя расчет на посадку, он вынужден был уйти на второй круг. Чуть не зацепился в конце взлетной полосы за высокие сосны.

С затаенным дыханием наблюдали снизу за его полетом. Самолет снова пошел на посадку с явным "промазом". С непривычки Кильдюшев забыл выпустить посадочные щитки. К счастью, летчик заметил свою ошибку и резко дал газ. Мотор взревел. Тысяча лошадиных сил подхватила машину. Та как бы нехотя увеличила скорость, полезла вверх.

После третьего захода самолет коснулся земли, подпрыгнул, взмыл в воздух, затем, переваливаясь с крыла на крыло, как только что вылезший из воды утенок, побежал вперед.

Руководитель полета подошел к Василию Зайцеву и заявил:

- Не нравится что-то мне этот Кильдюшев, самолет чуть не разложил, да и сам какой-то...

- Ничего, - успокоил гвардии майор. - Летчик из него должен выйти хороший. А что он на первый взгляд не особенно приметен, так это не беда. Как говорится, нескладно скроен, да крепко сшит.

Командир полка не ошибся в русом, коренастом летчике, никогда не терявшем бодрого настроения. Вскоре Кильдюшев доказал это на деле.

Полетав немного ведомым, он после тщательной проверки в воздухе получил возможность быть ведущим пары. Его ведомый - молодой летчик Виктор Акишин боевого опыта не имел. Вместе они служили на Дальнем Востоке, дружили, одновременно прибыли в полк. И вот первое боевое задание. Оно было выполнено успешно, но при возвращении неожиданно из-за облаков выскочили два охотника "Мессершмитт-109".

Дальнейшее произошло молниеносно. Две короткие очереди, и машина Акишина, оставляя за собой зловещий черный шлейф, стремительно понеслась к земле.

Погиб товарищ. Кильдюшев бросился было за ведущим Ме-109. Но немец на большой скорости с набором высоты удрал на запад. Всего несколько секунд понадобилось на атаку второго "мессера". Точный снайперский расчет оборвал полет фашиста. Цепляясь за верхушки деревьев, тот рухнул в темную чащу густого леса.

Как во сне, Кильдюшев развернул и посадил свою машину на аэродром. Что-то говорил ему техник Константин Климов. Он кивал, а сам не слышал. Думал об Акишине. "Эх, Витька, Витька, не летать с тобой больше..."

Справившись с собой, он доложил о гибели ведомого, по карте указал примерное место падения вражеского самолета. Когда туда вылетел на По-2 комиссар полка, то, в полуобгорелых останках Ме-109 обнаружили труп фашистского летчика. На френче того были видны два разлапистых железных креста. Матерого фашиста "завалил" Иван.

Поздно ночью Кильдюшев забылся на нарах тяжелым сном. Но и во сне он стрелял, преследовал, сбивал самолеты с черной свастикой на крыльях, а проклятый "мессер", сбивший Витьку, никак не давался и опять удирал. Проснулся Иван на рассвете дождливого дня. Долго лежал, глядя на заплаканные окна. Вспомнилось почему-то далекое детство в степном селе Краснодарщины, учеба в ФЗУ, первая работа на заводе в Майкопе, Майкопский аэроклуб. В памяти до мельчайших подробностей сохранились лица, улыбки, глаза ребят из Качинской школы военных летчиков, суматошный день выпуска. А потом служба на Дальнем Востоке, аэродром базирования истребительной части на стыке монгольской и маньчжурской границ. Бесконечные дежурства и вылеты по тревоге. Бескрайние монгольские степи, затерянный среди них аэродром, ребята. Среди них смешливый, совсем еще юный Акишин... Нелепо погиб Витька, не хватило осмотрительности, трезвого расчета. Иван перебирал в памяти подробности недавнего вылета. Жестко подмечал и анализировал собственные промахи, где-то виня себя за Витьку. Недосмотрел, переоценил его возможности.

Когда в полку получили новую скоростную машину конструкции Лавочкина, Кильдюшев начал осваивать ее. Вскоре машина в его руках стала податливой и послушной. Казалось, все ему дается шутя, любое дело спорится у него. Только близкие друзья знали, чего это ему стоит, какой он настойчивый, трудолюбивый человек.

А внешность самая заурядная. Голова на мощной короткой шее. И обязательная белозубая улыбка - она-то и делала лицо привлекательным, оживляла его.

- Ты, наверное, и к зубному врачу входишь с улыбкой, - подшучивали друзья, считая кабинет зубного врача самым страшным местом на свете.

В боевой обстановке неунывающие люди особенно ценны - они заражают других оптимизмом.

* * *

...Лобовая атака. Сколько нужно умения, профессиональной выучки, чтобы выйти из нее победителем! Однажды пара истребителей лейтенанта Кильдюшева и младшего лейтенанта Глинкина вела бой с двумя "мессершмиттами" над территорией

противника. Ведомый врага был расстрелян внезапно, машина вспыхнула, словно от удара молнии. Второй "мессер" яростно обрушился на Ивана. Бой проходил на вертикалях с переменным успехом. Как обычно, настойчивым и смелым сопутствовала удача. Выбрав удобный момент, Кильдюшев резко развернулся, дал мотору форсаж. Истребитель на максимальной скорости понесся в лобовую атаку.

Глинкин видел, как с ужасающей быстротой сокращалось расстояние между самолетами. Проходили секунды. Два истребителя стремительно неслись навстречу друг другу.

Нервы у фашиста не выдержали, в последнюю секунду он резко отвернул в сторону. Этого было достаточно, чтобы длинная пушечная очередь прошила тонкое брюхо "мессершмитта". Раздался оглушительный взрыв, и огромный горящий факел совершил свой последний путь. Самолет Кильдюшева тряхнуло раз, другой. "Что-то неладно с мотором", - подумал Иван. Так и есть, снаряды врага угодили в мотор. Правда, заметного падения мбщности пока еще не было. Но уже начало выбивать масло. Забрызган прозрачный козырек и фонарь. Летчик открыл фонарь, высунул голову за борт. Черт возьми, выпуклые стекла летных очков моментально забросало крупными тяжелыми каплями масла! Не успел поднять очки на лоб, как горячая липкая жидкость стала залеплять глаза. Пришлось загородить их перчаткой. Мощный ритм мотора, понятный летчику, как ритм собственного сердца, нарушился, сбился. Тяжело, с перебоями тянул машину поврежденный мотор. Его трясло, словно в лихорадке, казалось, вот-вот сорвется с подмоторной рамы.

С трудом дотащилась израненная машина до аэродрома. Сзади неотступно следовал верный Глинкин.

Кильдюшев перевел кран шасси на "выпуск", чтобы с ходу произвести посадку, но шасси не выпускались, не выпускались и щитки.

А на бетонную полосу аэродрома приземлялись самолеты товарищей по полку.

- Сажусь вынужденно, - прорвался в динамике на КП голос Ивана.

Чтобы никому не мешать, он посадил машину с убранными шасси рядом с посадочной полосой. Та коснулась земли, разметая по сторонам нарезанные изогнутыми концами лопастей винта куски почвы, немного проползла с металлическим скрежетом и остановилась.

Все кончилось, шум замер...

Резко затормозила после крутого виража санитарная машина. Командир полка рывком открыл дверцу машины, за ним вышли

начальник штаба Николай Калашников и полковой врач Иван Овсянкин. Кильдюшев вылез из кабины, отстегнул парашют, снял шлем и подставил лоб ласковому весеннему ветру. Комбинезон, шлемофон и парашют летчика пропитались черным отработанным маслом.

Зайцев с тревогой всматривался в лицо Ивана.

- Не ранен ли?

Вытирая рукавом комбинезона потное лицо, возбужденный Кильдюшев расплылся в белозубой улыбке.

- Нет, а что?

- Посмотри на козырек фонаря!

В левой половине козырька зияло круглое отверстие. Снаряд фашиста прошел над левым плечом на уровне головы нашего летчика и, пробуравив обшивку фюзеляжа, вышел наружу. Другой снаряд разворотил головку одного из цилиндров мотора. Поршень вместе с разорванной частью шатуна заклинило в верхнем положении. Остаток шатуна при работе мотора бесперебойно молотил по рубашке цилиндра.

Ла-5 имел мотор с двумя рядами цилиндров. Будь на этом месте однорядный мотор или водяного охлаждения - подумать о посадке пришлось бы раньше. Мотор, став щитом, спас жизнь человеку.

Кильдюшев обошел израненную машину. Раз. Второй. Все нежно гладил ладонью капоты мотора, обшивку фюзеляжа и крыльев. С ласковой усмешкой наблюдал за ним Зайцев.

Командир полка.

Герой Советского Союза гвардии майор Зайцев Василий Александрович родился в 1911 году в деревне Семибратцево Коломенского района Московской области. Подростком окончил ФЗУ, пог ступил на Коломенский завод имени Куйбышева. Здесь передового рабочего, крепкого, большелобого паренька с ясными голубыми глазами, приняли в комсомол. С завода по специальному набору он пошел учиться в Луганскую военную школу летчиков.

В 4 часа утра 22 июня 1941 года немецкие самолеты внезапно обрушились на станцию Кайдан. Тяжелые бомбы упали на железнодорожные пути, длинное пламя окутало составы. Взлетел на воздух вокзал, занялись огнем дома станционного поселка. Женщины с обезумевшими лицами тащили узлы. Надрывно плакали дети.

Так началась для Василия Отечественная война. В многочисленных воздушных боях с фашистскими захватчиками он приобрел большой опыт, стал расчетливым, изобретательным.

В прошлом летчик-инструктор авиационного

истребительного училища, Зайцев обладал прекрасной методической подготовкой. Его очень уважали в полку за справедливость и прямоту, за храбрость и отвагу. Ему удалось добиться образцового порядка, не злоупотребляя дисциплинарными взысканиями.

Будучи еще заместителем командира полка, он неизменно сам вводил в бой всех прибывших на пополнение молодых летчиков. Делал это искусно, с большим тактом, щадя самолюбие новичков. Те старались не пропускать ни одного его движения, стремились во всем подражать ему.

У Зайцева было чему поучиться. Чтобы по-настоящему оценить его боевое мастерство, надо было хотя бы один боевой вылет сделать с ним вместе. Недаром гвардейцы полка, даже из самых опытных, обращались к нему с просьбой полетать с ним.

...Однажды наши летчики сбили немецкого аса - подполковника. На допросе он заявил, что на этот участок фронта из берлинской школы высшего пилотажа и воздушного боя прибыла специально подготовленная группа летчиков, имеющих большой опыт ведения воздушных боев в небе Франции, Бельгии и Норвегии.

Фашистские асы вели себя в воздухе самоуверенно, действовали нагло.

Зайцеву захотелось встретиться с ними, помериться силами, доказать, что "русские прусских всегда бивали".

Вечером Зайцев и комиссар полка провели с коммунистами совещание о предстоящем боевом вылете. С командиром пошли лучшие, наиболее опытные летчики. Среди них пять Героев Советского Союза: Василий Ефремов, Григорий Онуфриенко, Александр Кондратюк, Павел Песков. Ведущим группы был сам Василий Зайцев.

На другой день, едва только занялся рассвет, гвардейцы прибыли на аэродром и разошлись по машинам.

Усаживаясь в самолет, Зайцев с улыбкой оглядел своих орлов.

- Посмотрим, что запоют берлинские асы!

Он первым запустил мотор, проверил его работу на максимальных оборотах, затем дал команду убрать колодки.

Поднялись в воздух. Подошли к линии фронта. Разделившись на две четверки, они вышли к окраинам русского города. Внизу лежали дымящиеся развалины, на спокойной поверхности Волги то и дело вставали пенистые султаны: немцы обстреливали переправы. И вот, словно по уговору, в небе появилась шестерка "мессершмиттов". - В атаку! За мной! - скомандовал Зайцев.

И четверка самолетов, шедшая за ним в первом эшелоне,

бросилась на немцев. Те резко пошли вверх, чтобы занять выгодную для себя позицию.

Но не тут-то было! Зайцев и Ефремов нагнали их с такой быстротой, какой никак не ожидали надменные асы. Два "мессера" тут же попали под огонь пулеметов и пушек наших летчиков. Вражеские самолеты упали, объятые пламенем.

Фашисты вызвали на помощь еще десять "мессершмиттов". Завязалась ожесточенная схватка. Взаимные атаки следовали одна за другой. В воздухе образовалась карусель из двадцати двух машин. Два наших самолета были подбиты, а летчики ранены. Они покинули неуправляемые машины и опустились на парашютах. Теперь против четырнадцати немецких самолетов осталось только шесть советских. Но гвардейцы и не думали отступать. Василий уверенно вел бой, командовал, направлял. Как всегда в минуты крайней опасности, Зайцева охватывало чувство дерзкой отваги, страстное стремление победить во что бы то ни стало. Вот он с предельной скоростью ринулся навстречу немецкому асу. Матерый фашистский волк, видимо, решил принять лобовую атаку и тоже держал курс на Зайцева. Самолеты с ревом неслись друг на друга. Ближе, ближе...

Это уже был бой нервов. Кто выдержит? Чья закалка крепче? Не любили немцы такого русского приема - пасовали. Так произошло и на этот раз. В самый последний момент, когда катастрофа казалась уже неизбежной, одна из машин резко изменила курс. Немец свернул!

- Струсил, гадина! - послышался в эфире глухой голос Василия. И он без промедления прошил "мессершмитт" меткой пулеметно-пушечной очередью.

Самолет берлинского аса накренился. Летчик попытался было восстановить горизонтальный полет. Но, получив дополнительную очередь, "мессер" загорелся и стал падать на нейтральную полосу. Залп реактивных минометов накрыл его.

А бой продолжался. Атаки, огонь, рев моторов. Еще одного самолета недосчитался враг. Уцелевшие немецкие летчики поспешно стали выходить из боя, удирая за линию фронта.

Политуправление ВВС выпустило листовку с описанием подробностей и результатов этого боя.

Некоторое время спустя летчики Лавейкин и Романов сбили еще два Ме-110 из группы фашистских асов.

26 сентября из штаба фронта в полк пришла телеграмма:

"Командование ВВС и наземных войск Калининского фронта боевую работу наших летных подразделений оценивает как отличную. Боевое задание в течение дня выполнено на отлично, за что ведущим групп т.т. Зайцеву, Ефремову, Шардакову,

Балалуеву, Федорову, Разоренову, Чертову и всему личному составу, участвовавшему в боевой работе, объявить благодарность".

Среди советских летчиков-истребителей на всех фронтах стали выделяться настоящие мастера воздушного боя: Борис Сафонов, Виктор Миронов, Петр Покрышев, Петр Пилютов, Николай Терехин, Василий Крутоверцев, Михаил Осипов, Виктор Давидков, Александр Покрыш-кин и другие. На их личном счету было по десяти и более сбитых фашистских самолетов. На Калининском фронте такими летчиками были Василий Зайцев и Иван Клещев. Фронтовая жизнь шла своим чередом. Будни, заполненные работой. Неожиданно выпадали и праздники. Таким бывал приезд артистов. Эта весть обычно молниеносно облетала весь полк, Все спешили, как по тревоге? брились, чистились, драили пуговицы до солнечного блеска. И вот уже звучит с импровизированной сцены чудесный голос Руслановой, смешат летчиков Хенкин, Гаркави. Не беда, что мала и неудобна сцена, оборудованная тут же, на аэродроме, что выступления подчас заглушаются шумом взлетевших самолетов. Главное, гвардейцам подарили кусочек мирной жизни. Зрители аплодируют, не жалея рук.

Как-то приехал композитор Покрасс. С ним Шварц. Они пробыли у нас несколько дней, а уезжая, подарили "Марш 5-го гвардейского авиаполка", наш марш,

Путь воздушный светел и не длинен
Всем, кому Отчизна дорога.
Самолеты плыли на Калинин,
Чтобы выбить подлого врага.
Шла навстречу огненному грому
Самолетов огненная сталь,
Вел их в бой по небу голубому
Подполковник гвардии Беркаль.
Летим, летим как туча грозовая
Бомбить фашистов метко свысока,
Чтоб громче пелась песня боевая
О славе пятого гвардейского полка.
Мы под Минском и под Белостоком
Устремились с неба на врагов.
Над врагом в сражении жестоком
Нависали тучи "ястребков".
Посмотри на небо хорошенько
Различи в тиши знакомый звук
Это шел на бой Онуфриенко,
Шли Ефремов, Зайцев, Кондратюк.

В небесах дороги нам открыты,
А внизу родимые поля,
И летят на землю "мессершмитты"
И летят на землю "хейнкеля".
Отошла суровая година,
Скоро час победного конца.
Ведь с мотором слиты воедино
Наши мысли, чувства и сердца.

IV. В низовьях Дона

В начале ноября в полк пришел короткий приказ: прибыть во второй запасной авиаполк на одной из станций Горьковской области за получением новых самолетов.

Приказ не обсуждался, но все без исключения - командир полка, летчики, техники - волновались за судьбу наземных войск, которые вдруг лишались прикрытия. Когда предстояло покидать на некоторое время фронт, одолевало чувство какой-то вины.

На аэродром прилетел новый полк на "яках". Фронт не оголялся. Но все ровно летчики нервничали, хотя и понимали, что их ждет учеба, новый, более современный истребитель.

Из запасного авиаполка к нам прибыли Александр Мастерков, Анатолий Беляков, Иван Сытов, Николай Сверлов, Александр Орлов, Александр Пчелкин, Александр Остапчук, Николай Анцырев. Большинство из них были летчиками-инструкторами в авиаучилищах, имели хороший налет, написали не один десяток рапортов, пока не попали в действующую армию.

Командир полка Василий Александрович Зайцев и его заместитель по политчасти внимательно познакомились с каждым вновь прибывшим. Так было заведено. С первой же минуты новички ощущали отеческую заботу. Им подробно рассказывали историю полка, внушали уважение к овеянному славой Гвардейскому полковому знамени. При получении назначения в эскадрильи их торжественно представляли личному составу.

Зайцев любил откровенные беседы с рядовыми гвардейцами. Рассказывал им о подвигах Соколова, Онуфриенко, Нюнина, Мочалова. Ведь почти с каждым из прославленных летчиков он сам летал, видел их в бою.

Молодые летчики брали схемы и знакомились с проведенными боями. Постигали новые тактические приемы. А пока в полку шло доукомплектование.

Командирами эскадрилий стали обстрелянные в воздушных схватках Николай Кияченко, Иван Лавейкин и Николай Дмитриев.

Сменился и начальник штаба полка. Вместо убывшего на

должность начштаба дивизии ночных бомбардировщиков гвардии майора Русанова в полк прибыл после окончания Военно-воздушной академии майор Калашников.

Подтянутый, энергичный, он отличался отменной выправкой, терпеть не мог нерях и разгильдяев. Сказалось, видимо, влияние его прежней службы: до окончания академии был командиром эскадрона в кавалерии. Был Николай Михайлович вдумчив и серьезен, до тонкостей знал хлопотное штабное дело.

Повысили в должности инженера полка Большакова. На его место пришел трудолюбивый, хорошо знавший авиационную технику Каплуновский, бывший воспитанник Харьковской коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Теперь нам предстояло овладеть новым самолетом Ла-5 - скоростным, маневренным истребителем. Он как бы символизировал непрерывное движение нашей техники вперед. По мощности мотора и огня Ла-5 превосходил немецкие истребители. Летный и технический состав принялся осваивать машину.

Занимались, не жалея сил. Только бы скорее, скорее... Полк готовился к новым боям, новым победам.

По ежедневным сводкам Информбюро было очевидно, что под Сталинградом готовится решительное сражение. И переброска полка была связана с этим. Командование торопило быстрей овладеть грозным истребителем, слетаться парами, отстреляться.

С временем и погодой не считались. 15 декабря 1942 года полк в составе 207-й истребительной авиационной дивизии 3-го смешанного авиационного корпуса 17-й воздушной армии приступил к боевой работе в средней излучине Дона.

16 декабря войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. В первые часы операции авиация не смогла поддержать войска, которые, встретив упорное сопротивление противника, продвигались медленно. Но в середине дня, когда распогодилось, эскадрильи штурмовиков и бомбардировщиков под прикрытием истребителей обрушили бомбовые удары на оборону противника и его тыл.

Совместно с наземными частями 1-й гвардейской армии, 6-й армии, 4-го гвардейского танкового корпуса Юго-Западного фронта полк принял участие в разгроме войск немецко-итальянских армий в среднем течении Дона, а также в воздушной блокаде окруженной группировки в районе Сталинграда.

В истребительную авиадивизию, кроме нашего, входили еще два истребительных полка на "яках". Их возглавляли опытные командиры М. В. Кузнецов и С. Л. Индык. Позднее эти полки

стали 106-м и 107-м гвардейскими.

Первым в полку счет сбитых вражеских самолетов на Юго-Западном фронте открыл гвардии старший лейтенант Игорь Шардаков. Встретив при патрулировании в районе Новая Калитва четыре Ме-109, он смело атаковал ведущего группы. Остальных связали боем гвардейцы Виталий Попков и Николай Макаренко. После первой меткой атаки Шардакова вражеский самолет на высоте триста метров перевернулся на спину и врезался в землю. Опасаясь разделить участь ведущего, три Ме-109 удрали.

Во второй половине дня наша пара самолетов во главе с заместителем командира третьей эскадрильи гвардии старшим лейтенантом Бикмухаметовым заметила в районе Богучара трех фашистских истребителей.

- Прикрой, атакуем! - передал Ибрагим по радио.

С первой же атаки был сбит Ме-109. Но сверху на отважную пару свалилась еще четверка фашистских истребителей.

Самолет ведущего нашей пары подбили, летчика ранили. Он не выходил из боя, пока машина слушалась рулей. Неожиданно мотор стал давать перебои. Спасти машину-во что бы то ни стало! И летчик пошел на вынужденную посадку с убранными шасси. Но неудачно. Так погиб Бикмухаметов...

Трудно забыть скромного пилота, награжденного тремя боевыми орденами. Жизнь его оказалась слишком короткой. В полку хорошо знали его биографию. Работал в Казани на заводе синтетического каучука, одновременно учился в городском аэроклубе. Потом учеба в Борисоглебской военной летной школе.

Похоронили его в деревне Верхний Мамон, недалеко от места вынужденной посадки.

...К исходу декабря войска Юго-Западного фронта, прорвав передний край обороны противника на правом берегу Дона, успешно развили наступление. Преследуя противника на южном и юго-западном направлениях, вышли в район Миллерово, Ново-Калитва, Кантемировка, окружив гарнизоны 8-й итальянской и остатки 3-й румынской армий в районах Чертаново, Гартмашевка.

Мимо аэродрома днем и ночью нескончаемым потоком шагали военнопленные из группы "Дон" фельдмаршала Манштейна. Они должны были выручать армию Паулюса. Но сами попали в "котел". В общем, получили по заслугам и, кажется, уже осознавали это.

Натужно гудели над донскими просторами тяжело груженные транспортные самолеты Ю-52, бомбардировщики Ю-88 и Хе-111, стремясь пробиться к Сталинграду.

Попытка немецкого командования организовать снабжение своих окруженных войск по воздуху потерпела крах. Воздушный

мост разрушила наша истребительная авиация и зенитчики.

Окружение немцев под Сталинградом и захват аэродромов, на которых базировалась вражеская истребительная авиация, вынудили фашистские бомбардировщики летать на задание без прикрытия истребителей. Этим немедленно воспользовались наши летчики. Они стали летать далеко в тыл на "свободную охоту". Искали фашистские самолеты и сбивали их.

За месяц пребывания на Юго-Западном фронте было сбито в воздушных боях сорок пять фашистских бомбардировщиков. Много вражеских машин уничтожили на аэродромах.

Василий Зайцев использовал это время для ввода в строй молодых летчиков. Они хорошо облетали район боевых действий, поверили в свои силы.

В эскадрильях были выпущены "боевые листки", посвященные боевому крещению Мастеркова, Остапчука, Потехина, Анцырева, Белякова, Сверлова. А бывалые гвардейцы приумножили славу полка и увеличили личный счет сбитых самолетов.

29 декабря полк перелетел на аэродром, расположенный на правом берегу Дона, на окраине небольшого районного центра Радченское. Печальная картина предстала перед нами. Полуразрушенные, обгорелые дома с выбитыми окнами и выломленными дверями.

Группа солдат из БАО и наши мотористы вставили рамы и двери, установили чугунные печки-"буржуйки", наспех сколотили из досок нары - и неприхотливое жилье готово. Хорошо после холодного дня согреться в тепле. В крайнем домике села оборудовали летную и техническую столовую - можно и "подзаправиться".

Беспечность - враг летчика.

4 января 1943 года командир полка приказал Игорю Шардакову и недавно прибывшему в полк молодому летчику лейтенанту Петру Борсуку перегнать два самолета с тылового аэродрома на аэродром Радченское.

Утром 5 января они вылетели на Ла-5. Но приемники на заданную на этот день радиоволну не настроили, полет продолжали без должной осмотрительности.

В районе Богучара на большой высоте за ними увязались два "мессера" "охотники", которые при подходе к нашему аэродрому, прикрываясь солнцем, стали заходить в хвост самолета лейтенанта Борсука для атаки. И когда Шардаков уже приземлился, в эфир с наземной радиостанции немедленно понеслось предупреждение летчику о грозящей ему опасности. По тревоге пошли на взлет две пары самолетов дежурного звена. Но... уже поздно. Атака со стороны солнца, сзади, справа на

пикировании была скоротечной, наш самолет загорелся. Пламя перекинулось на мотор и кабину.

Он рухнул на восточной окраине деревни. Взрыв бензобаков поднял вверх столбы густого черного дыма, который тут же заволок чистое небо. К месту пожара нельзя было подойти ближе, чем на пятнадцать-двадцать шагов. Полыхал огонь, рвались снаряды. Наконец удалось с большим трудом извлечь из обломков обугленное тело Петра Борсука.

В тот же день командир полка Зайцев долго беседовал со всеми, детально анализируя причины трагической гибели летчика. Разобрал различные способы наблюдения за воздушной обстановкой при следовании к цели, при ведении группового боя, при выходе из него и возвращении на аэродром. Предупреждал, что опаснее всего для воздушного бойца неосмотрительность. Есть люди, которые храбро дерутся, умело маневрируют в воздушном бою, метко поражают противника. Но вот бой заканчивается, враг бежит, и молодой летчик, упоенный победой, забывает об осторожности. Только этого и ждет фашистский "охотник". Выйдя из боя и спрятавшись в облаках, он ищет случая, чтобы "из-за угла" ударить того, от кого только что бежал. Надо быть готовым в любую минуту к встрече с врагом.

Опытный истребитель чувствует в полете всю глубину неба, как говорят, видит на все триста шестьдесят градусов. Вот тогда он может своевременно принять разумное решение, упредить внезапную атаку.

- Кто не умеет видеть в воздухе, тот не истребитель, а летающая мишень, - этими словами закончился подробный разбор.

Гибель Петра Борсука многому научила летчиков, послужила уроком не только полку, но и всей дивизии. И надолго запомнилась всем.

В период наиболее напряженной работы в январе на моторах самолетов Ла-5 стали выходить из строя запальные свечи. Из-за них самолеты простаивали. Боевая работа истребителей была под угрозой срыва. И опять на помощь приходила смекалка. Старший техник-лейтенант Щелочков разработал, изготовил и внедрил способ восстановления свечей непосредственно в полку, без отправления в ремонтные мастерские.

Использовав трофейный электромотор, он сделал ряд приспособлений к нему, с помощью которых снятые с мотора свечи проходили очистку, регулировку и проверку работы под давлением. После такой "процедуры" свечи намного увеличили срок работы. Простоев машины по вине запальных свечей не стало. Щелочкова отметили правительственной наградой.

Гартмашевка.

Если бы еще в средней школе да и в военном летном училище спросили, где на карте находится населенный пункт Гартмашевка, то вряд ли кто из нас в то время правильно ответил бы.

А теперь вот на всю жизнь она запомнилась многим моим однополчанам, авиаторам 17-й воздушной армии.

Впервые название "Гартмашевка" мы услышали на командном пункте полка 16 января. Собрав летчиков группы, командир полка В. А. Зайцев подробно разбирал с ними, как лучше произвести штурмовку аэродрома, расположенного рядом с небольшой железнодорожной станцией Гартмашевка.

Уяснив задачу, летчики разошлись по самолетам.

Вскоре восемь Ла-5 взлетели в воздух, взяв курс на юго-запад. Группу истребителей вел Зайцев.

Рядом с ним Иван Кильдюшев - мастер штурмовых атак. За ведущей парой по сторонам шли ведомые: Дмитрий Штоколов и Николай Анцырев, Александр Мастер ков и Николай Сверлов, Виталий Попков и Николай Макаренко.

Прошло немного времени, и Зайцев внезапно вывел свою группу на вражеский аэродром, на котором в линейку стояли до двадцати трехмоторных транспортных самолетов Ю-52, осуществлявших перевозку грузов для окруженных войск под Сталинградом, и около полутора десятка истребителей "Мессершмитт-109Ф".

С первого же захода Зайцев, Кильдюшев, Макаренко и Мастерков зажгли на земле по одному Ю-52, а Штоколов и Попков сбили Ме-109Ф, пытавшийся взлететь из состава дежурной пары.

Со стороны железнодорожной насыпи начали бить зенитки. По приказу ведущего группы Мастерков и Сверлов немедленно атаковали их огнем своих пушек, загнали зенитные расчеты в щели. Повторным заходом наша пара атаковала расположенный в железнодорожной насыпи командный пункт аэродрома.

А тем временем Зайцев с оставшимися летчиками снова атаковали стоянки самолетов врага. Четыре захода сделали смелые гвардейцы. Все истребители без потерь вернулись домой, оставив на аэродроме до десятка уничтоженных самолетов врага.

Придя в землянку 1-й эскадрильи, Кильдюшев рассказывал, как при штурмовке они низко пикировали на самолеты противника и почти в упор расстреливали их.

- Аж ошметки от них летели, - говорил он о изрешеченных снарядами машинах с черными крестами. Летчики смеялись. А слово "ошметки" вошло в обычай летчиков и повторялось каждый

раз, когда речь заходила об уничтоженной на земле или сбитой в воздухе машине неприятеля.

18 января Гартмашевка была освобождена нашими войсками. Под ударами советских танкистов, поддерживавших наступление 1-й гвардейской армии, фашисты поспешно бежали, оставив на аэродроме около четырех десятков исправных самолетов. А вскоре сюда перелетели бомбардировочный авиаполк подполковника А. Г. Федорова и группа истребителей нашей дивизии. На аэродроме летчики и техники стали свидетелями результатов зверской расправы, учиненной фашистскими головорезами над мирными беззащитными жителями Гартмашевки накануне своего бегства.

Страшная судьба постигла пристанционный поселок. В припадке звериной злобы пьяные эсэсовцы перед отступлением разгромили и сожгли весь поселок: из шестидесяти двух построек уцелело только две; изверги истребили всех жителей поселка. Только пятеро случайно остались в живых.

Ранним утром фашисты бросились по домам железнодорожников и стали расстреливать женщин, детей, стариков, а затем жечь их дома. Часть жителей силой оружия они выгнали на улицу, а затем на аэродром.

Пока раскрасневшийся от водки немецкий офицер с пистолетом в руке что-то лепетал переводчику, другой немец спешно пристраивал пулемет, обращенный против согнанных в крайний капонир стариков, женщин и детей.

- Признавайтесь сразу, - начал переводчик, - кто из вас партизан. Немецкий офицер дает три минуты на размышление. Потом, если кто и захочет ответить, будет поздно.

Железнодорожники молча стояли в глубине капонира, прижавшись друг к другу. Со страхом в глазах теснились дети к матерям. Но все, как один, продолжали молчать.

Офицер нервно поглядел на часы: "Цвай, цвай".

- Две минуты осталось, - подхватил переводчик.

Толпа молчала. И это приводило в бешенство карателей.

- Айн, - уже без переводчика крикнул офицер, подняв указательный палец. Толпа по-прежнему молчала. И только женщины с детьми на руках, почуяв нависшую грозу, начали кричать. Офицер взмахнул рукой, и немец, стоявший за пулеметом, провел одной, другой и третьей очередью по толпе. Люди валились в кучу на мерзлую землю, увлажняя ее своей кровью.

Офицер неистовствовал:

- Файер, файер!

Крик и плач женщин, стоны раненых заполнили аэродром.

Фашистов не остановили ни слезы женщин, ни протянутые с мольбой о помощи детские руки.

Здесь же был расстрелян экипаж советского танка, который задолго до подхода основных сил ворвался на станцию и раненым был взят в плен. Потом все стихло.

Чудом спасшийся старый железнодорожник Александр Шестак со слезами на глазах рассказывал нам:

- Когда я возвратился в освобожденный поселок и перешагнул порог общежития железнодорожников, сердце мое замерло: в коридоре в лужах крови лежали зверски убитые сигналист Косачов, его жена, пятнадцатилетняя дочь Мария и старшая дочь Анастасия. У ее ног лежал, запрокинув головку, трехлетний сын Николай и возле него завернутая в одеяло дочурка Валя. Нагнувшись к стрелочнику Ткачеву, Шестак едва узнал его. По залитому кровью лицу было понятно, что умер от разрывной пули, пущенной в глаз. А рядом, прижав в предсмертной агонии к груди своего двухлетнего сына, навеки застыл сигналист Иван Торба. Его жена - Мария Ефимовна, лежала вблизи. В ее руках убитый в лоб ребенок. Вместе со многими другими эта семья была загнана фашистами в узкий коридор дома и расстреляна в упор из автоматов и винтовок.

Две семьи немцы загнали в погреб и забросали гранатами. Палачи наслаждались чудовищным зрелищем мучений и смерти своих жертв.

На другой день авиаторы и уцелевшие жители Гартмашевки собрали сто пятьдесят семь трупов и захоронили их в общей могиле.

С чувством гнева и возмущения выступил молодой солдат из батальона аэродромного обслуживания комсомолец Иван Ткачев, отец, мать и младший брат которого были расстреляны на аэродроме. Заклеймил извергов.

О фашистской расправе в Гартмашевке, о зверствах, которые чинили гитлеровские головорезы над мирным населением, плача и волнуясь, рассказала чудом уцелевшая жительница Гартмашевки Драчева. Затем слово предоставили летчику нашего полка Борису Иосифовичу Пендюру.

- Товарищи, - начал тихо майор, - фашисты убили мою жену. Штыком закололи любимую дочь... Кровь стынет в жилах, когда видишь, что наделала фашистская нечисть здесь, в Гартмашевке. Разве можно придумать этим палачам другую кару, кроме смерти? Нет! Сердце кипит от жгучей ненависти к фашистским душегубам. За поруганные фашистами цветущие города и села, за убитых, истерзанных родных и близких, за своих погибших боевых товарищей мы не устанем беспощадно мстить до

последнего вздоха проклятой немчуре всюду, везде, до полного освобождения нашей священной земли.

О кровавой расправе фашистов над мирными железнодорожниками Гартмашевки рассказали на своих страницах газеты нашего фронта. Эти материалы были доведены до всех воинов Юго-Западного фронта. И они отвечали: "За смерть и слезы, за муки и кровь советских людей есть только одна расплата - смерть немецким оккупантам!"

Тяжело переживали за судьбу своих родителей, томившихся на временно оккупированной территории, наши однополчане. У Штоколова родители находились в Миллерово, у Кельдюшева - на Кубани, Дмитриева - в Николаеве, Юрченко - в Харькове, Ивашкевича - в Белоруссии.

Выступивший при захоронении жителей Гартмашевки летчик Борис Пендюр в последующих воздушных боях сбил девятнадцать фашистских самолетов: одиннадцать лично и восемь в группе.

Счет мести Пендюр вел не только в воздухе, но и на земле. Это произошло под Славянском. В одном из боевых вылетов в феврале месяце осколком разорвавшегося под самолетом Пендюра зенитного снаряда был выведен из строя мотор. Обороты мотора начали быстро падать, и вскоре он совсем заглох. Пришлось посадить машину в поле. Забрав парашют, летчик по раскисшим тропам кое-как добрался сначала до пригорка, а затем до окраины небольшого села.

Отворив дверь, Пендюр встретил взглядом пожилую женщину, видимо, хозяйку дома, которая испуганно метнулась в сторону печи и скрылась, за дверью, ведущей во вторую комнату. Ничего не подозревая, летчик шагнул к углу печи и обомлел. За небольшим столом, окружив переносный радиопередатчик, сидели три немца. Один из них с наушниками на голове что-то громко передавал в эфир. Пендюр почти мгновенно выхватил из висевшей под меховой курткой кобуры заряженный пистолет, снял с предохранителя и тут же полоснул огнем сначала по пытавшемуся встать из-за стола солдату, а затем по второму и третьему немцу.

На выстрелы из второй комнаты с автоматом в руке выскочил долговязый унтер-офицер. Отскочив за угол печи, Пендюр снова выстрелил. Падая навзничь, немец успел выпустить длинную автоматную очередь, которая, к счастью, прошла поверх головы летчика.

Оказалось, что в тыл нашей передней линии немцы послали небольшую разведгруппу с рацией, которая облюбовала для себя стоящий на окраине небольшой дом.

Так и прибыл Пендюр в полк с трофеями: немецким

радиопередатчиком, пистолетами и автоматами, документами разведгруппы и кучей личных фотографий убитых. Однополчане поздравили смелого летчика с победой над врагом. Борис Пендюр ответил:

- Это им за Гартмашевку.

Штурман полка раздал новые карты. Верный признак, что скоро опять перелет на новый аэродром. Наконец объявили и пункт, к которому надо прокладывать маршрут и высчитывать время полета. Это аэродром Половинкино. Несколько дней тому назад с него взлетели "юнкерсы" и "мессершмитты".

Вокруг выложенной красным кирпичом взлетно-посадочной полосы и на ней самой фашисты оставили кучу обгоревших самолетов - результат ударов по аэродрому наших бомбардировщиков и штурмовиков. Повсюду разбросаны штабеля бомб и других боеприпасов.

Наступление войск фронта продолжало развиваться на запад, в направлении Сватово, и на юго-запад - в направлении Кременная - Лисичанск.

6 февраля были освобождены Балаклея и Изюм, который фашисты называли "задней дверью Донбасса".

11 февраля танкисты с ходу заняли важный узел железнодорожных и шоссейных дорог Красноармейское, а части 1-й гвардейской армии вошли в город Красный Лиман.

На правом фланге фронта наши войска, взламывая оборону, продвинулись вперед на двести пятьдесят километров. Передовые части фронта вышли к Днепропетровску и Синельниково.

По три-четыре боевых вылета делали ежедневно наши летчики, обеспечивали прикрытием наземные войска, штурмовую и бомбардировочную авиацию. В битве за Донбасс приходилось ежедневно вести воздушные бои, и каждый раз они выходили победителями. Всего за февраль было сбито тридцать девять самолетов противника.

4 февраля четыре Ла-5 с ведущим Шардаковым, прикрывая переправы через реку Северный Донец в районе Звановка, встретили шесть немецких бомбардировщиков. Летчики смело атаковали Хе-111, разбили строй, а затем стали уничтожать их поодиночке. Двух сбили. Гвардии лейтенант Кильдюшев, преследуя одного, беспрерывно атаковал его, несколько раз зажигал моторы, но фашисту удавалось сбить пламя. Увлекшись, гвардеец загнал врага далеко за линию фронта. "Хейнкель", дымя моторами, перешел на бреющий полет. При четвертой атаке сбросил бомбы, чтобы уйти от истребителя. Кильдюшев висел на хвосте Хе-111, повторял все его маневры, обстреливая короткими очередями. Он убил стрелка, затем штурмана. Продолжая

преследование, еще раз нажал на гашетки. Однако пушечных выстрелов не последовало: кончился боекомплект. Неужели противник уйдет безнаказанным, когда победа так близка? Руки гвардейца крепче сжали сектор газа и ручку управления. Он решил пойти на таран. Направил блестящий круг работающего винта на хвостовое оперение врага, сравнял скорость истребителя со скоростью бомбардировщика и увеличил газ. Прошло какое-то мгновение. Удар! Клюнув носом, "хейнкель", лишенный рулей управления, почти отвесно камнем пошел к земле. Вражеский экипаж не успел даже воспользоваться парашютом. Несколько секунд спустя в пяти километрах юго-западнее деревни Николаевки взвился огромный столб черного дыма и яркого пламени.

Так Кильдюшев понял, что врага можно уничтожить даже тогда, когда на самолете нет ни одного снаряда.

Вечером его, комсомольца, уроженца Кубани, приняли в кандидаты партии. К этому времени гвардии лейтенант провел десять воздушных боев, сбив шесть самолетов противника.

Летчики хорошо знали, что не бывает двух одинаковых вылетов и двух одинаковых воздушных боев. Об этом постоянно напоминал Василий Зайцев. Он требовал не шаблонного подхода в бою, а непрестанных поисков новых приемов.

Февраль недаром зовут "месяцем кривых дорог". Частые метели, густой снег. Летное поле переметает поземка, и на взлетной полосе вдруг взгромождаются огромные сугробы с острыми козырьками.

Кильдюшев и Сверлов вылетели прикрывать район Кременная - Лисичанск. Неожиданно перед летчиками из облачности вывалился Хе-111. Немецкий летчик, наверное, потерял ориентировку и решил проверить, где он оказался.

Гвардии лейтенант с короткой дистанции открыл огонь. Отстрелявшись, отвалил в сторону, не мешая атаковать своему ведомому. "Хейнкель" яростно отбивался.

Кильдюшев повторил атаку. Убив воздушного стрелка, он подошел почти вплотную и ударил по правому мотору. Увидел, как снаряды, разрывая дюраль капота, попали в мотор. Сначала показался сизоватый парок, потом вспыхнуло пламя.

Из горящего бомбардировщика выбросились с парашютами летчик со штурманом.

В каждом своем вылете командир второй эскадрильи Иван Лавейкин поражал новым тактическим решением, большой изобретательностью. План боя у него рождался мгновенно.

30 февраля пять Ла-5 под командой гвардии капитана Лавейкина вылетели на прикрытие наземных войск в районе

Славянск - Краматорск. При подходе к цели наши истребители заметили четырнадцать одномоторных пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Самолеты врага уже перестроились в цепочку. С разных сторон по ним били наши зенитки. Флагман фашистов поспешно опрокинулся через крыло и, словно разъяренный хищник, устремился вниз на Славянск. За ним другой, третий...

Лавейкин передал команду по радио. Одной паре истребителей - Штоколову и Лавренко - прикрыть атакующую группу на тот случай, если появятся истребители противника. Сам вместе с Ермолаевым и Сверловым устремился на бомбардировщиков. Команда ведущего была выполнена своевременно.

Ермолаев атакой сзади сверху зажег Ю-87. Для большей уверенности выпустил еще очередь. С вражеским бомбардировщиком было покончено.

Прицельной атакой на пикировании Сверлов также зажег одного "юнкерса", затем сбил второго бомбардировщика. По одному Ю-87 занесли в свой актив командир эскадрильи Лавейкин, летчики Штоколов и Лавренко. Было сбито шесть бомбардировщиков. Дорого обошлась врагу попытка бомбить наши наземные войска.

* * *

Василий Зайцев, разбирая очередной воздушный бой, почти всегда заканчивал одинаково:

- Зазнайство для летчика - смерть! Всегда помните об этом!

И поглядывал на Кильдюшева. Нравился ему этот скромный летчик, который никогда не хвалился своими победами. Уж в каких переделках побывал! Возвращался всегда победителем.

...Линию фронта прикрывали четыре Ла-5. В воздухе гвардейцы встретили три Як-1 из соседнего полка. Те прошли на встречном курсе. Летчики поприветствовали друг друга покачиванием крыльев: "Как дела?" - "Порядок!"

Время патрулирования истребителей близилось к концу.

Неожиданно ниже группы появился Ме-110. Может, фашисты выпустили летчика визуально разведать передний край или произвести фотографирование? Нужно было выяснить.

- Я атакую, - передал по радио Кильдюшев, оказавшийся' над вражеским самолетом, - прикройте.

Летчик на пикировании догнал фашиста и с короткой дистанции расстрелял его.

- Возвращаемся, - приказал ведущий группы. - Бомберы должны подойти!

Он не ошибся - прилетевший Ме-110 действительно был

выслан на разведку.

Истребители встретили шесть Ю-88, четыре Ме-110 под прикрытием четырех Ме-109.

Бомбардировщики шли звеньями, а истребители парами носились над ними. Разогнав скорость на пикировании, наши летчики сверху со стороны солнца атаковали Ю-88. Гвардейцам удалось не только сорвать замысел противника, но и вынудить его покинуть поле боя.

Оказывая помощь...

13 февраля 1943 года шли ожесточенные бои за Донбасс. Наш аэродром располагался на окраине города Красного Лимана. В целях маскировки самолеты прятали между домами и сараями, под навесами. Аэродром небольшой, полоса ограниченная, истребители садятся с трудом.

Распоряжения из дивизии шли одно за другим. Оперативный дежурный по КП старший лейтенант Григорьев только успевал раскодировать пятизначные цифры с помощью переговорной таблицы.

Летчики беспрерывно вылетали на сопровождение Ил-2 и прикрытие наземных войск в район Константиновка - Красноармейское. Там шли бои. Некоторые пункты переходили по нескольку раз из рук в руки. Наши наземные войска, вклинившиеся в оборону врага, особенно нуждались в надежном авиационном прикрытии.

В конце короткого зимнего дня, едва сгустились сумерки, скрипнула дверь. В землянку вбежал посыльный с аэродромной радиостанции и торопливо доложил:

- Товарищ старший лейтенант, "пешки" просят посадки!

- Какие еще "пешки"? - недоуменно спросил Григорьев, продолжая раскодировать текст очередного распоряжения из штаба дивизии.

- Кто-то возвращается с задания и очень просит принять его на нашем аэродроме.

Что за штука? Вот задача. Здесь не ночники, специальных осветительных средств нет, да и аэродром мал. Как обеспечить посадку бомбардировщиков в кромешной темноте?

Григорьев ворвался в расположенную рядом комнату. За наспех сколоченным из свежих досок столом - Зайцев, Рулин, Калашников. Ведут разговор. Видимо, подводят итоги прошедшего боевого дня или говорят о налете фашистских бомбардировщиков на наш аэродром. При бомбежке погиб младший лейтенант Александр Александрович Соколов.

- Товарищ гвардии подполковник! Пе-два по радио просят у нас посадки.

Командир полка в недоумении.

- Кто же это такие? - тихо произнес он. Поднялся и направился к выходу. За ним Рулин и Калашников.

Размещенная на автомашине радиостанция находилась под маскировочной сеткой здесь же, рядом с КП. Вошли в нее.

- "Чайка!".. "Чайка", - доносилось в динамике... "Чайка" - это позывной комполка Зайцева. - Прошу посадки, прошу посадки...

Командир полка взял микрофон в руки.

- Я - "Чайка"!.. "Чайка" я!

Тут же в динамике, нарушая правила кодированной связи, послышался обрадованный крик.

- Вася! - это я... Алексей... Готовься принять мое "хозяйство" в полном составе! Понял?

- Ты что, с ума сошел? У нас посадочная полоса - вполовину вашей! Сажать на ней бомбардировщики опасно!

- Нет, дорогой, выхода! Горючка в обрез. Выручай. Давай на полосу освещение!

- Сколько вас? - Двадцать семь.

И тут же связь прекратилась. В динамике слышалось только легкое потрескивание да протяжное шипение.

- Кто это? - спросил Калашников.

- Федоров, командир тридцать девятого бомбардировочного полка, - сказал Зайцев. - Раз просят посадки, значит, выхода нет. Надо помочь. Оперативный!

- Слушаю вас, товарищ командир.

- Быстро машину с дровами и бензозаправщик на старт! Спички не забудь прихватить.

- Понял.

Не прошло и десяти минут, как нагруженная досками трехтонка, а за ней бензозаправщик направились на старт.

Туда же последовала полуторка с Рулиным и Калашниковым. Зайцев остался на радиостанции. В воздухе уже слышится нарастающий шум приближающихся к аэродрому самолетов.

Торопясь, младшие авиаспециалисты дружно растаскивали доски вдоль посадочной линии. Обливали их бензином из шланга бензозаправщика. А когда машина трогалась - поджигали. Рядом с "Т" и параллельно посадочному полотнищу появился сначала один костер, потом другой, третий. Кажется, успели.

Вот садится у самого "Т" первый самолет. Проскочив костры, он тут же исчезает в темноте. За первой машиной приземляется вторая, третья. Самолеты тут же растаскивают в стороны, чтобы освободить место следующему. Итак, одна машина за другой - все двадцать шесть. Лишь одна выкатилась за границу посадочной полосы и в конце пробега встала на нос. Двадцать седьмая не долетела до аэродрома несколько километров. Израненная, произвела вынужденную посадку на нашей территории.

Видавшая виды легковушка. На ней подъехал командир корпуса генерал В. И. Аладинский в сопровождении Зайцева. В темноте они а трудом разыскали командира 39-го бомбардировочного авиаполка Алексея Федорова. Тот стоял в плотном кругу своих летчиков, делился впечатлениями.

- Товарищ генерал, задание... - пытался было доложить

Федоров.

Не дав ему досказать, что задание выполнено успешно, Аладинский обнял его, поздравил с благополучным возвращением.

- Молодец, всех привел!

Один час сорок минут продолжался этот необычный полет. А начинался он так. Нашему командованию стало известно, что на станции Чунишино, что за Артемовском, возле Красноармейского, гитлеровцы разгружают платформы с танками и самоходными артиллерийскими установками. Наши танкисты находились в этом районе почти в окружении, поэтому было приказано летчикам 39-го бомбардировочного полка во главе с командиром во что бы то ни стало атаковать разгружающийся танковый эшелон врага.

Светлого времени оставалось немного. Лишь на путь к цели и на атаку. Ночью в полку летали немногие экипажи. Но раз надо, значит, задание будет выполнено. На фронте так.

Полетели тремя эскадрильями, двадцать семь машин без прикрытия. На последнем отрезке пути к Чунишино Пе-2 дважды атаковала семерка Ме-109 пыталась нарушить строй полковой колонны, сбить ее с курса. Бортовые стрелки дружно отбивались. При очередной атаке фашистских истребителей смертельно ранило стрелка-радиста Василия Макаренко.

Появились разрывы зенитных снарядов. Чем ближе к цели, тем их больше. Несмотря на яростный огонь зенитных батарей, все три девятки с пикирования удачно отбомбились. Прямыми попаданиями они уничтожили эшелон с танками и надолго закупорили станцию Чунишино. При отходе от цели их снова атаковали фашистские истребители. Стоило одному Ме-109 запоздать с выходом из атаки, как летчик Карманный сразил его длинной очередью бортового пулемета. Горящий "мессер" исчез из поля зрения.

Наступающая темнота позволила оторваться от назойливых "мессеров". И тут Федоров понял, что дотянуть до своего аэродрома ни ему, ни возглавляемой им колонне не удастся. Вот и пришлось обратиться за помощью. Аэродром Красный Лиман лежал на полпути к Новодеркулю - месту базирования Пе-2.

С рассветом на аэродроме выстроились личный состав 5-го истребительного и 39-го бомбардировочного авиаполков. Предстояло похоронить с воинскими почестями нашего летчика младшего лейтенанта Александра Соколова и Василия Макаренко, стрелка-радиста из экипажа Пе-2.

Линия фронта совсем рядом. Содрогается земля от разрывов снарядов и бомб. Сражение за Донбасс продолжается. А тут

боевые друзья, скорбно обнажив головы, подходят к самому краю двух могил. Минута молчания. Первый оружейный залп... И вдруг команда:

- Воздух!

- Пятый полк по самолетам!

Летчики бросились к своим машинам. Уже взмывает ввысь дежурное звено истребителей.

- Стрелкам "пешек" занять места у бортовых пулеметов!

А в это время две плотные группы бомбардировщиков Ю-87 и Хе-111 в сопровождении истребителей Ме-109 приблизились к аэродрому. Видимо, по команде "юнкерсы" заворачивают на скученные стоянки Пе-2, а "хейнкели" держат курс на стоянки истребителей нашего полка. Так же разделились и истребители сопровождения.

Вслед за дежурным звеном взлетели три группы во главе с командиром полка. Уже во время набора высоты Зайцев ввел своих питомцев в образовавшийся прорыв. Не теряя ни минуты, командир эскадрильи капитан Лавейкин и восемь его летчиков вместе с дежурным звеном отрезали "мессеров" от "хейнкелей", а затем и "юнкерсов".

Командир полка со своей группой навалился на нависшие над аэродромом, готовые к пикированию Ю-87. Тем временем капитан Дмитриев и его ведомые дружно атаковали начавшие уже сбрасывать бомбы Хе-111, пытаясь сбить их с боевого курса. Захлопали выстрелы зениток, затрещали пушки, пулеметы. Одна из серий бомб угодила между крайними домами и "петляковыми". Огненные пунктиры трасс стрелков-радистов от стоящих на земле "петляковых" потянулись к "хейнкелям". Искусно лавируют советские летчики в гуще вражеских самолетов. Разрывы бомб, гул десятков моторов, очереди скорострельных пушек и пулеметов с трудом позволяют расслышать на КП полка команды, подаваемые Зайцевым в воздухе.

Пока Лавейкин со своей группой преграждал путь "мессершмиттам" завязав с ними "карусель", командир нашего полка на пикировании с короткой дистанции сбил главного "лапотника". Не выходя из пикирования, фашистский бомбардировщик врезался в землю. Второго Ю-87 пушечными очередями прошил Цымбал. С земли было видно, как шестерка Ла-5 во главе с Зайцевым, словно нож по куску сливочного масла, прошла сквозь строй "юнкерсов". Так же действовали и другие ведущие групп наших истребителей. Прошло не более минуты, как Дмитриев, а затем и Сытов сбили по одному Хе-111. А Шардаков, Кильдюшев, Глинкин, Мастерков, Попков, Анцырев и Лавренко вели упорный бой с "мессерами", не давая им

возможности помочь своим бомбардировщикам.

Удачно действовали Ла-5 парами. Почти в упор Николай Анцырев расстрелял "мессершмитта", пытавшегося сбить ведущего пары Ивана Лавренко. И все же истребителям противника удалось соединиться со своими бомбардировщиками. Они, словно шмели, облепили самолеты группы Лавейкина и Дмитриева. Развернув свою группу, Зайцев ринулся на помощь командирам эскадрилий.

Шесть Ла-5 во главе с командиром полка врываются в карусель, закрученную Лавейкиным и рассеивают наседавших "мессеров", затем обрушивают меткий удар на "хейнкелей". И тут же, в пламени и дыму, безнадежно теряя высоту, отваливают в сторону две головные машины колонны. Строй бомбовозов дрогнул, "хейнкели" поспешно освобождаются от оставшихся бомб, круто разворачиваются. Уходят со снижением к линии фронта.

Другая часть группы Ла-5 огнем своих пушек пресекла атаки четырех Ме-109, мешавших Дмитриеву и его товарищам добивать те "юнкерсы" и "хейнкели", что отбились от общего строя.

Двадцать одну минуту продолжался воздушный бой. Наши летчики сражались против шестнадцати "хейнкелей", двадцати семи "юнкерсов" и двадцати двух "мессершмиттов". Всего двадцать одна минута... Вроде бы и немного. А сколько нервов и сил отняли они у летчиков! Казалось, прошли целые часы.

Не терялись и на земле. Едва звено Ю-87 с пикирования начало обстрел стоянок наших самолетов, бойцы под ливнем пуль и снарядов открыли огонь из счетверенных зенитно-пулеметных установок и точной очередью сбили одного "юнкерса".

В вечерних сумерках долго еще стлался дым от догоравших на донбасской земле фашистских самолетов.

Каков он, ФВ-190?

В апреле 1943 года на нашем участке фронта гитлеровское командование впервые ввело в бой разрекламированные геббельсовской пропагандой "Фокке-Вульф-190", созданные по проекту авиаконструктора Курта Танка фирмой "Фокке-Вульф". Иногда они появлялись с Ме-109.

Было известно, что на новом истребителе установлен мотор воздушного охлаждения. От "мессершмиттов" эту машину отличало совершенство аэродинамических форм, повышенная мощность мотора, более высокая скорость и, очевидно, скороподъемность. Какова маневренность нового вражеского самолета? Как он ведет себя на различных высотах? Чем вооружен? Как пилотируется? Никто не знал. Эти вопросы требовали ответа.

Вскоре разведка донесла, что пилотируют "фокке-вульфы" летчики, прошедшие подготовку в геринговскои берлинской школе воздушного боя.

Командующий 17-й воздушной армией приказал как следует "прощупать" берлинских асов в бою и, если представится возможным, приземлить одного из них на нашей территории.

...Когда двойной пунктир огненных всплесков, обозначивших передний край, превратился в почти сплошную пульсирующую цепочку и стрелка указателя высоты уже подобралась к цифре шесть тысяч, четверка Ла-5, пилотируемая Николаем Киянченко, Александром Орловым, Александром Мастерковым и Сергеем Глинкиным, перешла в горизонтальный полет, змейкой заходила над передним краем.

Глаза летчиков слепило от яркого неба. Неожиданно на солнечной стороне горизонта появились темные точки. Поворот, горка - и на фоне земли вырисовывались контуры четырех тупоносых "фоккеров".

Киянченко и Глинкин сразу же врезались в строй вражеских самолетов, сковали боем одну пару "фокке-вульфов". Идя на сближение со второй парой, Мастерков успел рассмотреть тонкий фюзеляж, тупой нос и словно обрубленные почти под прямым углом концы крыльев.

Первая атака по вражескому истребителю. Первая проба сил. Противники разошлись на вертикалях, не причинив друг другу вреда. Каждая встреча с фашистом, протекавшая даже считанные секунды, требовала от летчика мгновенного ответа на тактические приемы врага.

Мастерков по манере ведения воздушного боя понял, что ведущий пары гитлеровцев - опытный. Он ловко ускользал от прицельного огня и тут же сам переходил в атаку, демонстрируя незаурядное пилотажное мастерство. Чтобы взять верх над врагом, гвардеец выжимал из своей машины все, что мог. С концов плоскостей его самолета то и дело срывались белые струи воздуха. Но и "фоккеры" не отставали. Немецкие летчики тоже тянули ручки так, что струи стали срываться не только с концов плоскостей, но и со стабилизаторов.

В последующих атаках Мастерков увеличил скорость и усложнил маневр. И вот желанный результат: на какое-то время фашистский летчик остался один, без отставшего ведомого; надо отдать ему должное: не растерялся и поначалу предложил такой темп, который даже нашим гвардейцам показался едва выполнимым. Но скоро в действиях противника появилась какая-то лихорадочность: начал злоупотреблять огнем с дальних дистанций. Тогда Мастерков понял: сбить его теперь будет

нетрудно. Но ведь нужно было не уничтожить, а посадить крылатого "крестоносца" на нашей территории. Заставить его приземлиться.

Взгляд вниз - земля своя! Когда уже порядком утомленный гитлеровец не очень смело, но весьма искусно бросил машину вниз, прямо под брюхо "лавочкина", Мастерков словно ждал этого. Успел удачно вынести перекрестье прицела перед носом "фоккера".

Трудно удержаться, не нажать пальцем на гашетку, когда перекрестье прицела, кажется, чересчур медленно ползет сначала по мотору, потом по спине "фоккера". Надо, надо принудить гитлеровца зайти на посадку. Перекрестье легло на хвостовое оперение. Пора! Мастерков едва успел вдавить гашетку, как тут же дробная пушечная очередь снесла вершину киля, начисто срезала правую часть руля высоты "Фокке-Вульфа-190".

Фашистский самолет, словно ужаленный, метнулся было вверх, затем перевернулся через крыло и сорвался в штопор. Но гитлеровский ас сумел вывести свою машину из штопора и со скольжением посадить ее. Пробороздив животом землю, ФВ-190 покорно лег невдалеке от окопов наших солдат. На это и рассчитывал гвардеец.

Когда возбужденный Мастерков докладывал командиру полка о выполнении боевого задания командующего воздушной армией, тот прервал его:

- Молодец! Представляю к правительственной награде.

Похвала Героя Советского Союза Василия Зайцева, прославленного аса, была лучшей наградой для летчика-истребителя.

В тот день Семейко и Куприянов, летчики братского полка, летавшие на "Яковлевых", также лицом к лицу встретились с ФВ-190 и сбили по одному.

Позже все внимательно осмотрели новый фашистский истребитель. К нему влекло не простое любопытство, а стремление как можно лучше изучить вражескую машину, ее уязвимые места. Наши летчики установили, что бензобаки на нем находятся внизу посередине и совсем не бронированы. Поэтому атаковывать ФВ-190 нужно снизу, а также сбоку в ракурсе пятнадцать-тридцать градусов. Вооружение у "фокке-вульфа" состояло из двадцатимиллиметровых пушек на крыльях и двух пулеметов, стреляющих через плоскость вращения винта. Позже летчики узнали, что по сравнению с Ме-109 ФВ-190 имел худшую маневренность, скороподъемность, больший полетный вес и посадочную скорость. Из боя чаще всего выходил резким пикированием.

10 марта шестерка Ла-5 во главе с командиром полка вылетела на прикрытие боевых порядков своих войск в районе Яровая - Банновский - Пришиб.

При подходе к району прикрытия группа заметила в воздухе три ФВ-189, летевших строем "клин". По команде Зайцева четыре Ла-5 разбили строй "фоккеров". Самолеты противника поодиночке стали выходить из боя. Наши летчики парами преследовали их. Гвардии капитан Дмитриев после двух атак с короткой дистанции сбил одну "раму". Гвардии лейтенант Остапчук в это время успешно атаковал второго ФВ-189. Третью "раму" вывел из строя гвардии лейтенант Штоколов. Самолет врага снизился, сел с убранными шасси. Из него выскочил сначала один, затем другой фашист. Штоколов пушечным огнем обстрелял их и лежавший на животе самолет.

Не успел окончиться воздушный бой с ФВ-189, как Зайцев по радио получил сообщение наземной станции наведения о том, что два наших штурмовика над линией фронта подверглись атакам "мессеров". По команде командира полка пара истребителей во главе с Киянченко на полной мощности моторов поспешила на помощь штурмовикам. Назойливых "мессеров" отогнали. Не приняв боя, они удалились на запад с набором высоты. Только успела группа собраться, как Зайцев повел их снова в атаку, наперерез трем колоннам бомбардировщиков Ю-87, шедшим навстречу нашим истребителям без прикрытия. Гвардейцы смело обрушились одновременно на все три группы противника. Те шарахнулись в стороны, нарушив боевой порядок. Ю-87 начали беспорядочно с горизонтального полета сбрасывать бомбы. Бой был скоротечным. Атаки производились с коротких дистанций, почти в упор. Пять самолетов, пытавшихся бомбить наши войска, сбили Киянченко, Штоколов и Караев. С двумя вражескими самолетами расправился сам командир полка.

Разумная инициатива как в воздухе, так и на земле в авиадивизии поощрялась. По предложению командира соседнего полка истребителей майора Кузнецова на аэродром базирования в Половинкино привезли трофейный бомбардировщик Ю-88. Проводить с летным составом практические занятия на тему "Эффективность вооружения Як-1, Як-7Б и Ла-5". Техники выкатили со стоянок разнотипные машины, приподняли их хвосты и с помощью козелков установили самолеты в линию горизонтального полета в направлении трофейного бомбардировщика. Используя Ю-88 в качестве мишени под разными ракурсами и дистанциями, сидящие в кабине своих боевых машин летчики поочередно открывали по защитным местам бомбардировщика огонь. Затем производился тщательный

осмотр. Летный состав трех полков на практике убедился в эффективности вооружения наших истребителей. Особенно важно это было для молодых летчиков. Пристрелка показала, с какой дистанции и под каким углом лучше бить наверняка.

По аэродромам врага

К весне вражеская авиация активизировалась. В воздухе над линией фронта все чаще стали появляться вражеские истребители, на бортах их нарисовали различные эмблемы: удавы, драконы, осы, пиковые и червонные тузы. Коки винтов были выкрашены яркой краской.

Ясно, что на наш участок фронта прибыли новые части истребителей.

10 апреля в шесть часов двадцать минут утра аэродром Половинкино подвергся неожиданному штурмовому удару. С юга по долине реки Айдар на бреющем полете подкрались восемь Ме-109 и с ревом обрушились на самолеты, расставленные по краю аэродрома. Наше дежурное звено не успело подняться в воздух. Сбросив осколочные бомбы и обстреляв из пушек рассредоточенные по капонирам самолеты, "мессеры" ушли. Им удалось зажечь стоявший на ремонте рядом с ангаром Пе-2 да на одном Ла-5 перебить трубку гидросистемы.

Гвардейцы настаивали на том, чтобы нанести ответный "визит". Но прежде чем это сделать, командир полка решил узнать, откуда могли прилететь непрошенью гости. Послал на разведку три пары Ла-5. Первую пару возглавил Шардаков. Он должен был осмотреть два аэродрома: один в Яме, другой в Артемовске; Дмитриев и Гринев - аэродром Барвенково, а Лавейкин и Быковский - в Краматорской и южнее ее. Ведущие двух первых пар доложили по радио, что на разведанных ими аэродромах скоплений вражеских самолетов не обнаружено, там лишь одиночные машины. Третья пара подошла к Краматорской с юга. Увеличив скорость, на бреющем полете выскочила на аэродром. Видимо, приняв их за своих, дежуривший на старте поспешил выложить посадочный знак "Т". Разведчики увидели слева вдоль взлетно-посадочной полосы два ряда Ю-88 и Хе-111, а справа - одномоторные самолеты Ю-87, Хе-126 и Ме-109. Всего около восьмидесяти-девяноста машин. На взлетной полосе хорошо просматривались четыре Ме-109 из дежурного звена. Появление нашей пары было настолько внезапным, что немецкие зенитчики не успели сделать ни одного выстрела.

После доклада о результатах разведки командир полка приказал Лавейкину быть готовым в 14.00 нанести штурмовой удар по этому аэродрому.

Налет наших восьми истребителей в обеденное время

ошеломил фашистов. Вражеская зенитная артиллерия открыла огонь лишь тогда, когда летчики под командой Лавейкина успели бомбами и пушечным огнем зажечь четыре самолета.

Не обращая внимания на ураганный огонь зениток, наши истребители попарно устремились к земле, расстреливая пушечными очередями самолеты на стоянках. С десяток запылало.

Один Ме-109 был сбит в воздухе ведомым Лавейкина летчиком Попковым в тот момент, когда гитлеровец, производя четвертый разворот, безмятежно планировал на посадку с выпущенными шасси и щитками.

На следующий день, вынырнув из кучевых облаков, над нашим аэродромом появились четыре Ме-109. Наперехват вражеских истребителей вылетели Лавейкин, а затем и Пчелкин. Но "мессеры" боя не приняли. Спикировав на аэродром, сбросили на маленьком парашютике какой-то предмет и на максимальной скорости и малой высоте быстро удалились. Предмет оказался консервной банкой. В ней обнаружили поверх насыпанных зерен гороха небольшую записку на бланке коменданта Краматорского аэродрома. Фашисты нагло утверждали, что наш налет не имел успеха. Для проверки достоверности сказанного приглашали наших парламентеров, за целостность которых ручались. Далее следовала приписка, что они, немцы, сбросят на наш аэродром столько бомб, сколько находится горошин в этой банке.

Командир смешанного авиакорпуса генерал Аладинский после этого послания решил направить для удара по тому же аэродрому еще две группы штурмовиков и истребителей. Командование сочло нужным в течение дня не тревожить аэродром противника. Удар произвести рано утром большой комбинированной группой из Ил-2, Ла-5 и Як-1.

По классу трудности налет на вражеский аэродром - одно из самых сложных заданий. Помимо большого летного мастерства, от летчика требуется хорошая психическая подготовка и смелость: бой проходит, как правило, далеко за линией фронта, когда мало шансов вернуться невредимым на свой аэродром.

Успех операции всегда зависел от хорошей организации вылета. Не последнюю роль играли фотоснимки разведчиков, по которым определялись расположение самолетов, складов на аэродроме, их прикрытие зенитными средствами и возможная плотность огня.

Накануне вечером Зайцев собрал намеченных к участию в предстоящей операции летчиков-истребителей нашего и соседнего авиаполков и в присутствии ведущих групп Ил-2 поставил перед ними боевую задачу. Начальник штаба товарищ

Калашников довел до всех летчиков организацию боевого вылета, состав групп: ударной и непосредственного прикрытия, а также групп подавления зенитного огня.

Затем наш командир, пользуясь крупномасштабной картой и фотопланшетами, обстоятельно изложил подробный план уничтожения фашистских самолетов на аэродроме Краматорская.

Особое внимание было обращено на взаимодействие истребителей и штурмовиков при встрече над своим аэродромом, при следовании на цель, атаке цели, уходе от нее, сборе и следовании домой, на выполнение противозенитного маневра и взаимную товарищескую выручку. Первую атаку решено было производить со стороны солнца.

Заместитель командира полка по политчасти объяснил, насколько серьезна задача, высказал ряд советов. Уяснив все детали предстоящего полета, летчики разошлись по своим эскадрильям.

...Раннее весеннее утро. Заря только занималась. Горизонт таял в туманной дымке.

В сумерках наступающего утра еще дремлют на своих стоянках истребители. Пришли механики - земные хозяева машин, и прифронтовой аэродром ожил. Постепенно заработали моторы, из выхлопных патрубков вырвались лиловые языки пламени, единственные источники света на летном поле. Через минуту могучий рев потряс полусонную степь. Наконец все моторы прогреты и опробованы.

И опять на аэродроме напряженная тишина. Механики в последний раз осматривают самолеты, вооружение и оборудование, дозаправляют баки бензином, маслом, пополняют бортовые баллоны воздухом. Самолеты к вылету готовы. Объехав все их стоянки, бензозаправщики и маслозаправщики направляются в отведенные укрытия.

Летчики в кабинах ждут сигнала. Техники в любую минуту готовы повернуть вентили аэродромных баллонов сжатого воздуха, чтобы запустить моторы.

В назначенное время на заданной высоте над нашим аэродромом появляются две группы по восемь Ил-2 и встают в большой круг, поджидая истребителей сопровождения.

Теперь аэродром снова наполняется грохотом моторов. Ла-5 и Як-1 выруливают на старт. Самолеты звеньями отрываются от взлетной полосы, убирают шасси и, красиво развернувшись на малой высоте, спешат к штурмовикам. Истребители - верные и надежные друзья штурмовиков, разделившись на пары, занимают свои места в общем боевом порядке.

Быстро меняется ландшафт. Отчетливо видны огненные

вспышки, ползущий по земле сизоватый дым. Линия фронта пройдена. Внизу территория, занятая противником.

Чтобы ввести в заблуждение немецкие посты ВНОС, группа меняет курс своего следования.

Бездонная синь апрельского неба. Прозрачен воздух. Ни облачка. Над горизонтом показался краешек солнца. Его лучи бликами отражаются на плексигласе фонарей кабин и металлических дисках .воздушных винтов. И на этот раз наши самолеты летят над Донбассом, временно захваченным врагом.

Опять бегут навстречу и уходят назад под крыло терриконы, вокруг которых белеют хаты под темными крышами, издали похожие на большие грибы, разрушенные пострр̆йки шахт, железнодорожные станции. Четко различаются ровные, как натянутые струны, железнодорожные пути, поблескивает шоссейная дорога на Артемовск и Дебальцево. Медленно тянется время. В эфире тишина и спокойствие, лишь изредка ведущий штурмовик свяжется с командиром группы истребителей.

Разрезая упругий воздух, со свистом и воем самолеты стремительно приближаются к цели. От горизонта нехотя оторвалось солнце, громадное, чистое и яркое. Кажется, оно необъятных размеров. С земли таким его никогда не увидишь. До цели остается несколько минут полета. Восемь истребителей под командованием гвардии капитана Лавейкина на полных оборотах моторов и большой скорости выскакивают вперед, чтобы блокировать и попутно штурмовать аэродром противника. Вот и аэродром. На нем много вражеских бомбардировщиков Ю-88 и Хе-111. Рядом крестики поменьше - одномоторные бомбардировщики НЭ-87, истребители Ме-109 и корректировщики "хеншели".

Восемь Ла-5 с ходу с малой высоты сбрасывают осколочные бомбы по дежурному звену и стоянкам самолетов, а затем под прикрытием двух Ла-5 пушечным огнем производят штурмовку самолетов. В результате еще до прихода наших штурмовиков летчики зафиксировали два взрыва в юго-восточной части аэродрома, где находились "хеншели", и четыре пожара в юго-западной части аэродрома, в расположении стоянок истребителей.

Вражеские зенитки открыли ураганную стрельбу - старались создать сплошную стену огня. Вертикальные, наклонные, пересекающиеся светящиеся трассы насквозь пронизывали строй истребителей. С ослепительными вспышками один за другим рвались вблизи наших самолетов снаряды, образуя огненную паутину. Буквально полнеба было завешено огнем, густыми бутонами зенитных разрывов.

В состав группы Лавейкина входил Кильдюшев. Не предупредив командование, он еще на земле под диктовку участников этого вылета написал крупными буквами ответ на записку немцев. По своему содержанию она во многом напоминала известный ответ запорожских казаков турецкому султану. Заканчивалась сообщением, что штурмовка нашего аэродрома "мессершмиттами" 10 апреля большого урона нам не нанесла, а вот мы, гвардейцы, в долгу не останемся - зададим врагам перцу. Эту записку Кильдюшев вложил в пустую гильзу ракеты, привязал к ней два длинных лоскута красной материи и спрятал в боковой карман куртки. Во время штурмовки, когда его самолет находился близко к командному пункту аэродрома, Кильдюшев выбросил "вымпел" за борт кабины.

Блокировочная группа Ла-5 Лавейкина встала в круг на высоте 1500-2000 метров, поджидая прихода штурмовиков в огне зенитных разрывов и трасс. Грозные Ил-2 почему-то запаздывали. Наконец подошли, за ними, словно на невидимом буксире, группа сопровождения истребителей Як-1. Невзирая на плотную завесу бешеного зенитного огня, они смело начали штурмовку. В сплошном облаке разрывов штурмовики, словно огромные снаряды, с нарастающим ревом мчались навстречу ощетинившейся земле. Первые атаки произвели по двухмоторным бомбардировщикам. Сброшена часть бомб, вслед за ними, оставляя огненные следы, из-под крыльев штурмовиков устремились вниз реактивные снаряды, заговорили пушки, зачастили, захлебываясь, пулеметы.

Фашистские самолеты на земле, видимо, были с бомбами, потому что подрывалось сразу по нескольку машин. Их обломки высоко взлетали. Всю линейку самолетов охватило огнем. Затем "илы" начали штурмовать на северо-восточной стороне аэродрома одномоторные самолеты и зенитные точки. Вскоре зенитки были подавлены. А "илы" продолжали штурмовку. Некоторые экипажи сделали по восемь атак. Казалось, на аэродроме не осталось живого места. Он весь превратился в сплошную мешанину огня и дыма.

Около двадцати минут находились наши летчики над аэродромом противника. Перестроившись в боевой порядок "клин", штурмовики под охраной Ла-5 и Як-1 целыми и невредимыми возвращались домой. Полет показал, что продуманная предварительная подготовка на земле - залог успеха в бою. Несколькими днями позже аэродром Краматорская дважды подвергался штурмовому удару нашей авиации. Сначала это сделали десять Ла-5 во главе с гвардии капитаном Дмитриевым совместно с восьмью Ил-2. После первого захода над аэродромом

завязался жаркий воздушный бой с двенадцатью истребителями противника.

Лобовой атакой гвардии младший лейтенант Иван Лавренко сбил одного "мессершмитта". Два истребителя противника кинулись было за самолетом Кильдюшева. Но ведомый Глинкин был начеку - выпустил по "мессеру" несколько коротких прицельных очередей. Ме-109 перевернулся на спину и упал. Бой длился около двадцати минут. Ни наши истребители, ни штурмовики потерь не имели, зато фашисты потеряли над аэродромом два Ме-109. А в 18.42 вечером того же дня шесть Ла-5 во главе со старшим лейтенантом Цветковым и восемь Як-1 соседнего полка снова сопровождали группу Ил-2 для нанесения удара по вражескому аэродрому Краматорская. Когда группа уже следовала к цели, наши летчики отчетливо слышали, как неизвестный женский голос несколько раз сообщал по радио:

- Краматорская, приготовьтесь. Приготовьтесь, Краматорская.

Очевидно, фашистский агент предупреждал. Во всяком случае еще до прихода к цели нашу группу встретили Ме-109 и Ме-110. Их было больше тридцати. Завязался тяжелый воздушный бой. "Илы" все же сумели сбросить на аэродром бомбы и эрэсы, хотя и понесли потери. Не вернулись на базу три наших истребителя - два Як-1 и один Ла-5.

Младший лейтенант Николай Анцырев на пикировании сбил одного Ме-109, когда тот пытался атаковать подбитый Ил-2. Но в момент выхода из пикирования сам подвергся атаке двух "мессеров". На нашем самолете вспыхнули бензобаки. Летчик на высоте двести метров перевернул горящий самолет. От машины отделился черный предмет, за ним мелькнула ленточка, затем раскрылся белый купол парашюта. Под прикрытием своего ведомого младшего лейтенанта Кальсина Анцырев приземлился вблизи вражеского аэродрома. Это был храбрый человек. Всего за четыре месяца пребывания на фронте он сбил шесть самолетов противника. Не хотелось верить, что вечером, за ужином, не будет среди нас веселого кудрявого Николая Анцырева.

Когда наши войска освободили Краматорскую, местные жители рассказывали, какие потери несли немцы из-за налетов советской авиации. Целые эшелоны с самолетным металлоломом отправляли в тыл с аэродрома.

Накапливает опыт.

За последние дни характер воздушных боев изменился. Они стали протекать, как правило, в условиях быстрого наращивания сил, становились затяжными и отличались участием большого количества самолетов.

Немцы не рисковали вступать в борьбу с советскими

летчиками при разных силах. Всегда стремились к тому, чтобы иметь численное превосходство. Нашим летчикам приходилось расчленять вражеские группы, бить их по частям,

Накопленный опыт воздушных сражений нашего полка и дивизии показал, что в группе истребителей надо выделять резерв, способный в наиболее напряженный период боя изменить обстановку, внезапным ударом внести панику в стан врага.

Стали придавать группе истребителей, идущих на патрулирование, одну пару мастеров воздушного боя. Она не входила в общий строй патруля, а следовала в стороне, поддерживая связь с главными силами, как по радио, так и зрительно. Занимая выгодные позиции, вступала в бой не сразу, ждала наиболее удобного момента, чтобы своей атакой решить исход схватки.

К тревогам на аэродроме привыкли. Обычно еще не успевала сгореть ракета, как в воздух взлетало дежурное звено. На этот раз по тревоге вылетели прикрывать наземные войска шесть Л-5. Четверка шла развернутым фронтом, а Сытов со своим ведомым находились в стороне с превышением около тысячи метров. Лейтенант летел со стороны солнца и внимательно следил за действиями основной группы. За линией фронта летчики встретили шесть Ме-110 под прикрытием двух Ме-109.

Заметив наших, фашисты продолжали идти прежним курсом. Четверка Ла-5 смело атаковала флагманский самолет.

Надеясь на сильный огонь своих самолетов и численное превосходство, враги все же не выдержали. В последний момент ведущий отвернул и полез вверх, чтобы избежать столкновения. Он был сразу сбит Сытовым.

Строй самолетов противника рассыпался, полетели вниз бомбы. Гвардейцы не замедлили воспользоваться замешательством немцев. Один за другим они сбили три Ме-110.

Сытов после атаки все время старался занимать высоту - он усвоил правило: "Кто хозяин высоты - тот победитель".

Поединок.

Это произошло 27 апреля 1943 года. Полк продолжал базироваться на аэродроме

Половинкино. Солнце уже взошло. Его яркие лучи играли на покрытых лаком плоскостях и остеклении фонарей кабин "лавочкиных". По открытому полю гулял свежий весенний ветерок.

Вдруг тишину аэродрома нарушил отдаленный рокот моторов. Крались Ме-110. На нашем аэродроме тогда в готовности находилось только два дежурных истребителя. Большинство самолетов полка выполняло боевые задания над

линией фронта, а часть машин с пустыми бензобаками и ящиками для снарядов ждала очереди для заправки горючим и боеприпасами.

С командного пункта полка высоко в небо взмыла сигнальная ракета.

- Тревога! - закричал басистым голосом механик дежурного самолета.

Сидевшие наготове в машинах летчики начали запускать моторы. У старшего летчика Евгения Быковского мотор запустился сразу, а у его напарника, как назло, воздушный винт проворачивался вхолостую. Что делать?

Не до раздумий: цель налета фашистов ясна - впереди по курсу аэродром и важный железнодорожный узел города Старобельска.

Быковский взлетел. Убрав сразу после отрыва самолета шасси, он перевел машину в набор высоты. Расстояние между нашим истребителем и самолетами противника сокращалось, а высота росла предательски медленно - времени на разгон скорости не было совсем. Аэродром замер в волнении. Через несколько секунд разыграется поединок.

Один против тридцати четырех. Евгений Быковский направил тупой нос своего Ла-5 на ведущего фашистской группы. Ударил из двух пушек. "Мессер" задымил, со снижением пошел к земле. Ме-110 плотнее сомкнули строй. Некогда было Быковскому выбирать удобную позицию для атаки. Сейчас главное упредить врага, не дать ему возможности сбросить бомбы прицельно. И гвардеец повторяет атаку. Его самолет идет прямо в лоб вражеской группы, Евгений стреляет короткими очередями. Строй распался. Заметались фашисты по небу. Прицельного бомбометания не получилось.

Быковский напористо атаковывал. Момент был упущен, и фашисты спешили поскорее освободиться от бомб. Второй "мессершмитт" зачадил, оставляя за собой дымный след. Враги, видимо, понимали, что каждую минуту могли подойти с соседних аэродромов советские истребители, и на второй заход для бомбежки не решились. Отказались они и от удара по железнодорожному узлу.

Резко задрав свой истребитель, наш летчик продолжал атаковывать вражеские самолеты. Фашисты стали разворачиваться на юго-запад. Уже на отходе, обозленные тем, что им помешал бомбить всего один советский истребитель, набросились на него. Они зажали Быковского со всех сторон: сзади, сверху, сбоку, снизу и били со всей силой бортового оружия.

- Собьют же... - сокрушенно вздохнул командир полка, не отрывавший взгляда от самолета Евгения. - И помочь ему нечем!

На земле не было ни одного готового к полету самолета.

Гвардеец развернулся. Теперь он упрямо шел в лоб одного из "Мессершмиттов-110", беспрерывно ведя по нему огонь. А в это время.под большим углом его атаковал второй Ме-110. Последовала длинная очередь из всех передних огневых точек. "Лавочкин" неестественно перевернулся через крыло, стал падать отвесно с работающим на полных оборотах мотором.

На аэродроме все замерли. Выполнив свой воинский долг, Женя уходил в бессмертие.

Километрах в трех севернее Половинкина раздался взрыв. Внезапно наступила гнетущая тишина.

- Санитарную машину! Врача! - крикнул Зайцев, выйдя из минутного оцепенения. Без команды, не разбирая дороги, прыгая через канавы, приаэродромные окопы и щели, бежали однополчане к месту происшествия. Туда же помчалась санитарная машина.

В тяжелом молчании остановились у края глубокой воронки те, кто попал сюда первым.

Из подъехавшей санитарной машины выскочил полковой врач Овсянкин. Он уже был не нужен.

Обломки Ла-5, врезавшись в заболоченную землю, ушли на несколько метров вглубь, похоронив вместе с собою и Женю. Воронка быстро заполнялась водой. Из нее доносился острый запах бензина и масла.

Весь полк собрался у места падения самолета Быковского. Начался траурный митинг. Трудно было говорить выступавшим, многие плакали.

- За смерть твою, Женя, отомстим! - поклялся гвардии капитан Лавейкин.

От проезжей дороги принесли огромный серый валун. Положили рядом с воронкой, как временный памятник герою.

Родина не забыла сокола. В 1965 году в день двадцатилетия со дня победы над фашистской Германией Евгению Быковскому было посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Грамота Президиума Верховного Совета СССР была вручена его матери, которая живет в Ростове-на-Дону.

Долетался.

Весна на Украине была в полном разгаре. Пахли молодые листья тополей, акации и трав, парила черноземная земля... В середине мая боевая нагрузка резко спала. Полк выполнял разведывательные задания и нес дневное дежурство.

Дни затишья напоминали мирное время, а ночи возвращали к

фронтовой действительности. Стали часто появляться одиночные фашистские бомбардировщики. Ночь для "юнкерсов" - лучшая пора.

То и дело слышался надрывный вой "юнкерса". Походит, походит такой одиночка над притихшим аэродромом, сбросит одну, другую бомбу и опять ходит. Минут через тридцать-сорок его сменяет другой - груженный бомбами и "лягушками". Так до самого рассвета.

Убедившись в том, что пользы от ночных налетов мало, немцы вскоре прекратили свои ночные визиты и переключились на дневные. Они все чаще прилетали днем и с большой высоты бомбили железнодорожный узел города Старобельска. Но тот держался. Этому во многом способствовали слаженная совместная работа наших зенитчиков и летчиков-истребителей.

Тогда фашисты изменили тактику. Они решили вначале провести детальную разведку расположения наших зенитных точек, оборонявших город и узел, попытаться сначала уничтожить их, а затем покончить с железнодорожным узлом. В одну из темных майских ночей немцы послали вперед самолет До-215, который должен был звуками своих моторов вызывать на себя огонь наших зенитных точек, а сзади него пустили для корректировки артиллерийского огня "Хеншель-126", Летчик-наблюдатель должен был в полете засекать и наносить на карту местонахождение стреляющих зенитных батарей.

До Старобельска немцы летели на минимальной скорости по ранее намеченному маршруту. Стоило им только появиться над дальней окраиной города, как наши зенитчики встретили их дружным ураганным огнем. Нервы летчика До-215 не выдержали, он прибавил газ и выскочил из огненного ада.

Тихоходный разведчик-корректировщик был подбит. Осколок зенитного снаряда угодил в приборную доску, разбил компас. От страха пилот перепутал части света и стал метаться в кромешной тьме из стороны в сторону. Через некоторое время он очутился около неизвестного большого селения, но опознать его не смог.

Придя в себя, световой ракетой осветил местность под самолетом. Стал садиться на ровное поле. Закончив пробег, пилот убрал газ и приказал летнабу сходить к крайнему дому селения, узнать название пункта. Тот неохотно вылез из кабины, проклиная своего командира, скрылся в темноте. Ходил он долго. Когда, осмелившись, подошел к крайней хате и заглянул в щель оконных рам, то замер: за столом сидели наши солдаты. Страх погнал его обратно к своему самолету.

Две ракеты осветили и самолет с работающим мотором, и бежавшего к машине летнаба. Как позже выяснилось, не

дождавшись летнаба, пилот пустил их в ночную темноту, затем довел обороты мотора до полных и взлетел, оставив своего напарника на земле.

К только что освещенному месту немедленно отправилось отделение солдат. Они и обнаружили летнаба. Утром его доставили к нам в полк. На допросе рыжий высокий немец в зеленом летном комбинезоне послушно протянул Зайцеву карту, которой пользовался. Она была испещрена кружками, обозначающими маршрут его полета до города Старобельска. Над городом маршрут делал излом и прямой линией уходил на запад. Гитлеровец пытался улыбаться, заискивал. Он продолжал твердить, что всего-навсего летнаб и в бомбежках наших мирных городов никогда не участвовал. Охотно и многословно сообщал сведения о расположении аэродромов и планах своего командования, где базируется его часть, сколько в ней самолетов, назвал фамилии командиров. Пленного отправили в дивизию. Фашисты хотели уточнить расположение наших зенитных батарей. Так вот один из них и "уточнил".

К началу мая на боевом счету Ивана Кильдюшева было около шестидесяти успешных боевых вылетов и восемь сбитых фашистских самолетов. Его наградили двумя боевыми орденами. А 15 мая его не стало... Утро в тот день выдалось солнечное. Очень тепло, полный штиль. Непривычно тихо. Над сочной травой аэродрома поют жаворонки. Будто и войны нет. Но вот после прогрева взревели на высоких нотах моторы четырех Ла-5. Это Шардаков, Мастерков, Кильдюшев и Глинкин вылетали на разведку сосредоточения войск противника в районе Золоторевка, Артемовск.

Задание они выполнили. Но возвращаясь на свой аэродром, обнаружили на одной из проселочных дорог у донецкой деревни Мессерош большую колонну танков и автомашин. Решили ее штурмовать. Четверка сделала один заход, второй. Запылали внизу машины.

Неожиданно открыли огонь зенитки. Прямым попаданием снаряда самолет Кильдюшева был поврежден, а летчик тяжело ранен.

Собрав последние силы, он довернул самолет, направив его на колонну танков и автомашин. Черные клубы дыма и сильный взрыв возвестили, что летчик-истребитель Иван Кильдюшев нанес свой последний сокрушительный удар по врагу. Так у нас в полку появился свой Гастелло.

Наши девушки

И вот летом в конце июля 1942 года на Калининском фронте в полк прибыли девушки, одетые в туго перепоясанные

солдатскими ремнями шинели и перешитые армейскими умельцами кирзовые сапоги. Аня Липунова, Вера Васильева, Шура Короткова, Тоня Губенко, Маша Алексюкова и другие. Они, как и тысячи советских женщин и девушек, не задумываясь, стали в ряды защитников Родины. Жар комсомольских сердец руководил ими. Многие стали оружейницами, а Стеша Безбородова и Лариса Шеберстова - укладчиками парашютов. Таня Юрченко прибористкой.

Умелые девичьи руки готовили оружие и самолеты к бою почти во всех полках нашей авиации. Работали они старательно. До войны кто-то из них учился, некоторые уже имели мирные специальности. Так, Малофеева была учительницей в городе Дмитрове, а Липунова и Обидина - на Алтае. Беляева счетоводом в Ступино. Вместе с другими в полк прибыла и Лиза Спасивых хрупкая девушка с коротко подстриженными светлыми волосами над высоким лбом и живыми голубыми глазами на худощавом лице. Голос у нее был тихий, спокойный.

Ее назначили в экипаж лейтенанта Александра Остапчука. Она отличалась исключительным упорством, настойчивостью и аккуратностью в работе. Как всегда, перед запуском мотора легко вскакивала на центроплан, протирала до блеска чистой ветошью лобовой плексигласовый козырек, фонарь, чтобы в полете летчику ничто не мешало осматривать воздушное пространство.

Экипаж был дружным, комсомольским. Материальная часть машины и вооружения подготавливалась к полетам тщательно, и не было случая, чтобы по вине техника, оружейника или бориста самолет не выполнил боевого задания.

Вот уже около года девушки чистили пушки, ходили в наряд. Мужественно переносили они все невзгоды фронтовой жизни.

Гвардии младшие сержанты Липунова, Коробейникова и Короткова обслужили свыше сотни боевых вылетов. Как только летчики возвращались с боевого задания, оружейницы к ним подбегали и спрашивали:

- Как работало вооружение?

- Безотказно!

Слабые на вид девчата поднимали для маскировки самолетов целые деревья, подвешивали бомбы тяжелее своего веса. Все старались помочь им.

Бывали дни, когда самолеты делали по пять-шесть боевых вылетов ежедневно, и всегда вооружение и приборное оборудование подготавливалось вовремя.

Кроме своей основной специальности, оружейницы Малофеева, Липунова, Коробейникова и Короткова, используя каждую свободную минуту, овладели умением самостоятельно

заправлять самолет бензином, маслом, воздухом. Их примеру последовали другие.

За образцовое выполнение боевых заданий все девушки получили гвардейские знаки, многие были награждены медалями "За боевые заслуги".

Принимая награду, гвардии младший сержант Аня Липунова сказала: "Самый счастливый день в моей жизни - это сегодняшний день. Обязуюсь еще лучше готовить авиационное вооружение наших самолетов. С честью оправдаю высокое доверие партии и народа".

1 июня 1943 года на аэродроме Половинкино фашистская бомба угодила в столовую во время ужина. От осколков погибли четверо. Среди них - гвардии младший сержант Елизавета Спесивых.

Всего восемнадцать лет прожила на свете. До обидного мало! Она была в числе первых, кто принес в военкомат похожие друг на друга короткие заявления - "Прошу отправить меня добровольцем на фронт".

Совсем еще девчонкой ушла она из детдома воевать, чтобы помочь Родине в борьбе с немецкими захватчиками. В полку Лиза настойчиво изучала вооружение истребителя.

С каким восхищением смотрела на ветеранов полка! С каким уважением относилась к летчикам и техникам! И вот теперь ушла от нас. Особенно тяжело воспринял весть о ее гибели командир экипажа Александр Остапчук. Он не находил себе места. На ее могиле поклялся отомстить врагу.

И надо отметить, слово свое сдержал. На следующий же день дерзкими атаками на глазах летчиков своей группы он сбил "Юнкерс-88".

В июне 1943 года в армии и на флоте упразднили должности заместителей командиров эскадрилий по политической части. Тепло проводили однополчане старших политруков Афанасьева Б. Н., Шилкина В. И. и Моисеева М. П. в другие части. В эскадрильях переизбрали парторгов, которые должны были, помимо своей боевой работы, совместно с командирами эскадрилий проводить всю партийно-политическую и воспитательную работу личного состава. Парторгами избрали лучших коммунистов полка: Константина Апанасенко, Николая Кудряшова, Наума Шифмана. На примерах и подвигах ветеранов полка они воспитывали личный состав. При участии парторгов выпускались боевые листки и газеты, где отражалась боевая жизнь эскадрилий, подвиги летчиков-гвардейцев, отмечалась многообразная работа техников. Ежедневно проводились информации о боевых успехах на фронтах, организовывалась политическая учеба. При

неослабном внимании парторгов шло обучение молодого пополнения знания сложной материальной части.

На участке у реки Айдар фронт стабилизировался. Боевые действия стали менее активными. С новой силой они развернулись в районе городов Изюма и Харькова. 2 июня полк перебазировался на аэродром Щенячье, расположенный между Купянском и Харьковом.

V. В степях под Харьковом

Каждый день пары уходят на разведку. Только выглянет из-за горизонта солнце, а самолеты уже в воздухе.

Аэродром в двадцати километрах от фронта, на пути "из варягов в греки", как шутит начальник штаба, то есть на пути маршрута вражеских бомбардировщиков к железнодорожным узлам Купянск, Уразово, Валуйки. Фашисты несколько раз пытались нанести удар по нашему аэродрому, но их вовремя встречали дежурные пары истребителей и плотный огонь зениток.

Командир полка Василий Зайцев готовил летчиков к боям. Каждый день занятия. Недавно, по предложению Бориса Курочкина, техники сделали несколько десятков моделей самолетов. Электрики вставили в фюзеляж лампочку. Стоит летчику "выстрелить" точно, лампочка зажигается. При промахе света нет.

Тренажер системы Курочкина понравился. Около него - постоянно толпятся заслуженные воздушные бойцы и молодые летчики. Тренировка нужна всем без различия.

Полк тогда в основном действовал на Харьковском, Белгородском и Изюмском направлениях. Готовясь к наступлению под Орлом, Курском и Белгородом, противник стянул на фронтовые аэродромы лучшие авиационные эскадры из других воздушных флотов и глубокого тыла. Чтобы ослабить авиационную группировку противника, наше командование решило нанести несколько массированных ударов по десяткам аэродромов врага.

Одиннадцать побед.

Стояли теплые дни. На рассвете 5 июля полк получил боевую задачу: после доразведки нанести штурмовой удар по аэродромам Рогань, Сокольники, Основа и Барвенково. Поручили это эскадрильям офицеров-гвардейцев капитану Дмитриеву, капитану Лавейкину и батальонному комиссару Киянченко.

Около семидесяти раз поднимал свой истребитель Дмитриев, чтобы бомбами, реактивными снарядами, пулеметами и пушечными очередями штурмовать аэродромы, мототехнику и живую силу врага. Он всегда выходил победителем. Каждый его полет, штурмовка отличались инициативой, особой дерзостью,

большим мастерством.

Отобраны люди для предстоящего полета, прочерчен маршрут на аэродром Рогань. Но капитан Дмитриев снова и снова просматривает фотоснимки, знакомит своих летчиков с фашистским аэродромом, прикрытым мощными зенитками.

На пути группы - город с аэродромом истребителей противника - Чугуев. Он охраняется не только истребителями, но и зенитками. Тщательно обдумывается предстоящий полет. Он рассчитан до минут. Отведено время и на воздушный бой над аэродромом. Его все равно не избежать. Драться придется до последнего снаряда, последней капли бензина! И не на своей территории, а в тылу врага.

Начальник штаба Калашников дает указания, которые должны обеспечить внезапность налета: выход на цель, связь с землей и внутри групп, действия против истребителей врага, распределение сил при атаке, отход от цели и сбор группы при возвращении на свой аэродром.

Летчики заняли места в кабинах самолетов, под крылья каждого из них оружейники подвесили две пятидесятикилограммовые бомбы. Проверив работу радиосвязи, гвардейцы ждали сигнала на вылет. Пара истребителей, выходившая ранее на разведку, доложила по радио: "Работа есть! Аэродром забит авиацией, там до сорока бомбардировщиков. Вражеские самолеты садятся группами". Это был сигнал для вылета группы капитана Дмитриева на штурмовку аэродрома Рогань. Над командным пунктом полка, описывая пологую дугу, медленно взмыла вверх сигнальная ракета. И тут же летчики начали запускать моторы.

Восемь зеленоватых крутолобых истребителей "Лавочкин-5" с белыми носами и яркими пятиконечными звездами на фюзеляжах, хвостах и крыльях трогаются со своих стоянок и, покачиваясь на бугорках тяжело нагруженными крыльями, выруливают на старт, парами уходят в небо.

Воздух прозрачен. На небе - ни облачка. Лететь на запад пришлось недолго. Показалась линия фронта. Чтобы ввести в заблуждение посты ВНОС, Дмитриев преднамеренно изменил курс своего следования. Обойдя далеко с юга Рогань, группа снова изменила курс. Теперь она приближалась к аэродрому уже с юго-запада, откуда противник не ожидал атак. Оставались считанные километры. При подходе летчики заметили четыре Ме-109, которые ходили на солнечной стороне вдали от аэродрома. Видимо, наши истребители они приняли за свои или совсем не заметили. Вот и аэродром.

На зеленом поле рельефно выделялись более полусотни

бомбардировщиков "Юнкерс-88", "Хейнкель-111", транспортные Ю-52, был тут и четырехмоторный тяжелый бомбардировщик "Фокке-Вульф Курьер". Словом, объектов для работы предостаточно!

Распределив цели среди летчиков группы, Дмитриев повел в атаку первую четверку. Звено стремительно пикировало с высоты 2000 метров на стоянку самолетов. Земля неслась навстречу летчикам: 400 метров, 300... На вражеский аэродром посыпались первые бомбы. Яркое пламя взметнулось вверх - взлетел в воздух склад боеприпасов. Плотная завеса огня и дыма накрыла аэродром. Вслед за первой четверкой пошла в атаку вторая. Фашисты опомнились - огненные трассы прочертили в небе первые линии - в бой вступила зенитная артиллерия противника. Снова султаны взрывов. Наши истребители, повторяя атаки, снижались почти до самой земли и вихрем проскакивали над вражескими машинами, поливая их свинцом.

Снаряды зенитной артиллерии рвали небо, а нашим летчикам, казалось, все нипочем. На бреющем полете носились они над аэродромом и пушечными очередями расстреливали самолеты врага. Но что это?

Несколько больших неуклюжих Ю-52, пользуясь суматохой, обгоняя друг друга, пробуют взлететь. Пытаются удрать. Ну, нет, не тут-то было!

Вот уже головной трехмоторный самолет в прицеле Дмитриева. Короткая очередь, и вражеская машина взорвалась на взлетной полосе, преградив дорогу другим.

В это время Василий Шумилин в паре с Дмитрием Сударевым расстреляли в упор четырехмоторный "курьер". Полный порядок, теперь можно возвращаться на свой аэродром.

Неожиданно со стороны Харькова появились еще три группы бомбардировщиков: две девятки Ю-88 и шестерка Хе-111 начали заходить на посадку. "Юнкерсы" шли плотным строем, точно на параде, с небольшим интервалом между группами. "Хейнкели" растянулись гуськом по кругу. Капитан Дмитриев подал команду атаковать.

И опять бой! Вот уже три бомбардировщика, оставляя за собой черный шлейф, несутся к земле. От прямого попадания бомбы, сброшенной летчиком Беляковым, в воздухе взорвались еще два "Юнкерса-88". Меткой атакой с дистанции 50 метров Глинкин сбил один Хе-111, а Яременко - Ю-88. "Хейнкель" взорвался в районе Каменная Яруга, "юнкерс" - на краю аэродрома.

Капитан подал команду: "Собраться и следовать домой". Но тут из-за облаков вынырнуло двенадцать истребителей

противника. Завязался яростный бой. Он расчленился сразу же на отдельные очаги. Нашим летчикам пришлось туго - снаряды были на исходе. Кое-кто вынужден был лишь имитировать атаки. Вскоре стало ясно: не только снаряды, но и горючее кончалось. Два наших истребителя, сильно поврежденные зенитной артиллерией, еле держались в воздухе.

Один "мессершмитт", прочертив замысловатые фигуры в воздухе, врезался в землю. Дмитриев огляделся. Пожалуй, рисковать больше нельзя.

Помогая друг другу, летчики вышли из боя. Они заняли свои места в строю. Оторвавшись от противника, вытерли пот со своих лиц, глубоко вздохнули.

Группа уничтожила одиннадцать самолетов противника и вывела из строя хорошо оборудованный роганьский аэродром. Одиннадцать - за один вылет! Как потом рассказывали, ребята не только уничтожили на земле и в воздухе самолеты противника, но и взорвали два склада боеприпасов и авиационного горючего, которые гитлеровцы старательно накапливали, готовясь к наступлению на Белгородском и Изюмском направлениях.

В последние минуты воздушного боя ранило Евгения Яременко и Анатолия Белякова. О случившемся Яременко сообщил по радио на КП полка. Он несколько раз терял контроль над собой. Ручка управления выскальзывала из его рук: машину то мотало из стороны в сторону, то она клевала носом, то, наоборот, задирала нос, а затем медленно свалилась на крыло. Но летчик собирал последние силы и умело переводил ее в горизонтальный полет. Порой охватывало безразличие ко всему происходящему. Однако он машинально продолжал вести ковыляющую машину.

Вот показался родной аэродром. Сажать ли самолет с убранными шасси на фюзеляж? Яременко имел на это полное право. Но не сделал этого: жалко машину. Выпустив шасси и щитки, летчик благополучно посадил изрешеченный осколками самолет. Только в конце его пробега Евгений лишился сознания.

Зенитный снаряд разорвался рядом с самолетом младшего лейтенанта Белякова. Осколками летчика ранило в ногу и повредило ножное управление в машине. Второй снаряд угодил в мотор. Тот стал плохо тянуть, а на вираже чуть было совсем не сдал. Летчик "блинчиком" развернулся, со снижением стал выходить из боя. Пролетев минуты две-три по прямой, оглянулся. Сзади пристраивался какой-то самолет.

Беляков попытался разгадать его, но сделать этого не смог - не работали ножные педали. Самолет Анатолия летел на малой скорости по прямой, теряя высоту. Летчик забеспокоился, стал

усиленно вращать головой. И тут, наконец, разглядел, что это ФВ-190. Немцы любили нападать на подбитые самолеты. Фашист, ни секунды не медля, выпустил по машине Белякова длинную очередь и отвернул. Видимо, решил, что с ним покончено. Послышался треск. В нос ударил резкий запах пороха и металлической пыли.

Перетянув кое-как Северный Донец, наш летчик посадил самолет с убранными шасси. Самого его сразу увезли в госпиталь.

Внизу Изюм.

Незабываемые фронтовые дни, которые запомнились надолго. Напряженные, скрученные пружиной. Но вот короткая передышка...

Пока механики заправляют самолеты бензином, пополняют боеприпасы, ребята собрались у патефона. Звучат знакомые мелодии - поют Шульженко, Утесов. Пластинок до обидного мало. Выручает "второй круг". И снова слушаем "Вечер на рейде", "В землянке", "Огонек". Кто-то дымит ароматным табачком из традиционной трубки с "Мефистофелем". Их мастерски делают Коля Сверлов и Петя Кальскин. С передовой доносятся глухие орудийные раскаты. Но вот команда:

- По самолетам!

Прихватив с собой планшеты и шлемофоны с очками, летчики спешат к своим боевым машинам. А через несколько минут взмывают в синее небо, оставив на взлетной лишь тучу аэродромной пыли. И ничто уже не напоминает о короткой передышке, только патефон сиротливо чернеет с наспех оставленной пластинкой.

Перейдя в наступление в районе Изюма, наши части в первый день форсировали реку Северный Донец и стали расширять плацдарм на правом берегу реки.

Чтобы сдержать дальнейшее продвижение войск, противник стянул сюда крупные силы авиации и массированными налетами воздействовал на боевые порядки наших войск. Полк получил самолеты Ла-5 с более мощными, так называемыми форсированными моторами. Наши летчики организованнее стали проводить групповые воздушные бои, применяя эшелонированные по высоте боевые порядки, маневры в горизонтальной и вертикальной плоскости.

Во время войны боевые донесения отличались своей лаконичностью и строгой документальностью. В истории полка воздушный бой записан так.

"17 июля восемь Ла-5 под командованием гвардии капитана Дмитриева прикрывали наземные войска в районе Изюм - Долгенькая - Червонный Шахтер. Встретили сорок три Ю-87 под

прикрытием шести ФВ-190. В ходе боя особенно отличился гвардии лейтенант Сытов. Он сбил два Ю-87, а летчики Лавренко и Никитин сбили по одному Ю-87".

А как было в жизни? Ранним утром восемь Ла-5 во главе с Дмитриевым прикрывали боевые порядки наземных войск. Внизу хорошо виден вытянувшийся на север характерный изгиб реки Северный Донец, в верхней части которого удобно раскинулся утопающий в зелени небольшой украинский город Изюм. Время прикрытия близилось к концу, а тут к району прикрытия подошло более сорока Ю-87 в сопровождении ФВ-190. Целый рой. Дмитриев смело повел своих ведомых навстречу вражеским бомбардировщикам. Ю-87 был хорошо изучен летчиками, они знали все его уязвимые места.

Одно звено Ла-5 сковало истребителей, а второе во главе с Дмитриевым на большой скорости врезалось в строй "юнкерсов". Он рассыпался. Этим воспользовались наши летчики. Они попеременно атаковали их. Запылал первый Ю-87. Его сбил на выходе из пикирования Сытов. Со вторым почти в упор расправился Лавренко. Он напал на "юнкерса" сверху сзади под ракурсом одна четверть. Третий достался Никитину. Потом Сытов поджег еще одного Ю-87. Остальные "юнкерсы" освободились от бомб и пустились наутек, беспорядочно отстреливаясь.

Время, отведенное для прикрытия, истекло. Пора возвращаться домой.

В воздушном бою гитлеровцы зажгли самолет лейтенанта Дмитрия Сударева. Сам он выпрыгнул с парашютом. Фашисты расстреляли его в воздухе.

Вскоре поучительное сражение выиграли наши летчики, взаимодействуя вместе с летчиками соседнего истребительного полка. Этот бой длился около часа и происходил с постепенным наращиванием сил с обеих сторон.

23 июля. В 8 часов 12 минут утра с командного пункта истребительной дивизии было получено сообщение о приближении к аэродрому на высоте трех тысяч метров вражеских бомбардировщиков под прикрытием истребителей.

Через минуту по тревоге вылетело на отражение налета дежурное звено под командой гвардии младшего лейтенанта Сергея Глинкина. Приказом по радио его направили наперехват противника. С соседнего аэродрома поднялась четверка Як-1, возглавляемая лейтенантом Червоткиным.

Бомбардировщики противника изменили направление полета и теперь шли строго со стороны солнца.

Встреча наших истребителей с девятью немецкими двухмоторными бомбардировщиками, до отказа нагруженными

бомбами, произошла неподалеку от аэродрома. Заметив наших, "юнкерсы" начали сбрасывать бомбы. Последовала одна атака наших истребителей, вторая. При выходе из второй атаки Ла-5 и Як-1 завязали было бой с шестью Ме-109. Но взлетевшая с соседнего аэродрома вторая группа Як-1 старшего лейтенанта Сизцова приняла бой с "мессершмиттами" на себя.

Глинкин и Червоткин со своими летчиками снова могли свободно продолжать бой с "юнкерсами", которые, оторвавшись от своих истребителей и потеряв строй, разрозненно стали уходить на запад.

Преследуя их, наши провели несколько последовательных атак. Глинкин с небольшой дистанции зажег Ю-87.

Короткой была схватка гвардии младшего лейтенанта Мастеркова. Мгновенная атака, и чадящим факелом фашистский бомбардировщик пошел на город Рогань. Одного Ю-87 сбил летчик соседнего полка лейтенант Кучеренко.

Погоня за вражескими бомбардировщиками продолжалась до линии фронта. А в это время часть наших Як-1 изолировала "мессеров", сковывая их до подхода наших свежих сил. В этом бою старший лейтенант Сивцов сбил Ме-109.

На выручку своих самолетов враг посылает подкрепление в составе шестнадцати истребителей, у которых из-под плоскостей выступали стволы и обтекатели пушек. Наши летчики сразу поняли, с кем имеют дело. Это были машины последней модификации истребителя Ме-109Ф, так называемые Ме-109Г-2.

Навстречу им в воздух взлетают новые наши четверки Як-1 и Ла-5 под командой капитана Вертилецкого и гвардии младшего лейтенанта Попкова. Напряженный бой разгорался с новой силой. Он происходил на глазах личного состава в течение восемнадцати минут, в основном на вертикалях. Попков первой же очередью подбил одного Ме-109Г-2.

Окрыленный успехом, передал по радио товарищам:

- За мной, братцы! У "мессера" уже водичка закапала!

И сбил второй Ме-109Г-2.

По одному Ме-109 уничтожили Игнатьев и Долгов, Окутанный белым дымом, снижался "мессер", подбитый гвардии младшим лейтенантом Кальсиным.

- Вражеские группы разбиты. Всем домой! - услышали летчики по радио.

На аэродромах подвели итоги: десять сбитых вражеских самолетов - четыре "юнкерса", шесть истребителей. И три подбито: один "мессершмитт" и два "юнкерса".

Мы потеряли двух товарищей: Василия Гринева и Остапчука. Даже будучи тяжело раненным, на горящем факелом самолете

Гринев сделал отчаянную попытку развернуться на сто восемьдесят градусов и пойти в лобовую атаку, чтобы уничтожить врага.

Победе наших летчиков способствовала правильная организация боя. Хотя наращивание сил шло с обеих сторон, но наше командование добавляло свежие силы понемногу и гораздо чаще, чем противник.

Руководство боем осуществлялось по радио в воздухе и с земли. Радиосвязь работала бесперебойно, четко, донося приказания командира до участков боя, где бы они ни находились в данный момент. Теперь на каждом истребителе были установлены не только радиоприемники, но и передатчики. Полет без радио, как это случалось под Москвой и Ржевом в сорок первом, строго запрещался.

С помощью станции наведения корректировалось поведение в бою летчика и своевременно давались ему соответствующие указания. Так, в одном случае Глинкину было сообщено, что он может смело продолжать атаку бомбардировщика, ибо свободен от преследования вражеским истребителем.

Летчику Яременко дали знать об опасности, когда заметили, что к хвосту его самолета покрадывается "мессер".

Благодаря такой налаженной радиосвязи между самолетами и землей бой принял целеустремленный характер.

Вечером летчики с интересом знакомились на земле с одним из сбитых в бою Ме-109Г-2.

Внимательно присматривались они к его вооружению - пяти огневым точкам: двум синхронным пулеметам, одной моторной и двум подкрыльным пушкам, к уязвимым местам "мессершмитта". А таких мест у него было много: мотор и агрегаты, маслобак и маслорадиатор. Под крыльями, ближе к задней кромке, симметрично располагались два незащищенных водяных радиатора, а сзади, снизу кабины летчика, - мягкий протектированный бензобак, не заполненный инертным газом. Летчик наиболее уязвим с боков, под углом более десяти градусов к линии полета. Именно с такого направления был сбит этот самолет.

...Часто приходилось менять аэродромы, работать с "подскока". Так назывались взлетные площадки, которые находились на некотором удалении от основных аэродромов - ближе к фронту.

С каких только аэродромов не приходилось подниматься во время войны! Часто полку трехэскадрильного состава надо было базироваться и вести интенсивную боевую работу с небольшого клочка земли.

Наш полк перебазировался на аэродром Подвысокое, ближе к району боевых действий, чтобы наземные войска постоянно чувствовали поддержку крылатых соседей.

Войска фронта перешли в наступление. Нужно было видеть, как радовались летчики, перечеркивая на своих картах уже устаревшую ломаную линию разграничения наших войск с противником. Как ликовали они, когда на КП их предупредили: "Эти пункты не штурмовать, здесь уже наши". "Следите внимательно за сигналами с земли: пехота двинулась вперед".

5 августа 1943 года в столице нашей Родины прогремел первый артиллерийский салют в честь воинов, освободивших Белгород и Орел.

В этот же день в полк прилетел командир корпуса генерал Аладинский, чтобы вручить отличившимся воинам полка ордена и медали.

...На правом фланге строя чуть колышется алое полотнище, овеянное славой Гвардейское знамя.

Первым получает орден Отечественной войны I степени заместитель командира полка по политчасти. Летчикам И. Шардакову, А. Мастеркову и В. Попкову вручают по два ордена. Награждаются И. Лавейкин, Н. Дмитриев, А. Беляков, И. Лавренко, Н. Григорьев, П. Горбатов, В. Комаров и другие.

Всего тридцать пять человек получили правительственные награды в этот день. Генерал по-отцовски обнимал награжденных, желал каждому из них новых успехов в боевой работе.

"Служу Советскому Союзу!" - слышалось в ответ.

"Мессершмитт-109".

В один из июльских дней из штаба дивизии пришел приказ доставить в полк из-под Чугуева "Мессершмитт-109". Командир полка поинтересовался:

- Раз есть исправный самолет, может быть, его перегнать лётом?

- Нет. У него бензобаки пусты, - ответили из дивизии.

А оказался этот самолет на нашей территории при следующих обстоятельствах.

Ранним утром с аэродрома Сокольники, что на окраине Харькова, стартовали два "мессершмитта". Вражеские летчики производили полет "на охоту" в районе Купянск - Валуйки. Ведущий - опытный офицер, ведомым молоденький сержант.

Всего четверть часа погонялись они за автомашинами на фронтовых дорогах. Южнее Белого Колодезя их обстреляли наши зенитки. Осколки снаряда пробили у ведущего самолета бензиновый бак и вывели из строя бортовую радиостанцию. Фашист был ранен. Кое-как развернулся и поспешил по

наикратчайшему маршруту к линии фронта. Ведомый неотступно следовал за своим ведущим, не понимая, почему они прекратили задание. Он несколько раз пытался связаться по радио, но безрезультатно. Как ни "тянул" фашистский летчик, перелететь линию фронта ему не удалось.

Недалеко от Чугуева самолет ведущего резко уменьшил скорость и стал планировать на ровную площадку, протянувшуюся вдоль большого оврага. Его ведомый не ожидал такого оборота. Ввел машину в левый вираж.

Дальнейшие события развернулись очень быстро. Ведущий выпустил шасси и щитки. При посадке оторвал здоровенного "козла".

"Мессершмитт" бежал вначале по прямой, потом, вдруг резко изменив направление, помчался прямо в овраг. В следующее мгновение встал на нос и перевернулся на спину.

Немецкий летчик снизился, внимательно рассматривая перевернувшийся самолет, - надеялся увидеть невредимого своего ведущего. Но офицер не показывался. И тут почувствовал, как два раза подряд толчками, будто споткнувшись о невидимую преграду, обрезал мотор его самолета. Похоже было, что не хватило горючего. Сержант попытался дать полный газ, чтобы быстрей отойти от земли, набрать высоту. Мотор несколько раз чихнул, захлебнулся и... остановился. Ничего не оставалось, как посадить машину с выпущенными шасси прямо перед собой. Отстегнув ремни и сбросив парашют, сержант стремглав побежал к оврагу, скрылся в нем.

В это время мимо проезжал на телеге пожилой бригадир с двумя колхозницами, Погоняемая возницей лошадь пылила трусцой. Вдруг они увидели стоящий одиноко в поле одномоторный самолет. Чужой - с крестами на крыльях и фюзеляже и свастикой на хвосте. А летчика нет.

Прошло минут десять-пятнадцать. Колхозники не знали, что предпринять.

- Фашист идет! - закричала одна из колхозниц, показывая рукой в сторону оврага.

Оттуда поднимался человек в комбинезоне мышиного цвета. По его совсем юному лицу градом бежал пот.

Оказывается, придя в себя, ведомый решил выяснить, почему остановился мотор его самолета. Увидев пожилого мужчину с пастушеским кнутом и двух женщин, он растерялся. Бросился к машине.

Немецкий сержант хотел встать на центроплан, чтобы взять что-то из кабины, но хлесткий удар по ногам опрокинул его.

Точно по команде наши налетели на фашиста, отняли у него

пистолет, связали. И доставили в ближайшую воинскую часть. Позже бригадир-колхозник был награжден за это орденом.

На следующий день "мессершмитт" привезли в полк, осмотрели. Выяснилось, что небольшой осколок зенитного снаряда, пробив капот мотора, задел трубку бензопровода. И только.

Трубку заменили, самолет заправили горючим, опробовали на земле. Готовились уже облетать его в воздуха над аэродромом, а затем использовать для разведывательных полетов в тыл противника. Но командование дивизии не разрешило.

Вскоре из НИИ ВВС прибыл летчик-испытатель, который перегнал "Мессершмитт-109" на аэродром, находящийся далеко от линии фронта.

Опять тяжелые бои.

Наступил август 1943 года. Гитлеровцы стали применять большие группы самолетов, общее число которых доходило до двухсот. Бомбардировщики шли, как правило, волнами. За ними следовало сорок-пятьдесят истребителей. Во время боя в небе было очень тесно - множество самолетов, своих и чужих, ходили в несколько ярусов. То там, то тут завязывались ожесточенные бои. Они не прекращались в течение всего дня.

Не смолкали очереди пулеметов, раскаты пушек, рев и завывание авиационных моторов, гул артиллерийской канонады. В воздухе стоял запах пороха. Падали и взрывались сбитые самолеты, спускались на белых и цветных парашютах летчики.

15 августа командир 3-й эскадрильи гвардии капитан Дмитриев вместе с группой истребителей прикрывал наши войска в районе города Изюм. На командном пункте полка в динамике сквозь слабое потрескивание и шум то и дело раздавался его твердый голос. "Атакуем! Подходи ближе, ближе подходи! Смотри слева. Не стреляй с такой дальности. Ну, кто так бьет? Чего патроны зря жжешь?"

Даже по обрывкам команд было ясно, что ребята ведут нелегкий бой. Так продолжалось минут пять, восемь.

- Соколы, выше вас со стороны солнца еще шесть "мессеров", - подсказал офицер станции наведения, расположившейся на переднем крае. Затем связь оборвалась. Голоса ведущего группы больше не было слышно. Он замолк.

Прошли минуты томительного ожидания. Самолеты, участвовавшие в выполнении боевого задания, возвращались на свой аэродром, хоть израненными, но с победой. Дмитриеву не было суждено возвратиться.

Подробности стали известны позже.

Получив предупреждение со станции наведения, Дмитриев

повел свою четверку с набором высоты в сторону солнца. В это время заработали зенитки, но разрывы были далеко в стороне. Затем какой-то немецкий зенитчик взял, видимо, точное упреждение - разрывы снарядов, похожие на хлопья черной ваты, стали появляться рядом с самолетами.

Резким разворотом четверка пыталась выйти из зоны огня. Вдруг машину ведущего группы сильно тряхнуло, словно по ней ударил гигантский молот, и потянуло вниз. Самолет содрогнулся, яркая вспышка ослепила летчика. Всю кабину сразу заволокло дымом. Что-то горячее впилось в грудь, руку, ногу. От резкой боли Дмитриев стиснул зубы. В ушах звенело. Острая, колющая боль отдалась в глазу. Почему-то стало темно. Виски сжало железным обручем. Стряхнув с лица кровь, будто сквозь белесый туман он увидел, что земля под ним ритмично вращается. Летчик инстинктивно дал рули на вывод. Истребитель, не слушаясь, крутым штопором шел вниз, бешено наращивая скорость. Пламя, раздуваемое ветром, лизнуло лицо, руки. Нестерпимо жгло щеки и губы. Черный дым кривой линией тянулся сзади машины.

В какие-то доли секунды огнем охватило весь самолет. Он стал похож на горящий факел. Каждую секунду могли взорваться бензобаки. Изнемогая от нестерпимой жары и боли, Дмитриев открыл фонарь кабины, освободился от привязных ремней и с трудом выпрыгнул из огненного пекла. Сделав затяжку, выдернул вытяжное кольцо. Каких нечеловеческих усилий стоило ему это! Небольшой ветерок нес белый купол парашюта к своим. Пара внезапно появившихся истребителей врага пыталась расстрелять парашютиста в воздухе, но наши самолеты вовремя отогнали их и сопровождали своего командира до самого приземления.

Снижаясь на парашюте, Дмитриев продолжал срывать с себя горящую одежду. Он упал на передовой в расположении своих войск. Передовая обрабатывалась фашистской артиллерией. Наша артиллерия тоже не оставалась в долгу. Шла взаимная перестрелка. Несколько смельчаков-пехотинцев пробралась к месту приземления парашютиста. Советский летчик лежал без сознания около свежей воронки, образовавшейся от взрыва крупнокалиберного артиллерийского снаряда. Лицо, руки, ноги и грудь были обожжены. Вместо левого глаза - кровавая рана. Пехотинцы, уложив Дмитриева на развернутую плащ-палатку, срочно доставили его в ближайший полевой госпиталь, а оттуда он был направлен в Москву...

Жизнь шла своим чередом. Дмитриева заменил старший лейтенант Сытов, принявший командование 3-й эскадрильей. Бои достигли своего апогея 17 августа. Фашисты бросали в бой воздушные армады, В этот день на нашем участке фронта в

воздухе действовало более четырехсот самолетов - наших и немецких. В раскаленном небе стоял непрерывный рев и грохот боя. В воздухе было тесно.

С той и другой стороны непрерывно продолжали подходить подкрепления. Эфир был перегружен различными командами, голосами летчиков и радистов наземных станций наведения на русском и немецком языках. Гитлеровская авиация пыталась любыми средствами помешать наступлению советских войск. Наши не знали ни минуты передышки. По нескольку раз поднимались в воздух, вели тяжелые бои. Они заметно устали, осунулись. Полковой врач капитан медслужбы Лукьяненко следил за состоянием их здоровья, раздавал по утрам небольшие коробочки с шоколадными драже "Кола", предназначенные для снятия утомляемости.

Скупые строки записей в журнале боевых действий, сделанные рукой адъютанта эскадрильи гвардии старшего лейтенанта Бориса Мухи, дают некоторое представление о событиях тех дней.

"17 августа 1943 года. Летчики полка произвели девяносто шесть боевых вылетов на прикрытие наземных войск, провели пять групповых воздушных боев. За день сбили семнадцать фашистских самолетов и пять подбили".

В пять часов утра первую десятку Ла-5 повел гвардии лейтенант Виталий Попков на прикрытие боевых порядков наземных войск в районе Сухая Каменка Долгенькая.

Еще на подходе к району прикрытия наши летчики встретили большие группы бомбардировщиков противника, сопровождаемые "мессершмиттами" и "фокке-сульфами". Гвардейцы с ходу атаковали первую группу Хе-111, а частью сил вступили в схватку с истребителями противника. Разгорелся воздушный бой. Все новые и новые группы самолетов врага подходили в этот район. Здесь сосредоточилось на разных высотах более ста пятидесяти фашистских бомбардировщиков и шестьдесят истребителей.

Попков попросил помощи с аэродрома. Тотчас сюда прибыло восемь Ла-5 во главе с Александром Орловым. Рядом дрались тридцать пять "яков" из соседних полков дивизии. Несмотря на многократное превосходство противника, атаки наших летчиков были исключительно дерзкими и смелыми. Они не позволили значительной части бомбардировщиков прицельно сбрасывать бомбы на наши наземные части.

Под Изюмом, над деревней Долгенькая, гвардии старший лейтенант Орлов к четырнадцати ранее сбитым фашистским самолетам прибавил еще два. Но тут вражескому истребителю удалось зажечь машину командира звена. Острая боль пронзила ногу летчика, загорелся кожаный реглан, обожгло лицо, руки. Маневрируя, задыхаясь в дыму, Орлов ввел машину в скольжение, надеясь сбить огонь. Не помогло. Собрав последние силы, гвардеец покинул горящий самолет, рванул вытяжное кольцо. Над головой всплеснулся белый купол парашюта, который спустил раненого летчика на позиции наших минометчиков.

Утрата каждого человека представляла непоправимое горе: пали в боях Владимир Самойленко, Василий Бороздин, Георгий Ковалев, Виктор Никитин, Василий Думарецкий...

В полк опять прибыло новое пополнение. Молодые летчики, полные сил и энергии. Все закончили летную школу, а некоторые учились в аэроклубах. Фронтовой опыт познавали в запасных авиаполках.

Они требовали:

- Когда полетим в бой?

- Потерпите, придет и ваш черед, - спокойно отвечал им Зайцев.

Летчики с богатым боевым опытом кропотливо учили новичков. На специальных занятиях прорабатывались тактические приемы действия истребительной авиации, рассказывалось, как атаковать вражеские самолеты различных типов.

Особый упор делался на изучение наиболее уязвимых мест немецких машин. Молодежь втягивалась в боевую работу постепенно, получая на первых порах самые что ни на есть простые задания.

В бою Иван Сытов.

Имя этого замечательного летчика-истребителя было широко известно многим. О героических подвигах его не раз с восхищением писали фронтовые газеты.

1942 год. В низовьях Дона Иван Сытов сбил два фашистских самолета лично и столько же в группе. А в следующем году, начиная с февраля, к ним прибавилось еще двадцать три лично уничтоженных.

В некоторых воздушных боях он иногда расправлялся с двумя-тремя самолетами противника. Так, с 3 по 6 апреля 1943 года - с тремя Ме-109 и одним Ме-110.

Он сбил их на машине, построенной на средства горьковских колхозников и врученной ему в феврале. Только за одну неделю Сытов "свалил", как он любил говорить, шесть фашистских самолетов. За короткое время вырос от рядового летчика до командира эскадрильи, стал мастером воздушного боя.

Любимой просьбой гвардейца была: "Разрешите пойти навести порядок в небе". Ему разрешали. Он летел и наводил порядок. Недаром боевые друзья называли его "истребителем истребителей".

...Стояла жаркая августовская пора сорок третьего. Еще не успели стихнуть гигантские танковые бои на южном фасе Курской дуги - Прохоровском плацдарме, как началась новая наступательная операция: Белгородско-Харьковская. Она имела кодовое название "Полководец Румянцев". В ней участвовали войска Воронежского и Степного фронтов при активном содействии соединений Юго-Западного фронта.

И, может быть, пока шли ожесточенные схватки с противником под Тамаровкой и Борисовкой, под Ахтыркой и Казачей Лопанью, одним из первых начал бороться за Харьков летчик-истребитель Иван Сытов.

Ранним солнечным утром Иван Сытов, Николай Ермолаев,

Василий Шумилин и Василий Канус прикрывали два аэродрома дивизии: Щенячье и Буцеваловка. Во время патрулирования встретили два Ме-109, которые пытались подойти к аэродрому Буцеваловка. Не приняв боя, гитлеровцы скрылись в облаках.

Спустя некоторое время Сытов получил от наземной радиостанции полка сообщение о том, что со стороны Змиева приближаются пять "мессершмиттов". Он немедленно повел свою группу навстречу врагу. Увидев наших летчиков, смело идущих в лобовую атаку, фашисты повернули к Чугуеву.

Увеличив скорость, Сытов погнался за "мессерами". Летчики последовали за ним. Неожиданно из облаков вынырнули два Ме-109. Канус, Шумилин и Ермолаев завязали бой. Меткой очередью Канус сбил ведущего пары. "Мессер" врезался в землю в районе Кочеток. Ведомый гитлеровца ушел в облачность и больше не появлялся, вероятно, струсил.

Преследуя противника, Сытов оказался один против четырех вражеских истребителей. Потом к ним присоединились еще пять. Теперь их было девять. Они окружили советский самолет, расчерчивая небо огненными трассами.

Очаг боя постепенно перемещался в сторону Харькова. Выбрав удобный момент, гвардеец атаковал и сбил одного Ме-109. Самолет противника, полыхая голубоватым пламенем, пошел вниз и врезался в землю. Оставшиеся вражеские летчики снова ринулись в атаку на одинокий самолет. Несколько раз им удавалось занять выгодное для атаки положение, но Сытов всегда ускользал из-под огня и тут же сам переходил в атаку.

Он сражался в привычной для него манере: напористо, отважно.

Сейчас темп боя был исключительно высок. Все это происходило уже над самым городом. Внизу толпы советских людей. Они следили за краснозвездным ястребком. Если советский истребитель ведет бой над городом - значит, скоро сюда подойдут полки родных воинов-освободителей.

Под крылом самолета гвардейца показалась обрамленная многоэтажными зданиями площадь Дзержинского - центр города. Поймав в прицел очередную жертву, Сытов тут же всадил во вражеский самолет меткую очередь пушечных снарядов. Резким пикированием перевел истребитель на бреющий полет. Пронесся буквально над головами советских людей, в знак приветствия покачал краснозвездными крыльями и удалился.

Так закончился этот неравный поединок. На борту самолета Сытова появилась очередная, двадцать шестая звездочка победы.

В ночь с 22 на 23 августа 1943 года после упорного штурма город Харьков - крупный экономический, политический и

культурный центр на юге Родины, второй по величине город Украины, был освобожден. 23 августа в 21 час Москва салютовала из двухсот двадцати четырех орудий доблестным войскам, освобождавшим его.

Грандиозное сражение на Курской дуге, как известно, продолжалось до 28 августа. Поражение фашистской армии поставило ее перед катастрофой. Началось мощное летнее наступление советских войск по освобождению Донбасса и Левобережной Украины.

Поездка в город

24 августа партийная организация полка организовала поездку представителей эскадрилий в город Харьков.

Все, кто приезжает в только что освобожденный Харьков, первым долгом спешит посетить чудом уцелевший знаменитый памятник Шевченко. Памятник этот - гордость советской архитектуры. Бронзовый, величественный, он символизирует бессмертие и величие украинского народа, его несгибаемое упорство, его непреклонную волю к победе. Сейчас здесь выросли и новые памятники. Правда, время еще не позволило сделать их такими же монументальными. Но харьковчане положили уже здесь плиты бетона и мрамора. Их взяли из разбитых зданий и любовно украсили цветами. А сверху поставили пятиконечные звезды. Это - памятники героям, погибшим в боях за Харьков, Здесь лежат люди различных национальностей. Но они приняли смерть за Украину, за ее вторую столицу. И они, как и Шевченко, бессмертны.

Побывали мы и на Холодной горе. Отсюда открывается грандиозная панорама города. Он стоит - гигант, озаренный лучами августовского солнца, потонувший в зелени садов и парков. И кажется издали, что война не тронула его.

Высятся громадами бетонные корпуса Дома проектов и Госпрома, Дворца профсоюзов, красные, бледно-желтые, белые каменные здания разной величины и очертаний.

Но это лишь издали...

Когда идешь по улицам, видишь: Харьков постигла судьба всех городов, временно оказавшихся в лапах фашистских оккупантов.

Идешь по улицам, которыми гордились, которые любили харьковчане, и видишь, как гитлеровцы изуродовали, искалечили город. Они разрушали его с каким-то нечеловеческим остервенением. Они взрывали самые лучшие, самые ценные здания с яростью и иступлением дикарей. Старинный университет, одно из первых высших учебных заведений в России, превращен в руины. Медицинский институт, имеющий богее, чем

вековую историю, разграблен, а корпуса его сравнены с землей. Из картинной галереи на Университетской горке украдены ценнейшие полотна, в том числе картины, писанные великим кобзарем, гением украинской поэзии Тарасом Шевченко. Библиотека имени Короленко, хранившая несколько миллионов томов, библиотека, на книгах которой воспитывалось несколько поколений просвещенных людей, сожжена дотла.

Есть ли мера, которой можно было бы измерить всю тяжесть злодеяний, учиненных фашистскими извергами? Нет такой меры!

Жители города рассказывали о черном терроре, который свирепствовал на всем протяжении оккупации города немцами.

Когда в марте 1943 года враг вторично ворвался в город, снова начались повальные массовые расстрелы мирного населения. Началась охота за людьми, облавы по всем кварталам, обыски и грабежи. Массовые казни путем повешения и расстрелов казались для фашистских головорезов слишком хлопотливыми и медленными средствами для достижения поставленных перед карательными органами задач, поэтому они стали с 1942 года применять "душегубки" газовые автомобили. Трупы людей, умерщвленных посредством душегубок, Палачи сжигали затем в бараках Харьковского тракторного завода.

Каждый рассказ харьковчан - это целая летопись зверств и злодеяний фешистов. И в самом деле, каждая улица, каждый переулок, каждый дом имеет свою свежую историю, или вернее, как говорят здесь, свою трагедию...

Вот свежая трагедия - улица Тринклера. Здесь был большой госпиталь для военнопленных. Перед уходом из Харькова враги зажгли его, затем забросали здание госпиталя гранатами, и там погибло не менее восьмисот раненых бойцов и командиров. Херьковчане рассказывали, какие нечеловеческие крики и стоны нес ветер из этого здания, объятого пламенем взрывов... Спасаясь от смерти, раненые советские бойцы и офицеры выбрасывались из окон горящих зданий, но здесь же расстреливались из автоматов фашистами.

Массовые расстрелы советских людей осуществляли фашисты и в лесопарке, расположенном в районе поселка Сокольники, на окраине города Харькова.

Но к печальным, полным ужасов рассказам харьковчан прибавились сейчас и новые восторженные их рассказы о трогательных встречах с родной Красной Армией. Особенно радостны рассказы горожан о советской авиации, первой принесшей Харькову радостную весть освобождения.

Харьков - старинный советский авиационный город. Здесь знают и любят советских летчиков. И в черные дни оккупации

наши летчики, подбитые тут немецкими зенитчиками и истребителями, находили у харьковчан радушный прием и помощь.

Рассказы харьковчан полны восхищения подвигами советских летчиков во время воздушных боев над Харьковом. Все здесь помнят воскресное августовское утро, когда в центре города, над площадью Дзержинского один советский летчик-истребитель вел неравный бой с восемью "мессершмиттами". Он сбил одного из них, сам целым и невредимым улетел домой, пронесясь на бреющем вдоль Сумской, чуть не задев крыши домов крыльями своего истребителя. Мы назвали харьковчанам фамилию этого героя. Это Иван Сытов, ас нашего полка, имевший на своем боевом счету двадцать шесть сбитых фашистских самолетов.

- Советский ас Сытов! - гордо повторяли харьковчане. Они никогда не забудут этого летчика, который в мрачный день оккупации продемонстрировал перед ними силу и мощь советского оружия и вселил в них столько бодрости и солнечной веры в победу...

Они рассказывают о нем своим детям - и вечно из уст в уста будет переходить эта живая легенда о крылатом советском богатыре-гвардейце.

Новые герои.

Однажды в жаркий полдень на полевом аэродроме полка приземлился По-2 с тремя голубыми полосами на киле.

- Начальство прилетело, - доложил дежурный по КП старший лейтенант Николай Григорьев.

По-2 подрулил к командному пункту. Летчик выключил мотор. Из самолета вышел командующий 17-й Воздушной армией генерал-лейтенант авиации В. А. Судец.

Командир и комиссар доложили ему о состоянии полка.

- Постройте полк, - коротко приказал генерал.

- Новое задание, товарищ командующий? - попытался Зайцев определить причину срочного сбора.

- Сейчас узнаете.

Через некоторое время командир полка уже отрапортовал:

- Товарищ генерал, личный состав по вашему приказанию построен.

- Слушай Указ Президиума Верховного Совета СССР, - громко оповестил начальник штаба полка.

- За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, - зазвучал голос генерала, - Указом Президиума Верховного Совета СССР от двадцать четвертого августа тысяча девятьсот сорок третьего года двум вашим летчикам: командирам эскадрильи Лавейкину И. П. и Дмитриеву

Н. П. присвоено звание Героя Советского Союза.

- Служу Советскому Союзу! - четко произнес в ответ Лавейкин.

Мысленно он повторил эти слова и за Дмитриева. Далеко сейчас тот, в Москве, в госпитале.

Дружное гвардейское "ура" прокатилось вдоль строя. Все ликовали.

- Командира полка, Героя Советского Союза гвардии подполковника Зайцева В. А., - продолжал генерал, этим же Указом правительство наградило второй "Золотой Звездой" Героя Советского Союза.

И снова многоголосое "ура".

Тут же состоялся короткий митинг личного состава. Его открыл заместитель командира авиационного полка по политчасти.

- Мы переживаем сегодня, - сказал он, - огромную радость. Наш славный командир Василий Александрович Зайцев награжден второй медалью "Золотая Звезда", а лучшим нашим летчикам - гвардии капитанам Ивану Лавейкину и Николаю Дмитриеву - присвоено звание Героя Советского Союза. Вместе с тем эта награда и для всех нас. Мы обещаем умножать славу гвардии нашей авиации.

Зачитали текст приветственной телеграммы Главнокомандующего ВВС маршала авиации Новикова.

"...Военный совет Военно-Воздушных Сил Красной Армии приветствует и поздравляет вас с высокой правительственной наградой - присвоением вам звания Героя Союза. Замечательная плеяда выдающихся советских асов, лучших мастеров воздушного боя пополнилась новыми славными именами. Ваши героические подвиги, величайшая стойкость и мужество, мастерство и железное упорство в достижении цели воодушевляет крылатых воинов на новые боевые дела. Родина ждет от вас новых подвигов в грядущих решающих битвах за полный и окончательный разгром немецко-фашистских захватчиков.

Да здравствуют советские летчики!

Слава нашим героям!

Командующий ВВС КА маршал авиации Новиков

Член Военного совета ВВС КА генерал-лейтенант авиации Шиманов

Начальник штаба ВВС КА генерал-полковник авиации Худяков

Говорят, в первую мировую войну летчик, сбивший пять самолетов противника, получал право называться асом. Иван Лавейкин, воспитанник Брянского аэроклуба, в четыре раза

перекрыл эту норму. Двадцать! А было ему двадцать два года.

Первый свой орден Красного Зналлени он получил за пять сбитых вражеских самолетов, второй - за двадцать успешных штурмовок, третий - в марте 1942 года - за бой "6 против 30".

Не все бои были удачными, даже при равных силах. Лавейкин вспоминает первые схватки в начале войны. Пожалуй, чаще они кончались безрезультатно. Правда, для молодого летчика в то время бой вничью с опытными немецкими хищниками являлся сам по себе победой. Однако это не удовлетворяло. Не случайно именно Лавейкин первый в эскадрилье открыл счет сбитых самолетов врага.

С тех пор прошло два года. Теперь он - настоящий воздушный боец и командир. На его счету четыреста пятьдесят боевых вылетов, более ста воздушных боев. Ни одна сколько-нибудь значительная операция в полку не прошла без его участия. Как ведущий своей группы, опытный и прозорливый, он десятки раз появлялся над немецкими аэродромами. Мастерски штурмовал их, беспощадно истреблял фашистов в воздухе, надежно сопровождал штурмовиков и бомбардировщиков, успешно прикрывал наземные части. Воспитанные Иваном Лавейкиным летчики-истребители тоже не давали спуску врагу.

Прикрывая переправы на Изюмском направлении, шестерка "лавочкиных", возглавляемая Лавейкиным, встретила восемнадцать Хе-111, шедших под прикрытием двенадцати Ме-109. Гвардии капитан со своим ведомым врезался в строй вражеских бомбардировщиков и с первой же атаки сбил одного из них. Остальные, не дойдя до цели, беспорядочно сбросили бомбы и убрались восвояси.

Завязался жаркий бой с истребителями противника. Несмотря на их трехкратное превосходство, гвардейцы, управляемые своим неустрашимым командиром, дрались уверенно. Но положение еще больше усложнилось, когда к месту боя подошли двадцать бомбардировщиков под прикрытием шестнадцати истребителей.

Заслон двадцати восьми истребителей не остановил гвардейцев. Лазейкин смело пошел в атаку на бомбардировщиков, не допуская их к переправам. Возглавляемая им шестерка сбила семь самолетов противника, не потеряв ни одного своего.

Пройдет немного времени и гвардии майора Лавейкина назначат заместителем командира полка.

Сам командир, дважды Герой Советского Союза Зайцев, свой боевой счет открыл через две недели после начала войны.

Осенью сорок первого года командование наградило Василия

Зайцева первым орденом Красного Знамени. Награждение совпало с моментом, когда летчик записал на свой счет шесть уничтоженных самолетов противника.

Ко времени присвоения звания Героя Советского Союза Зайцев сбил девять самолетов противника, сделал большое количество вылетов на штурмовку техники и живой силы врага.

Выдержка никогда не покидала прославленного мастера воздушного боя. В самые трудные минуты он думал о том, как выгоднее использовать обстановку и самому атаковать противника. Десятки раз оказывался в трудных положениях и, как бы ни были коротки мгновения для размышления, успевал трезво оценить создавшуюся воздушную обстановку и принять правильное решение. С десятками самых разнообразных типов немецких машин вел он воздушный бой.

- У командира легкая рука, - говорили о нем в полку.

Однако, хотя боевые удачи сопутствовали Зайцеву постоянно, давались они нелегко. Он долго и пытливо изучал повадки фашистских летчиков, хорошо знал наиболее уязвимые места машин врага, вел прицельный огонь непременно с малых дистанций.

Наблюдая командира в бою, летчики рассказывали друг другу о быстрых его атаках, разящих ударах и метких очередях.

Василий Зайцев установил своеобразный рекорд: в трех воздушных боях сбил по три вражеских машины. Три боя, девять атак, девять сбитых фашистов.

А каким он был замечательным организатором и воспитателем! Подвижный, энергичный, острый на язык. Прирожденный летчик-истребитель, умевший вести за собой людей на подвиг. За оплошность в бою наказывал, не принимая во внимание никакие прошлые заслуги.

Изучая тактику и технику врага, подытоживая личный боевой опыт и опыт соратников по оружию, Зайцев создал свою методику ведения воздушного боя. В основу ее положены краткие "заповеди", названные однополчанами "заповедями Зайцева".

Первая - неуклонное и точное выполнение приказа. В летном деле, как нигде, нужна крепкая дисциплина. "Храбр тот, кто умеет повиноваться", говорил своим подчиненным командир полка.

Суворовский закон - "воюют не числом, а умением" справедлив и для авиации. "Старайся перехитрить врага", - учил Зайцев. Летчик должен применять военную хитрость. Хитрость, если ею умело пользоваться, тоже оружие. Воздушный бой скоротечен, а фашист хитер.

У него тысячи уловок. Умей распознать их. Он постарается обмануть, ударить из-за угла. В немногие минуты боя в воздухе

проделываются десятки возможных комбинаций, сложных маневров. От них зависит исход схватки. Бывает немало "воздушных ребусов", которые надо быстро и правильно решить: где промах врага, а где намеренно подстроенная ловушка.

Командир иллюстрировал эту "заповедь" примером из боевого опыта:

- Весной сорок третьего года Сытов в одном бою сбил два "мессершмитта". Как это произошло?

Однажды наши летчики завязали бой с группой вражеских истребителей. Сытов и Остапчук по договоренности с ведущим нашей группы отошли в сторону от своей группы и, прикрываясь облачностью, внимательно следили за ходом боя. Противник, увлекшись сражением, забыл об этой паре. Удобный момент настал. Запас высоты и скорости позволил Сытову подловить отделившихся "мессеров". Он сбил их поодиночке с первой атаки.

А Шардаков попал как-то в зону сильного огня зенитной артиллерии противника. Казалось, из огненного ада уже не выбраться. Его выручила хитрость. Делая вид, что машина подбита, он с высоты двух тысяч метров пошел вниз. Вышел из пикирования на высоте ста пятидесяти метров. Вражеские зенитки прекратили огонь, и Шардаков благополучно ушел на бреющем полете.

В воздухе смотри в оба! Всегда замечай противника раньше, чем он тебя заметит. Первый увидел - считай наполовину победил. Прежде чем атаковать, осмотри все, особенно заднюю полусферу, не угрожает ли опасность оттуда. Если не находишь врага, это еще не значит, что его нет. Ищи, он может быть совсем рядом.

У одного опытного летчика на боевом счету было двенадцать сбитых фашистских самолетов. Однажды, возвращаясь на аэродром после выполнения задания, он встретил два Ме-109. Из-за недостатка горючего решил уклониться от боя. Чтобы лишить истребителей противника свободы маневра, снизился и продолжал полет на малой высоте. Фашистам же для атаки нужно было оторвать его от земли. Для этого они пустились на хитрость. Один Ме-109, набрав скорость, сделал горку перед нашим летчиком. Момент для атаки фашиста был как никогда выгодным. Летчик погнался за ним, позабыв о втором "мессершмитте". Тот немедленно воспользовался этой оплошностью и, пикируя с высоты, сбил его.

Атаковать врага надо первым и внезапно. Уметь появляться в воздухе, не обнаруживая себя до времени. Внезапность атаки удваивает ее силу. Чтобы скрыть себя от противника, используется все: солнце, облачность, высота, складки и фом

местности.

- Воюй с горячим сердцем и холодной головой, - любил повторять Василий Зайцев. - Без надобности не спеши. Никогда не нужно торопиться. Перед атакой оцени обстановку и, если нет возможности удобно подойти к врагу, лучше немного выжди. Но когда уже атакуешь, действуй решительно, стреляй с короткой дистанции - веди стрельбу наверняка. Атака с малой дистанции требует от летчика железной выдержки и большого летного мастерства, но она окупается сторицей.

Береги в бою своего товарища. Если ему угрожает опасность, то в первую очередь помоги ему, даже если перед тобой отличная цель и явный, стопроцентный успех. Выручив товарища из беды, вместе с ним атакуй врага.

Знай самолеты врага, их сильные и слабые стороны. Это поможет разобраться, в каком ракурсе выгоднее всего бить. Командир полка часто вспоминал о докладе молодого летчика, который вернулся из полета огорченным: его встреча с немецким бомбардировщиком оказалась безуспешной.

- Изрешетил ему почти все крылья, разворотил снарядами на нем один мотор, а "дорнье" ушел. Ведь это надо же!

Бывалый летчик, стоявший рядом и слышавший этот доклад, спросил:

- А вы знаете, где у "дорнье" бензобаки?

- В крыльях, наверное, - ответил неуверенно молодой летчик.

В том-то и дело, что нет. В фюзеляже.

Василий Зайцев учил:

- Всегда экономь горючее, не расходуй зря боеприпасы. Бывают случаи, когда из-за нехватки горючего в баках, летчик вынужден уклониться от боя или, того хуже, не может уйти от противника и гибнет вместе со своей машиной. То же самое может произойти и из-за преждевременного расхода боеприпасов.

Береги самолет. Боевая машина - огромная ценность. Ви нее вложен труд многих сотен советских патриотов. Ее судьбу Родина доверяет тебе. Оправдай это доверие. Хороший летчик сумеет сберечь самолет.

За примерами ходить далеко не надо было. Все знали, что машина Быковского во время крупных воздушных боев трижды была сильно повреждена, и все три раза летчик сохранял ее для будущих битв, тянул кое-как через линию фронта на свой аэродром. А через некоторое время старательно "подлеченный" техниками самолет вновь поднимался в воздух.

Летчик, любящий свою машину и в совершенстве владеющий ею, обязательно победит.

- Главное - ке трусьте, - предупреждал командир начинающих

летчиков. Струсил - будешь сбит. Идешь в лобовую атаку на врага - иди до конца, пока не струсил противник.

Опыт боевой практики показывал, что в воздушном бою тот выходит победителем, кто умело сочетает огонь с маневром, кто расчетливо и разумно выбирает место для атаки и с короткой дистанции бьет без промаха. Личный боевой опыт командира подтверждал правильность этих положений.

- Важное условие победы - непрерывная учеба, обобщение опыта, а бой это проверка выучки огнем, - внушал Зайцев.

Не случайно в полку непрерывно пересматривались тактические приемы: старое, непригодное отменялось и на вооружение после проверки в бою принималось все новое, более совершенное, передовое.

Еще на Калининском фронте было признано, что прежний трехсемолетный состав звена истребителей устарел. Сомкнутый строй "клин" сильно затруднял маневр и не обеспечивал в воздушном бою надежной взаимной защиты от атак противника. Поэтому, как правило, после первых атак такой "клин" превращался "в пчелиный рой", по выражению летчиков. При полете "клином" ослаблялось наблюдение воздушного пространства, особенно в задней полусфере, так как ведомые, опасаясь столкновения, в это время свое внимание уделяли не осмотрительности, а сохранению своего места в строю. В звене стало не три, а четыре самолета - две пары; появились понятия "ведущий" и "ведомый". В боевых порядках истребителей стали выделять ударную группу и группу прикрытия.

Много вылетов сделал Зайцев со своими питомцами, чтобы в бою проверить новые способы действия пар истребителей, на практике подтвердить предположения и догадки.

Командир полка все время напоминал:

- Тот, кто постоянно учится - победит, а отстанет - будет бит.

"Заповеди Зайцева" стали не только нашим достоянием. Их знали и применяли в боях летчики других полков и соединений.

Весть о ратных подвигах земляка дошла до родной Коломны. И когда Зайцев написал письмо на завод, где работал до военной службы, коломенцы ответили на письмо героя повышением производительности труда. Лучшей бригаде завода было присвоено его имя. Земляки писали своему воспитаннику:

"Слышали мы, Василий, что ты, как и подобает советскому солдату, воюешь геройски. Это правильно! Только не зазнавайся. Помни, что в сражениях ты не себе славу добываешь, а Родине". И Василий Александрович Зайцев, как и другие летчики полка, помнил этот наказ.

Вторую Золотую Звезду Зайцеву, А. Покрышкину, Д. Глинке,

П. Тарану вручил в Кремле М. И. Калинин. Принимая награду, летчики дали слово беспощадно громить фашистских захватчиков.

Снова в эфире зазвучал властный приказ Василия Александровича Зайцева. "В атаку, за мной!"

Беляков в строю...

Полных два месяца пролежал в госпитале после ранения над аэродромом Рогань летчик Беляков. Казалось, уже совсем поправился, а вот левая нога отказалась повиноваться: осколком был поврежден нерв, не сгибалась стопа. Лечащий врач, немолодая женщина с густой сединой в темных волосах, внимательно осмотрела ногу.

- Не обольщайте себя надеждами, молодой человек. Летать на истребителе вы больше не сможете.

- Навсегда?

- Очевидно, навсегда.

- Это как сказать, доктор, - упрямо возразил гвардеец, осторожно переставляя раненую ногу - боль давала о себе знать.

Вот такой приговор. Всю ночь перед выпиской из госпиталя Беляков не спал. Мысли одна тяжелее другой одолевали его. "Неужели отлетался, Анатолий? - горько раздумывал на госпитальной койке. - Недолго пришлось повоевать. Но ведь доктор тоже может ошибаться".

Скорей бы попасть к своим! На фронте, говорят, раны быстрее заживают. Так успокаивал себя летчик. На что-то надеялся...

Из госпиталя вернулся в полк. Доложил о своем прибытии и тотчас же направился к стоянкам самолетов. Идти старался легко, непринужденно. Боевые друзья - знакомые летчики, техники, мотористы и оружейники тепло встретили его.

- Как дела, Толя? - спрашивали с едва уловимой ноткой жалости, той жалости, которую испытывают здоровые, жизнерадостные люди к больным.

- Хорошо! - отвечал он, словно не чувствуя этого и только после паузы спокойным тоном добавлял:

- А нога... пустяки. Как новая стала.

Увидев боевые машины, услышав шум моторов, жадно вдохнув специфические запахи бензина, масла, лака и клея, перемешанные с свежим травяным настоем, возбужденный Беляков почувствовал, что снова попал в свою стихию. Начал ежедневно заниматься физкультурой, тренироваться по специально составленной программе, превозмогая острую боль. А когда нога стала более послушной, решил добиваться разрешения летать на истребителе. Он рвался в бой. Сапожник из батальона аэродромного обслуживания сшил ему специальный сапог на

левую ногу. С костылем удалось распрощаться, но хромота осталась. Наступил долгожданный день. Командование, по согласованию с врачами, разрешило Белякову снова сесть за штурвал боевой машины.

В полевых ремонтных мастерских для Белякова специально переделали ножное управление. Начались тренировочные полеты над аэродромом. Сколько души вкладывал летчик в каждый полет! Какое самообладание понадобилось ему, чтобы снова быть в строю! И вот первый боевой вылет. Успешный.

Прошло немало времени. Однажды пара Л-5, в которой Алексей Артемьев был ведущим, а Анатолий Беляков - ведомым, возвращалась на аэродром. Неожиданно появилась шестерка "мессеров". Будто специально ждали. Что делать? Ввязываться в бой не имело смысла: и горючее, и боекомплект на исходе.

Однако гитлеровцы упорно наседали и сумели незаметно втянуть гвардейцев в неравный воздушный бой. Экономя снаряды, совместными атаками наши летчики сбили одного Ме-109. Фашисты рассвирепели.

Из-за недостатка горючего Артемьев и Беляков все оттягивали бой к своему аэродрому. Удавалось им это не всегда.

Вдруг Беляков обнаружил, что в хвост самолета ведущего зашел тонкий, словно селедка, "мессершмитт". Вот-вот откроет по нему огонь. Беляков тут же ринулся на помощь. Товарища из беды выручил, но сам был атакован сразу двумя "мессерами". Огненные шнуры, выпущенные с разных сторон, соединились в одном месте - на крыльях его самолета. Машина тут же загорелась, видимо, снаряды попали в бензобак.

Пришлось Белякову покинуть самолет. После затяжки, он открыл парашют. Опускаясь, успел заметить, что порывами ветра его относит на строения колхозного тока. Пытался "подскользить", но тут подошла земля. Приземлился неудачно - на больную ногу - и потерял сознание.

Подбежали работавшие на току женщины. Тут же запрягли единственную тощую лошаденку в подводу, погрузили в нее нашего летчика вместе с парашютом и повезли в ближайшую деревню.

На аэродроме Артемьев доложил результаты боя и указал место, куда спустился на парашюте Беляков. Командир полка немедленно послал за ним автомашину с полковым врачом Иваном Овсянкиным и техником Григорием Борщенко.

Посланцы прибыли на ток. Спросили у женщин о летчике. Одна из женщин, видимо, старшая на току, мешая украинскую и русскую речь, бойко ответила:

- Як же, слышали в нэбе и завывание моторов и стрекотание

пулеметов. Потом один самолет упал в той стороне, а другой, - вот в той. Из второго самолета выпрыгнул парашютист в комбинезоне, с пистолетом и кирзовых сапогах.

- Где же он приземлился? - спросил врач, сообразив, что раз летчик в кирзовых сапогах, значит наш. - Покажите место! Старшая показала, продолжая говорить:

- Дул сильный ветер, поэтому летчик уж так быстро снижался и сильно ударился о землю, что аж сапог один лопнул от верха до самой пятки!

И остальные женщины сокрушенно повторили:

- Ведь надо же так удариться!

Не знали они, что накануне вылета Беляков сдал свои, как он говорил, "модельные сапоги" с металлической молнией на голенище в ремонт. И надел старые, предварительно разрезав левое голенище и стянув обе половины тонким резиновым амортизатором от парашюта.

Юбилейный 500-й.

26 августа наши войска перешли в наступление на Змиевском направлении. Полк вновь перебазировался ближе к фронту, на этот раз на аэродром Николаевка.

К концу душного летнего дня 27 августа 1943 года на боевом счету полка значилось четыреста девяносто пять сбитых вражеских самолетов. До круглой цифры пятьсот не хватало каких-нибудь пяти. Кто первый закончит юбилейный счет - собьет пятисотый? Покажет следующий день.

И вот он наступил этот день.

Оперативный дежурный гвардии старший лейтенант Николай Григорьев, следивший по радио за ходом воздушного боя, происходившего всего в пятидесяти километрах от аэродрома, доложил:

- Сытов ведет бой.

Все присутствующие на командном пункте прильнули к динамику. Были слышны команды ведущего группы Ивана Сытова.

Сбил одного, он падает, пошел за другим.

И через несколько минут опять:

- Зажег второго "хейнкеля".

Группа возвращалась с задания. Все с нетерпением ждали доклада ведущего. Как всегда спокойный, он подошел к командиру полка.

- Задание выполнено. Вели бой с пятьюдесятью бомбардировщиками. Цымбал сбил одного Ю-восемьдесят восемь, мною сбито два "хейнкеля".

Боевой счет лейтенанта Сытова вырос до двадцати девяти.

Счет полка составил четыреста девяносто восемь. Наступил новый день. Рано утром в районе прикрытия прибыла семерка Ла-5 под командой Виталия Попкова. Проводив в воздух самолеты, Василий Зайцев сказал:

- Мои орлята в юбилейном полете.

Вскоре в район прикрытия прибыло около семидесяти самолетов противника. Первым сбил вражеский самолет гвардии лейтенант Виталий Попков. Четыреста девяносто девятый!

Не успел еще тот коснуться земли, как вслед за ним объятый пламенем пошел Ю-88, сбитый молодым летчиком-истребителем гвардии младшим лейтенантом Николаем Марисаевым.

Это и был пятисотый фашистский самолет.

По всему аэродрому с быстротой молнии разнеслась радостная весть. На земле юбиляра ждали с нетерпением. Все жали ему руки, поздравляли. Вторая эскадрилья торжествовала - "пятисотый" был за ней.

В этот день летчики Ворончук, Баевский, Романов, Попков и Пузь сбили еще шесть самолетов противника, которые вошли в счет шестой сотни.

"Первый" и "пятисотый" - так называлась передовая экстренно выпущенного в полку боевого листка. В ней говорилось о первом вражеском самолете Ме-109, сбитом в первый день войны Соколовым, и о пятисотом - Ю-88, уничтоженном в августе 1943 года Марисаевым.

"...И вот сегодня подведен итог - сбита первая полутысяча самолетов, помеченных крестами и фашистской свастикой. Двенадцать самых различных марок самолетов врага входят в число сбитых летчиками 5-го гвардейского авиаполка", - говорилось в боевом листке.

Комсомолец Коля Марисаев находился на фронте всего-то около двух месяцев. Срок для летчика-истребителя невелик. Между тем, за его плечами было более полусотни боевых вылетов, около тридцати проведенных воздушных боев. За это время он лично сбил шесть фашистских самолетов. Именно шестой оказался пятисотым для полка.

Однажды после выполнения задания по разведке войск противника Марисаеву встретился немецкий самолет - корректировщик с замысловатым названием "физелер шторх". Наш летчик атаковал его. Фашист ушел на свою территорию и, не дотянув до аэродрома, вынужден был приземлиться. Марисаев повторял атаки до тех пор, пока не сжег его. Это была первая победа.

В другом воздушном бою Марисаев увидел, как подбитый товарищами "юнкерс", оставляя позади себя черный дым, спешил

удрать с поля боя. Он бросился за ним. Последовало несколько атак, и беглец горящим вошел в свое последнее пикирование.

* * *

Жарко было в сентябрьские дни в степях под Харьковом. Шли жестокие бои на дорогах Донбасса. Южному и Юго-Западному фронтам Ставка поставила задачу: скорее завершить освобождение Донецкого угольного бассейна, развивать наступление на Запорожском и Мелитопольском направлениях, овладеть городами Сталино, Макеевка, Горловка, где на сравнительно небольшой площади сосредоточены крупнейшие шахты и металлургические заводы. Не выпустить отсюда фашистские войска и не дать им возможности привести в исполнение свои намерения по взрыву доменных и мартеновских печей, по затоплению шахт, не позволить вывезти награбленное добро и угнать в рабство местное население.

На наш участок фронта прибыли новые эскадры врага. Немецкая авиация заметно активизировалась.

Как-то полк получил особое задание. Истребители должны были разыскать и нанести удар по железнодорожному составу, но не по обычному, а состоящему всего из паровоза, крытого вагона и двух-трех платформ.

Дело в том, что удирая из Донбасса и не надеясь более вернуться туда, фашисты, чтобы замедлить продвижение наших войск, вслед за собой начали разрушать железнодорожные пути специальными путеразрушителями. Тащит паровоз крытый вагон для обслуживающего состава, одну-две платформы с взрывчаткой и приспособлениями для разрушения деревянных шпал. Через определенное расстояние фашистские солдаты подрывали как раз посередине один за другим рельсы, а приспособлением ломали толстые деревянные шпалы. Пройдет такой путеразрушитель, а за ним - лишь остатки взорванных надвое рельс да вздыбленные изломами кверху шпалы. Тут уж ничего из остатков не соберешь. Нужно сначала очистить насыпь от обломков рельс и шпал, а затем заново настилать железнодорожное полотно.

Днем фашисты обычно старались замаскировать путеразрушители на станциях среди других составов. А под вечер, в плохую погоду и днем, появлялись.

Уничтожение путеразрушителей было поручено нашим истребителям. Первую шестерку возглавил Владимир Ивашкевич, вторую - Сытов. Из воздушной армии в полк доставили фотоснимки с изображением самих путеразрушителей и результатов их "работы". Летчики внимательно всматривались в изобретение фашистов, прикидывали как его обезвредить.

Зайцев предупредил, что задача ответственная, командование

фронта особо заинтересовано в ее выполнении. Нужно спасти наши основные железнодорожные магистрали юга от разрушений.

Шестерка за шестеркой Ла-5, каждый из которых был нагружен двумя "полусотками", отправились на охоту.

Летчики осмотрели с высоты одну за другой все указанные в задании железнодорожные станции, их основные стальные пути и, особенно, ответвления и тупики. Первым цель обнаружил Сытов со своей группой. Они настигли ее на небольшой станции, сброшенными бомбами разрушили входные стрелки.

В это время вторая пара группы Макаренко и Потехин, уложили свои "полусотки" метрах в восьмидесяти за составом. Теперь фашистам ни вперед, ни назад не продвинуться, пути разрушены и тут и там. Цель стала неподвижной, что намного облегчило ее атаку. Тут же пара спикировала на состав и удачно сбросила свои бомбы рядом с платформами. Взрывом их снесло с колес, перевернуло и отбросило в сторону. Паровоз накренился, уткнувшись в насыпь. Наша шестерка почти в упор стала расстреливать его, изрешетила пушечными снарядами водоналивной бак и паровозную топку, а затем для достоверности сфотографировала.

Вылетела группа Виталия Попкова. Задание - прикрывать наземные войска. Истребители барражировали над передовой. Прошло десять минут, двадцать. Вражеских самолетов не было видно, и гвардейцы решили, что вылет их обойдется без воздушного боя.

Тут внимание ведущего привлекли облака пыли.

Истребители углубились на территорию противника. Попков заметил, как из лесу на дорогу выходила танковая колонна.

- Танки, танки противника идут к линии фронта, - передал ведущий по радио. Наземная станция наведения попросила передать точное направление. Оставив всю группу истребителей на высоте, Попков своим пикированием в сторону колонны танков показал ее направление. Обстрелял из пушек.

Наши артиллеристы открыли огонь. Первый залп лег правее на сто пятьдесят метров. Летчики с воздуха немедленно сообщили об этом артиллеристам. Следующий залп зажег фашистский танк. Огонь открыли другие батареи. Загорелось четыре танка, потом еще три. Позже подоспели грозные штурмовики. Потеряв много машин, немцы отошли назад. Танковая атака врага сорвалась.

8 сентября, в день освобождения Донецкого бассейна от немецко-фашистских захватчиков, голос диктора принес по радио радостную весть:

"...За образцовое выполнение заданий командования на

фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда гвардии лейтенантам Попкову В. И., Сытову И. Н., гвардии старшему лейтенанту Шардакову И. А.".

Командир смешанного авиационного корпуса по этому случаю прислал в полк телефонограмму:

"Поздравляю вас с увеличением семьи Героев и желаю дальнейших успехов в боевой работе до полного разгрома фашистских варваров.

Смерть немецким оккупантам!

Командир 1-го гвардейского САК генерал-майор авиации Аладинский"

Число Героев Советского Союза, воспитанных в полку, росло. Теперь их стало четырнадцать.

Помнится, как в мае 1942 года авиаполк после продолжительных жестоких боев доукомплектовывался летчиками и материальной частью.

На затерянный среди густых Калининских лесов аэродром прибыли молодые пилоты, только что окончившие летные школы. Десять человек. Сержанты остались довольны своим назначением. Их разделили по эскадрильям.

Ненастный, дождливый день. Летчики в тесном наспех сколоченном досчатом командном пункте эскадрильи. Теплилась "буржуйка", пахло свежей сосновой смолой.

Выразительно жестикулируя, командир эскадрильи Василий Ефремов рассказывал об одном из труднейших проведенных им воздушных боев. Внезапно отворилась дверь.

Порог перешагнули трое. Двое в промокших и промасленных куртках, третий в поношенной шинели. Перебивая друг друга, механики доложили, что задержали неизвестного сержанта, назвавшегося пилотом. Причем ни где-нибудь, а в кабине самолета комэска. Сидит. Шурует...

Первым поднялся Василий Ефремов.

- В моем самолете, говорите? - удивился он. - Что он там делал?

Перед ним стоял задержанный - худощавый черноволосый паренек, изношенная, видавшая виды шинель, большие, явно не по размеру, кирзовые сапоги. Украдкой, едва заметно улыбаясь, посматривал по сторонам черноватыми, как маслины, глазами.

Выяснилось, что это новый летчик эскадрильи. Прибыл из Баку. По дороге ему пришлось добираться на цистернах, в товарных вагонах. Там кто-то и подменил обмундирование.

После представления командиру полка он отправился в

эскадрилью. На аэродроме его застал сильный дождь. Он забрался в ЛаГГ-3, закрылся фонарем и мысленно унесся во фронтовое небо. Каково же было изумление выглянувшего из землянки "земного хозяина" машины механика Дмитрия Скородкина, когда увидел в кабине своей машины неизвестного человека!

Командир эскадрильи терпеливо выслушал нового летчика, широко улыбнулся и тут же разрешил "местный инциндент" в пользу сержанта.

- Хочешь летать на новом ЛаГГе? - спросил он. - Тогда будешь моим сменщиком.

- А вы много летаете? - спросил Виталий Попков, так как это был именно он,

- Порядочно.

- Что же останется на мою долю?

- Поладим. - Командир эскадрильи похлопал его по плечу.

Они не только поладили, но и стали в эскадрилье, по выражению летчиков, "спаренной единицей". Самолет редко стоял на аэродроме - то летал на нем командир эскадрильи, то его сменщик Попков. Доставалось механику Скородкину. Не знал покоя ни днем, ни ночью - готовил машину к бою.

Потом Ефремов и Попков стали летать каждый на своей машине - ведущим и ведомым.

В июне 1942 года молодой летчик над городом Холм сбил бомбардировщик Ю-88, открыв тем самым свой боевой счет. В августе над Ржевом расправился с третьим самолетом противника. Тогда воздушный бой вели с летчиками известной фашистской эскадры. Те нахально шли прямо в лоб, били с малой дистанции. Хотя силы были и неравные - наших почти вдвое меньше, они не только не отступили перед фашистскими асами, но и двух из них сбили. Ефремов не заметил, как сзади к нему подкрался фашистский истребитель. Быть бы беде, да выручил Попков. Он принял на себя вражеский огонь, как щитом заслонив командира.

Жизнь гвардии майора Ефремова была спасена, а объятый пламенем самолет Попкова, не слушаясь рулей, стремительно понесся вниз. Загорелся комбинезон, пламя жгло руки и лицо. Летчик стремился спасти машину, не безрезультатно. Напрягая последние силы, почти без сознания от страшной боли, перевалился через борт кабины и, не раскрывая парашюта, стал падать с трех тысяч метров. Открыл он прогоревший парашют почти у самой земли.

Приземлился, к счастью, на топком болоте. Это и спасло. Обгоревший Попков весь день брел по лесам. Его подобрали наши

солдаты. Когда он пришел в себя на госпитальной койке, первое, что сделал, это знаками попросил карандаш, бумагу и написал: "Сообщите в полк, что я живой".

Вскоре над госпиталем закружился По-2. Потом в палатке появились Игорь Шардаков и Коля Макренко. Они привезли радостную весть Виталию Попкову: он награжден орденом Ленина. И тут у него сквозь потрескавшиеся губы прорвались первые слова: "Спасибо, друзья!"

Прошло много времени, прежде чем Попков вернулся в полк. На аэродроме Ефремов обнял его, поцеловал.

- Век буду помнить за спасенье.

В излучине Дона Попков уничтожил пять фашистских самолетов. В боях за Донбасс счет их увеличился до шестнадцати. Гвардии младшему лейтенанту Попкову вручили орден Отечественной войны I степени.

Середина лета. Разгар Курской битвы. На левом фланге, на Белгородско-Харьковском участке действовал наш авиаполк, оснащенный истребителями "Лавочкин-5".

Курская битва вошла в историю как несравненное по размаху и напряжению танковое сражение. Но если кто полагает, что сражение в небе тогда было менее напряженным, тот ошибается. Приходилось выполнять до шести вылетов в день. И почти каждый из них не обходился без боя.

В тот день для Попкова был третий вылет. Ставший к тому времени командиром звена, он вел восьмерку "лавочкиных". Задача - прикрыть дальние подступы к аэродромам базирования нашей штурмовой авиации. Командование приблизило их на минимальную дистанцию к полю боя, на котором "илам" надо было взаимодействовать с наземными войсками. Прикрыть дальние подступы значило действовать за фронтовой чертой, над вражескими боевыми порядками. Контратаковать и рассеивать любую группировку вражеских истребителей или бомбардировщиков. Атаковать любую разведывательную машину врага...

А вот и они. Восемнадцать пикирующих бомбардировщиков "Юнкерс-87" под прикрытием шести истребителей "Мессершмитт-109". Искусно прикрывшись ослепительным солнцем, они тем не менее не смогли спрятаться от зорких глаз летчика Попкова.

- Пчелкин с ведомым, остаетесь на высоте - связать "мессеров". Остальные за мной - атаковать "лаптежников"! - последовал по радио приказ.

И "лавочкины", оставляя за собой черные дымки выхлопа, ринулись, на врага.

Стремительное сближение с "юнкерсами". Те ощетинились, стали отбиваться. Короткий залп из всех стволов бортового оружия истребителей. С первого же захода пара вражеских пикировщиков с черными шлейфами пошла на последнюю "посадку". Строй остальных рассеян. Дымя длоторами, бомбардировщики спешно удалялись на запад.

- Ага, побежали! - раздался в наушниках торжествующий голос одного из подчиненных Виталия.

- Рано праздновать победу! - оборвал его командир. - Смотрите внимательней - ниже новая группа,

Прибавили обороты. Сомкнулись плотней. Атаковали. Сбили еще одного. Рассеяли еще один строй вражеских машин. Да так, что их истребители вмешаться не успели. И... попали в зону вражеского артиллерийского огня. Черные бутоны разрывов усеяли небо. Вмешались гитлеровские зенитчики.

Вспыхнув, вражеский зенитный огонь столь же внезапно погас. Но и тут наши летчики не услышали в шлемофонах командирского "вздоха облегчения". Раздалось предостережение:

- Не прозевать новые атаки! Реплика оказалась кстати.

- Вижу пятерку "мессеров" слева внизу, - это голос Александра Пчелкина, оставшегося на высоте. - Э-э-э! Да тут старый знакомый...

Лидером пятерки шел "мессер" с оранжевыми окантовками крыльев, с носом той же раскраски. Белая спираль, нанесенная на оранжевом коке винта, медленно ввинчивалась в воздушное пространство. С мстительной жадностью хищник принюхивался к воздуху. Раскрашенную машину знали на фронте. Ею управлял опытный гитлеровский ас. Фашисты гордились им и оберегали его.

Попков разглядывал его. Давненько не виделись. Это тот самый, что бесчинствовал в небе над излучиной Дона, возле Богучара. До самого января 1942. Опаснейший враг. Всегда надежно прикрытый. Сваливается на жертву внезапно. Исчезает столь же стремительно. Загубил двоих однополчан. Были периоды, когда он исчезал на определенное время, а затем снова появлялся.

Давно ждали встречи с ним наши летчики. И вот случай подвернулся. "Что ж, можно и потягаться. Мне б его достать! Пчелкину, однако ж, сподручней".

- Атакуй, Саша!

- Есть, командир!

И пошел Пчелкин с ведомым. Только с кончиков крыльев сорвались молочные струи закрученного бешеным уплотнением воздуха. Всего-то мгновение продолжалось это сближение.

Командир с напарником уже занял необходимую высоту. Остальной четверкой "лавочкиных" заблокировал четверку "мессеров", прикрывавших "оранжевого".

А тот уже сошелся с Пчелкиным. Оба полоснули огнем. Оба промазали. И закрутилась карусель.

Раз за разом самолеты атакуют. В какое-то мгновенье наш товарищ слишком увлекся. И фашист задел-таки его огненной трассой. Но подраненный Пчелкин на подбитой машине удержался в строю до конца того памятного полета. Школа 5-го гвардейского полка!

В самый острый момент схватки пошел на "оранжевого" сам Попков. Немец принял бой.

В какие-то считанные секунды, идя навстречу друг другу, они обменялись несколькими короткими очередями бортового оружия и тут же разошлись в разные стороны. "Мессер" отвернул вправо и пошел с набором высоты, а Попков влево. Снова сошлись.

Попков попытался атаковать Ме-109 в лоб. Неудачно. Снова развернулись и снова в атаку. Немецкий летчик применил замысловатые виражи и боевые развороты, пробовал атаковать из разных положений. После серии стремительных атак, которые умело отразил Попков, фашист пришел в ярость, усилил натиск. Порой сходились так плотно, что ясно видели лица друг друга. Гитлеровец нажимал на все более головокружительный пилотаж.

Попков все время наступал ему, как говорится, на хвост. Однако не стремился к преимуществу в темпе. Приберегал силы. Присматривался к рисунку, к очередности вензелей. И. наконец стал верно угадывать следующий ход противника. Даже те эвалюции "мессера", которые давали возможность использовать и субъективные свойства фашистского аса, и объективные технические преимущества конструкции самолета Семена Лавочкина над конструкцией Вилли Мессершмитта.

Введенный в исследовательскую стадию, стремительный бой стал приближаться к кульминации. На неистовый огонь "оранжевого" "лавочкин" отвечал расчетливо, короткими очередями, которые ограничивали маневр противника все жестче и жестче.

Наконец, краснозвездный стал заходить в хвост "оранжевому". Вот уже затейливо раскрашенные концы крыльев начали выползать из-за подсвеченной сетки отражателя прицела. "Оранжевый" стремится, ой, как стремится к отрыву! Но Попков уже с достаточной отчетливостью нащупал предел, за который вот эта машина и этот пилот никак не смогут зайти. Хвост "оранжевого" приближается. "Мессер" заполняет кольцо прицельного устройства. Отчетливо просматриваются детали

самолета, различимы даже швы и заклепки на его фюзеляже, отделанные с немецкой тщательностью. Уже виден на боку кичливого аса бегущий по волнам кораблик, рядом с которым пиковый туз. "Что за чертовщина"?... На земле, однако, разглядим..."

А сейчас - небольшое усилие на ручку. Вот так. Упреждение взято. Вот оно самое, что называется, прицельное положение. Короткий залп! Ручку на себя, И свечой вверх. Успел разглядеть вспыхнувший хвост "оранжевого". Попал!

- Спасибо, командир! - это Пчелкин.

- Рановато, Сашок!

И впрямь: "мессеры" прикрытия ринулись наперерез Попковской машине. Но пара Пчелкина и Яременко перехватили вражескую четверку.

А Попков, закончив свечу боевым разворотом, с короткой дистанции из двух пушек дал очередь по "оранжевому". Удар был точен. Огненная струя хлестанула по мотору и кабине вражеской машины, искромсав металл в клочья. На мгновенье "месс" замер в пространств ве, словно встретился с преградой. Медленно опустил нос и под крутым углом пошел в беспорядочное падение. Не удержался гвардеец, чтобы не проводить его пристальным взглядом. До самого конца. До багряной вспышки, что поставила на Советской земле точку. И на бесчинствах фашистского аса...

- Берегись, командир! - раздалось в шлемофоне: - На хвосте "худой".

Меткая очередь Сергея Глинкина сняла с хвоста командирской машины прорвавшегося было к нему "мессера".

- Шляпа все-таки ваш командир, - устало бросил Попков. - За хвостом смотреть надо было!

Садились с полупустыми баками и почти с опустошенным боекомплектом. Задание, однако, выполнили, Не потеряли ни одной машины. Восьмеркой сбили десять вражеских. В числе их - лучшего аса гитлеровских люфтваффе. Победу эту комсорг эскадрильи Павел Вакулин аккуратненько отметил поутру двадцатой звездочкой, нанесенной кистью на фюзеляже истребителя Виталия Попкова.

Позже армейская газета писала:

"...Наступательный порыв удвоив, утроив, равняйся, товарищ, на наших героев. Сегодня радость у нас: получен новый Указ о присвоении нашим мастерам воздушного боя высокого звания Героя.

...Древняя русская река Волга. Ну и будет же помнить долго все фашистское отродье - сокола Ивана Сытова. Двадцать девятый сбитый немецкий самолет - вот его героический счет. Вот он

какой русский ас - о нем легенды уже ходят у нас...

А Сивцов, Худов, Попков, Кузнецов и Шардаков - у них ведь тоже характер таков: и нет для них привычнее работы, чем сбивать с неба немецкие самолеты".

Виталию Попкову сообщили о присвоении звания Героя. К этому времени он имел на своем боевом счету двадцать пять сбитых самолетов врага. Вскоре его назначили заместителем, а затем и командиром эскадрильи.

Раньше отвечал только за себя, за свое звено, а теперь должен был нести ответственность за целую эскадрилью гвардейцев. Их заботы стали его заботами. И молодой командир энергично взялся за воспитание и обучение мастеров воздушного боя. Он щедро делился своим опытом, помогал овладеть секретами военного искусства.

Отец героя, Иван Максимович Попков, писал на фронт сыну:

"Я по-отцовски горжусь, что ты стал героем, командиром эскадрильи. Но я бы хотел, чтобы ты всегда был солдатом партии, душой коллектива, другом сослуживцев. Чтобы тебя уважали сначала как человека - товарища, а затем уже как героя - командира".

Родился Попков в Москве. В 1922 году. Его детские годы прошли сначала в столице, затем в Сочи и Гаграх, и снова в Москве. Отец Виталия по профессии шофер, участник гражданской войны, был добровольцем Красной Армии, служил водителем бронеавтомобиля в отряде имени ВЦИК.

- Подвижным мальчиком рос Виталий, - вспоминает его мать Елизавета Дмитриевна, - учился усердно. Любил сидеть за книгами и все что-нибудь мастерил. В доме от него не было покоя. Часами мог возиться с бамбуковыми палочками, бумагой, резиной, строя авиационные модели, делая их чертежи. Все свободное время пропадал в кружке авиамоделистов и на запусках летающих моделей.

Вскоре Виталий стал руководителем школьного кружка юных авиамоделистов в Сочи. 1936 год. Виталию четырнадцать лет. За успехи, достигнутые авиамоделистами кружка на городских соревнованиях, первичная организация Осоавиахима награждает его и товарищей ценными подарками. Прочитано много книг. Выяснены вопросы теории авиации. Мечта юноши - стать летчиком.

Виталий подает заявление в планерную школу:

"Хочу стать планеристом, а затем летчиком".

На заявлении появляется резолюция начальника школы: "Зачислен в первую группу пилотов-планеристов набора 1937 года". Он выделялся среди своих товарищей не только отличными

знаниями, но и высокой сознательной дисциплиной, стремлением помочь своим товарищам по учебе.

Весной 1940 года успешно окончил среднюю школу и одновременно аэроклуб Ленинградского района города Москвы, получив одно за другим два свидетельства - об окончании десятого класса и аэроклуба.

Спустя два месяца сдал на отлично вступительные экзамены в Чугуевское военное авиационное училище летчиков, что под Харьковом. Его зачислили курсантом. Приступил к полетам сначала на учебно-тренировочном самолете, а затем на боевом...

Когда началась война, курсанты готовились к выпускным экзаменам. Затем работа в училище в должности летчика-инструктора. Пять рапортов подал Попков, чтобы его направили в действующую армию. В шестой раз повезло прибыл в полк. И с тех пор вплоть до окончания войны он связал свою судьбу с судьбой гвардейцев.

Иван Сытов родился на Саратовской земле, а неполную среднюю школу окончил в Астрахани. Там же он учился в фабрично-заводском училище при судоремонтном заводе имени Карла Маркса, а затем более двух лет работал в качестве слесаря-монтажника и одновременно учился в аэроклубе летному делу. Позже он поступил в военное летное училище, работал летчиком-инструктором, служил на Дальнем Востоке.

В ноябре 1942 года Сытов попал на фронт, сбил четыре немецких самолета. За отвагу и мужество командование наградило его орденом Красного Знамени.

29 марта 1943 года партийная организация полка приняла Сытова кандидатом в члены партии.

- Сознание того, что летишь в бой коммунистом, придает мне новые силы, - заявил Сытов на собрании коммунистов части. И в тот же день подтвердил свои слова - сбил пятый самолет противника. А через несколько дней в одном бою уничтожил сразу двух "мессершмиттов".

Дерзость, соколиная стремительность его ударов принесли ему немало побед. То были ярчайшие примеры ненависти к врагу и любви к Родине, железной воли и сноровки, отваги и умения. Летный талант Сытова нашел полное признание, и летчик получил повышение по службе.

Где бы ни дрался в небе Иван Сытов, он всюду помнил о доме в городе Астрахани, там остались его престарелая мать, родной брат.

В период затишья на фронте, после вручения ордена Ленина и Золотой Звезды, командование разрешило ему вылететь на Ут-2 в краткосрочный отпуск на родину. Иван побывал дома, навестил

горком комсомола, побывал в военкомате, беседовал с новобранцами. Через неделю Сытов снова участвовал в боях.

Воспитанник Симферопольского аэроклуба Игорь Шардаков после окончания военной школы летчиков служил в строевой части, дислоцировавшейся северо-западнее города Бреста.

Одним из первых в полку он встретил начало Великой Отечественной войны в воздухе. Отходя вместе с наземными частями на восток, познал и горечь отступления и стойкую оборону наших войск под Москвой. Здесь, на дальних подступах к столице, в жестоких воздушных боях с отборными фашистскими летчиками умножил славу полка, добился права называться гвардейцем. Сбивая фашистские самолеты под Смоленском, Демянском, Ельней, Ярцевом, Великими Луками, Старой Руссой и Ржевом, штурмуя вражеские аэродромы, доказывал делами свою верность воинскому долгу.

Большую помощь получил Шардаков от своих старших наставников капитанов Василия Найденко и Василия Ефремова. Эти летчики были командирами эскадрильи -воспитателями и учителями молодых воздушных бойцов.

У Ефремова Шардаков научился строгому расчету и дисциплине в бою, перенял требовательность и внимательность к подчиненным, а главное, к себе. Всегда был опрятен, подтянут, отвечал лаконично - слова он также экономил, как снаряды в бою.

Свой боевой счет открыл в первые же дни войны. Тогда он был рядовым летчиком. Теперь - заместитель командира эскадрильи, кавалер трех орденов Красного Знамени.

Первую боевую награду получил за боевую работу на Западном и Калининском фронтах. Вторым и третьим орденами Красного Знамени награжден за девять сбитых самолетов на Юго-Западном фронте.

Шардаков был не только мастером воздушного боя. Это был еще и прирожденный разведчик: недаром его звали глазами полка. Задание на выполнение полета на разведку поручалось, как правило, опытным летчикам, с хорошей летной подготовкой, развитой смекалкой. Разведчику во вражеском тылу приходится встречаться с истребителями противника. Здесь важно, не ввязываясь в бой, оторваться от них или обойти стороной, чтобы непременно выполнить порученное задание.

Объекты разведки зачастую прикрыты сильным зенитным огнем, и летчику приходится прорываться сквозь плотный огненный заслон.

Особенно опасна воздушная разведка с фотографированием вражеских аэродромов и передовой: высота строго заданная, скорость постоянная, курс определенный. В этих условиях

разведчик представляет собой хорошую мишень. И не случайно по ней наровит стрелять каждый, кому ни лень. Зная ограничения, накладываемые на полет разведчика, любой фашистский истребитель не прочь вступить с ним в бой.

Труд воздушного разведчика тяжел и сложен. И не всякий хороший истребитель может быть хорошим разведчиком. Ведь ему мало уметь отлично пилотировать машину, мастерски и смело бросаться в бой. Разведчик обязан иметь острые глаза, замечать все, что делает враг, распознавать его намерения, разгадывать его маневр.

Вот только один пример. Однажды Шардакову поставили задачу произвести фотосъемку двух аэродромов противника. Это значит, над целями нужно было пройти на небольшой высоте, при постоянных скорости и курсе.

А такой самолет - лучшая мишень для зенитчиков.

Прикрывало Шардакова звено ЛаГГ-3. На высоте трех тысяч метров наши летчики обошли группировку немцев с севера, затем пересекли линию фронта левым разворотом со снижением. Еще при подходе к цели Шардаков снизился до заданной высоты, установил нужные для фотографирования курс и скорость. Три его товарища шли выше, оберегая разведчика от атак истребителей врага.

В воздухе спокойно. Зенитки на аэродроме тоже молчат. Летчик включил фотоаппарат. В каждую секунду - десятки кадров. Но и враг ожил - затрещали зенитки разных калибров. Снаряды рвутся почти рядом. Их много.

Представьте себе на минуту одного истребителя, вынужденного без маневра лететь среди десятков разрывов на заданных высоте, скорости и курсе. Повернуть бы ему чуть в сторону от огневой трассы, и было бы хорошо; или ударить по вражеской батарее... Но этого делать нельзя: плановая съемка требует строго установленного режима полета. Надо во что бы то ни стало выждать немного - еще пять - шесть секунд. А черные шапки разрывов плотным кольцом окружают самолет. Секунды кажутся вечностью. Но и у вечности есть конец, Шардаков резким правым разворотом со снижением выходит из зоны обстрела и берет курс на следующий аэродром.

Здесь картина повторяется снова: опять заданные курс, высота, скорость, опять зенитный огонь врага губительный, ураганный. Как сумеет выйти из этого кромешного ада, одному ему известно. При разрыве одного из снарядов градом раскаленных осколков обдало самолет Шардакова. Самолет сильно тряхнуло. Но летчик с удивительным необычайным хладнокровием вел фотосъемку. Руки и ноги его продолжали

удерживать машину на точно заданном курсе. Красные и фиолетовые шарики "эрликонов", словно бусины, одна за другой бежали в его направлении. Некоторые прошли совсем близко. Выстоял наш летчик. Задание выполнено, пора домой" Самолеты на максимальной скорости спешат на базу. Там их ждут. Вот и аэродром. Шардаков садится первым, остальные обеспечивают его посадку от внезапных нападений вражеских истребителей.

На земле техники насчитали более трех десятков осколочных пробоин в плоскостях и фюзеляже истребителя-разведчика.

Пройдет немного времени, и дешифровщики фотопленки не только подсчитают число и типы самолетов, окопы, доты, но и перенесут их расположения на крупномасштабные карты, которые затем будут переданы истребительным, штурмовым и бомбардировочным частям.

Шардакову удавалось привозить такие замечательные кадры, что и профессиональные фотостудии могли бы позавидовать качеству его снимков.

А сейчас, достав свою потрепанную летную карту, Игорь подробно докладывает начальнику штаба полка Калашникову все, что он успел увидеть своими глазами. Начальник штаба доволен. Сделав последние сокращенные записи в блокноте, он похвалил Шардакова и заключил: "Орлиные у тебя глаза, товарищ старший лейтенант". И с этим определением нельзя было не согласиться.

"Как одному из лучших летчиков полка Шардакову поручали самые сложные задания по штурмовке и сковыванию аэродромов противника. Как правило, на задания он ходил ведущим группы и своими грамотными действиями наносил большой урон врагу..." Так характеризовался Шардаков при представлении его к высшей награде - званию Героя Советского Союза.

* * *

В небе Донбасса летчики-гвардейцы нанесли гитлеровской авиации большой урон. Но и полк понес значительные потери. Смертью храбрых пали Шумилин, Пузь, Самойленко, Сверлов и другие. Получили тяжелые ранения и попали в госпиталь Ивашкевич, Баевский, Барабанов, Орлов.

Командование 17-й воздушной армии организовало в живописных местах Украины несколько домов отдыха для летчиков армии.

Как-то Зайцев, обращаясь к командиру эскадрильи Лавейкину, сказал:

- Ты, оказывается, кроме всего прочего, и хороший политработник?

- Да вот трудимся. Что непонятно, обращаюсь к комиссару полка. У меня и парторг Кудряшов на славу. Вместе с ним и план

составляем, и коммунистов обязываем выполнять партийные поручения. Раньше надеялся на своего заместителя по политчасти, а теперь приходится во все вникать самому. Трудновато, но ничего! У меня толковые ребята. Вот и вымпел у нас "Лучший экипаж". Сейчас идет соревнование между летчиками, кому он достанется.

- А как ты думаешь, Яременко, Макаренко достойны быть в партии?

- Да! Мы уже с ними беседовали и готовили их. А в ближайшее время состоится партийное собрание по приему,

- Смотри, и про девушек не забывай. Хорошие комсомолки! Их тоже нужно готовить в партию. Лучшие люди нам в партии вот так нужны.

- Понятно, товарищ командир! Мы стремимся сделать все, чтобы лучше подготовиться к предстоящим боям.

И вот теперь пришел приказ о передаче самолетов другому полку, а личному составу предоставлялся в районе города Купянска заслуженный десятидневный отдых после ста шестнадцати дней, заполненных боевыми вылетами.

Хотя отдыхать долго не пришлось - всего две-три недели, но в условиях внефронтовой обстановки и уюта успевали "снять фронтовую нагрузку и подремонтировать нервишки".

VI. Ой, Днепро, Днепро

Шел сентябрь 1943 года. Советская армия, нанеся немецким войскам поражения под Курском и Орлом, под Харьковом и Белгородом, под Новороссийском и в Донбассе, продолжала теснить их на запад.

Впереди был Днепр. Противник лихорадочно укреплял правый обрывистый берег, подтягивал резервы. С плацдармов на левом берегу немцы рассчитывали нанести удар по нашим войскам.

Свою оборону тут фашисты хвастливо называли великим "восточным валом", но наших солдат и офицеров не пугали эти приготовления. В последних числах сентября советские войска, преследуя отходящего врага, вышли к Днепру на огромном фронте от устья Сожи до Запорожья и начали форсировать реку.

Завязались тяжелые, кровопролитные бои за днепровские переправы.

С особым значением повторяли в те дни воины слова "Песни о Днепре":

Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой!
Славный час настал - мы идем вперед,
И увидимся мы с тобой.

- Ну вот, мы теперь и у Днепра, - говорил Петр Кальсин, устраиваясь в новой землянке. Жили они вместе с Георгием Баевским, вместе летали. Петр невысокий, на вид совсем мальчишка. Глаза светлые, лучистые, волосы густые, каштановые.

Он уж постарался и насчет умывальника, принес откуда-то чуть помятый, медный котелок, повесил около землянки на дерево и плещется ледяной водой, фыркает, блестит ровными зубами, смеется.

Новый аэродром зеленел поздней травой. Искусно замаскированные самолеты почти сливались с землей. Все стихло, притаилось, всюду шла большая напряженная работа. Радист надрывался в соседней землянке. Пришли ребята два Алексея. Спокойно, вразвалочку. Алексей Федирко говорил неторопливо, мягко, Алексей Ворончук вытянул шею, слушает его, уши кожаного шлема опущены.

- Ну, что? Летите? - окликнул их Петр Кальсин.

- Летим. На "свободную охоту".

- Счастливо поохотиться! - крепко вытираясь жестким махровым полотенцем, улыбнулся он им. - Да не зевайте, говорят, немцы сюда своих асов бросили!

Федирко проворчал что-то себе под нос, по-украински растягивая слова, и они с Ворончуком направились к своим самолетам.

Воздушные бои над Днепром отличались особым упорством. Фашисты в бессильной злобе за свои поражения на земле стремились взять реванш в воздухе. Но как ни храбрились, в боях за днепровское небо победителями неизменно оказывались советские летчики. Полк в это время получил более десятка самолетов Ла-5 с форсированными моторами.

Не помогли немцам брошенные на переправу асы. Их обнаруживали сразу по разрисованным машинам и по наглости, с какой они действовали.

Асы появлялись парами. Были хорошо слетаны. Они не только принимали лобовые атаки, но и сами шли в лоб. Иногда вступали в бой с превосходящими по количеству истребителями, что раньше враг позволял себе крайне редко.

Утром 10 октября над Днепром клубился густой туман. Группа истребителей во главе с Героем Советского Союза гвардии майором Лавейкиным была готова к полету. Все подтянуты, молчаливы. Петр Кальсин в последний раз осмотрел свой истребитель. Припомнились ему родные вятские места, деревня.

Как там катались на санях по вечерам! Приходили девчата, низко повязанные пушистыми платками, свистел в ушах ветер, жгло морозцем щеки. И летели сани с горы, да так быстро, что

дух захватывало. А кругом снежная пыль, смех и визг...

Всех перебрал в своей памяти Петр: и молоденькую застенчивую учительницу, и друга Володьку Шевырева, с которым десять лет сидел за одной партой... - Хуже всего, когда стоишь вот так, мнешь траву вокруг своего самолета и не знаешь, чем себя занять.

Скорее бы в бой. Целый час еще ждали.

И вот туман рассеялся. Лавейкин дал сигнал:

- По самолетам!

Группа истребителей ринулась к реке на разных высотах и больших скоростях. Ведущий возглавлял ударную, а гвардии лейтенант Баевский сковывающую группу.

Асы не заставили себя ждать. Завязался воздушный бой. Верхняя группа "лавочкиных" дралась с "мессерами", внизу гвардейцы вели бой с бомбардировщиками. А на земле наши войска силами трех армий штурмовали оборонительные обводы запорожского плацдарма противника.

Петр Кальсин заметил: Алексей Ворончук подловил одного Ме-109 и с первой же очереди отправил в Днепр.

Бой нарастал. Кальсин тоже сбил немецкий самолет. Третий уничтожил Николай Макаренко.

После воздушного боя ребята собрались в столовой. Это была просторная палатка, где на быстро сколоченных из досок столах дымился заботливо приготовленный обед. Настроение у летчиков отличное - шутили, разыгрывали друг друга, спрятали у Кальсина обе его трубки, которые он всегда торжественно набивал горьким табаком-самосадом.

Вспоминали детали боя, шумели. И вдруг опять команда:

- По самолетам!

Второй воздушный бой разгорался. Немецкие асы подходили к месту боя на высоте шести тысяч метров, полагая, что выше их никого нет и преимущество в высоте остается за ними. Но они жестоко просчитались. Выше них находилась пара гвардейцев - лейтенант Владимир Ивашкевич и младший лейтенант Владимир Барабанов. Заметив немцев, они со стороны солнца внезапно атаковали врага.

Самоуверенный ас на разрисованной машине был сбит Ивашкевичем, второй фашист тоже полетел вниз - его скосил Барабанов.

На другой день немецкие летчики сторонились гвардейцев. Однако Баевский все же подкараулил пару гитлеровцев. Пикируя с высоты, подбил одного и сбил другого.

В эскадрильи по этому поводу выпустили "молнию". Трудился над ней, как всегда, Петр Кальсин. Удобно расположившись в

землянке, попыхивая трубкой, он рисовал цветными карандашами на голубоватом куске бумаги. Баевский спал. Ухали вдалеке орудия. В открытую дверь виднелся кусочек осеннего неба, золотые макушки берез. Тянуло острым запахом последних грибов.

За несколько дней гвардейцы сбили над Днепром шестнадцать фашистских асов. Во фронтовой газете появилась статья "Как фашистским асам набили по мордасам".

Только летчики эскадрильи гвардии майора Лавейкина за восемь месяцев 1943 года расправились со ста двадцатью девятью самолетами противника, потеряв десять своих. За одного своего - более двенадцати фашистских.

12 октября пара самолетов Ла-5, ведомые Виталием Попковым и Александром Пчелкиным, вылетели на фотографирование передней полосы вражеской обороны.

Летчики повели свои самолеты на малой высоте. Умело используя рельеф местности, они приблизились к району цели незамеченными. Легким поворотом рычажка включили фотоаппараты.

Только теперь фашисты увидели разведчиков. Открыли по ним шквальный зенитный огонь. Разрывы окружали машины. Несмотря на это, Попков и его ведомый строго выдержали направление полета, хладнокровно продолжали воздушную съемку.

Фотопланшеты разведчиков помогли вскрыть систему вражеской обороны и опорные пункты.

В это время остальные летчики первой эскадрильи во главе с Глинкиным прикрывали действия шести Ил-2 по уничтожению самолетов и личного состава на аэродроме противника западнее Запорожья. По данным разведки, там скопилось более пятидесяти машин. Штурмовым ударом наши летчики уничтожили на земле более десятка фашистских самолетов.

При возвращении на группу напали два Ме-109 и два ФВ-190, Ивашкевич сбил один Ме-109, тот упал в восьми километрах западнее Запорожья.

Встречая на своем пути ожесточенное сопротивление, части 12, 8 и 3-й гвардейских армий взломали оборону Запорожья, овладели опорными пунктами и, преодолев противотанковые рвы, проволочные заграждения, минные поля двух оборонительных поясов, к рассвету 14 октября при поддержке с воздуха штурмом овладели городом.

Вырван из фашистского плена еще один израненный, измученный город, и снова колышет ветер поднятое над ним руками наших воинов красное знамя знамя победы!

Ночь в огне. Зарницы артиллерийских вспышек разбрасывают по аэродрому желтые блики, и до утра, до тусклого рассвета кровью полыхает за Днепром горизонт.

Мы сидим в полутемной, с низкими сводами землянке. 22 часа 30 минут. Издалека к нам доносится голос московского диктора. В этот вечер Верховный Главнокомандующий объявил благодарность летчикам - участникам освобождения города Запорожья. В 23.00 столица нашей Родины Москва салютует в честь победителей двадцатью залпами из двухсот сорока четырех орудий.

Известную долю своего труда в освобождение Запорожья внес и наш полк. Только за три дня, с 12 по 14 октября, летчики полка произвели сто двадцать восемь боевых вылетов, провели двенадцать воздушных боев.

15 октября восемь Ла-5 во главе с командиром первой эскадрильи гвардии старшим лейтенантом Артемьевым прикрывали наземные войска на высоте 5000-5500 метров. Минут через десять здесь с превышением над нашими самолетами на 1000 метров появилось десять Ме-109. Завязался воздушный бой, преимущественно на вертикалях. По одной фашистской машине сбили Константин Евстратов, Владимир Барабанов и Владимир Ивашкевич.

В это время на 1000 метров ниже воздушный бой с десятью Ме-109 вела вторая группа Ла-5 во главе с гвардии старшим лейтенантом Иваном Сытовым. Гвардии майор Адам Концевой с первой же атаки сбил "мессера". Два Ме-109 на крутом пикировании преследовали Евстратова.

Летчики группы видели, как при резком выводе из пикирования у одного "мессера", видимо, от больших перегрузок отвалился хвост. Падая, самолет вошел в штопор и взорвался.

На смену группы истребителей Алексея Артемьеву прибыло восемь Ла-5 во главе с Дмитрием Штоколовым, которые сразу вступили в бой с десятью Ме-109. Наши четверки вели его на разных высотах, то на виражах, то на вертикалях. Баевский, Ворончук и Васильев сбили по одному "мессеру". Наземная станция наведения передала, что бой летчики провели организованно. Пришли в полк подтверждения на сбитые самолеты.

Продолжая успешное наступление на юг, советские воины полностью ликвидировали Запорожский плацдарм на левом берегу Днепра.

Юго-Западный фронт был переименован в 3-й Украинский.

Развернулись бои за город Днепропетровск. На всех этапах битвы за Днепропетровск и Днепродзержинск авиационные полки

17-й воздушной армии тесно взаимодействовали с наземными войсками. Штурмовики под прикрытием истребителей целыми днями висели над полем боя. Они совершили десятки вылетов, нанося удары по немецким опорным пунктам, огневым позициям, скоплениям автомашин. На смену одной группе самолетов приходила другая. Немцы не получали передышки ни на минуту. Они периодически бросали на воздушную арену от сорока до шестидесяти бомбардировщиков, чтобы остановить продвижение наших войск на правом берегу Днепра, помешать работе саперов, наводивших переправы.

С рассвета до темноты над временными переправами патрулировали шестерки истребителей 11-й гвардейской дивизии. К этому времени аэродромы базирования их были максимально приближены к левобережью. Можно было чаще менять патрулей в воздухе, быстрее наращивать силы. Наши самолеты прикрывали переправы на разных высотах, встречая вражеские бомбардировщики еще на дальних подступах к реке.

Начиная с конца сорок второго года, радиосвязь получила широкое применение. Командир группы получал возможность управлять истребителями в воздушном бою не только эволюциями своего самолета и личным примером, как это было в первый период войны, но главным образом командами по радио.

Благодаря радио были созданы условия для организации группового боя по единому замыслу командира. Эшелонированные по высоте и рассредоточенные по фронту и в глубину отдельные пары и звенья по приказу могли оказывать помощь друг другу, в нужный момент вступать в бой и выходить из него.

Создавалась система оповещения наведения и управления истребителями с земли. Связь по радио сыграла большую роль в осуществлении взаимодействия истребителей с сопровождаемыми самолетами - бомбардировщиками, штурмовиками.

Во время наступательных, операций наших войск авиадивизия имела на передовой линии свою станцию наведения и руководителя. Ведущий группы связывался со станцией, узнавал воздушную обстановку, получал разрешение на выполнение задания, в ходе которого наземная рация могла в любое время предупредить об опасности в воздухе, исправить ошибки или перенацелить на выполнение другой задачи. В необходимых случаях руководитель мог вызывать с аэродромов резерв.

Голос командира с земли оказывал моральную поддержку летчикам, вселял уверенность, придавал силы. Уход с передовой

также производился только с разрешения руководителя, находящегося на станции наведения. О всех важных обнаруженных целях врага летчики тут же докладывали по радио на станцию наведения, находившуюся обычно рядом с КП.

Часто на командные пункты танковой дивизии выделялись офицеры от авиации, которые имели надежную радиосвязь с аэродромами базирования авиации и самолетами в воздухе. Эти люди, своевременно передавая заявки общевойсковых командиров, умело нацеливали машины на важнейшие объекты в бою, являлись связующим звеном между авиацией и сухопутными войсками.

По нескольку раз на станции наведения выезжали на передовую штурман полка Николай Романов, адъютанты эскадрилий Николай Григорьев, Борис Муха, Виктор Скрягин.

Много поработали над тем, чтобы хорошо наладит радиосвязь в бою начальник связи полка гвардии капитан Георгий Моисеенко и его специалисты Троицкий, Налимов, Акимов, Горанин, Гордеев. Радио у них действовало безотказно.

В октябре 1943 года от всего летного состава полка комиссия приняла зачет по знанию материальной части связной аппаратуры истребителей и умению вести радиосвязь с наземными радиостанциями. Первый класс присвоили двенадцати летчикам и второй - десяти.

16 октября 1943 года командир эскадрильи Герой Советского Союза Иван Никитович Сытов прикрывал наземные войска в районе Запорожья. Он уже имел на боевом счету тридцать сбитых фашистских самолетов, произвел более двухсот пятидесяти боевых вылетов.

В полку его любили. Веселые, чуть прищуренные глаза, прямой нос на тронутом оспой лице. Всегда крепко охвачен ремнем. Где бы Сытов ни появлялся, всюду вносил с собой оживление.

О воздушных боях Иван рассказывал обстоятельно, неторопливо. Опишет создавшуюся ситуацию, да еще п,алочкой на песке вычертит, где был немецкий самолет, как он сам атаковал фашиста.

Не раз вступал командир эскадрильи в бой с численно превосходящим противником и не было такого случая, чтобы Сытов со своими питомцами "показывали хвост". В полку так верили в его летный талант, что на земле поджидали без особых волнений.

И вот 16 октября он не вернулся с боевого задания.

В последнем сражении над Днепром, израсходовав почти весь боекомплект, продолжал драться, руководить боем. Когда

горючее кончилось, а оружие замолчало, Сытов пошел в последнюю атаку. Пехотинцы видели, как в смертельной схватке его истребитель настиг врага. Но сам был атакован "мессершмиттами" и сбит. До боли в глазах всматривались в дым воины с земли и летчики группы с воздуха. Каждый хотел увидеть белый купол парашюта. Но его не было.

"Жизнь короткая - слава долгая" - говорят в народе о таких, как Иван Сытов.

Похоронили останки героя на площади Свободы в городе Запорожье. На украинской земле, которую он так отважно защищал.

Начиная с 22 октября полк принимает активное участие в освобождении Днепропетровска. По утрам Днепр всегда затягивала дымка... За четыре дня боевой работы, несмотря на ограниченную летную погоду, летчики полка произвели сто двадцать боевых вылетов. Командир полка Зайцев дважды водил группы истребителей на прикрытие штурмовиков.

Каждый летчик, каждый техник делали все возможное для освобождения города. Летая на разведку, наши летчики видели, как фашистские захватчики вывозили оттуда награбленное добро. Тянулись длинные колонны автомашин, повозок, железнодорожные эшелоны.

Этим-то и воспользовались штурмовики. Под прикрытием истребителей они группами по восемь-двенадцать самолетов непрерывно атаковали отходящие колонны противника.

Вечером 24 октября накануне освобождения нашими войсками Днепропетровска фашисты зажгли город. Поднялось огромное зарево. Оно хорошо было видно с нашего аэродрома. Временами слышались сильные взрывы - это немцы взрывали заводы, лучшие здания, общественные учреждения.

Утром более десятка громадных столбов дыма стояло над городом.

25 октября в 15.00 советские войска штурмом овладели Днепропетровском. Хорошее было известие. А на следующий день 11-я гвардейская истребительная авиационная дивизия, в состав которой входил наш полк, за героизм и отвагу, проявленную в боях при освобождении этого города, получила наименование "Днепропетровской".

В адрес полевой почты полка пришло несколько писем от девушек с Дальнего Востока. На конвертах: "Самому храброму воину - комсомольцу".

- Ну и задача! - улыбнулся комсорг полка гвардии младший лейтенант Павел Вакулин.

Собрали комсомольское собрание, стали решать, кому

вручить письма.

- Да чего там! Хоть жребий кидай, - шутили ребята.

Письма отдали Петру Кальсину. Он положил их в карман гимнастерки, вернулся в землянку, стал читать.

Трудно представить сейчас, сколько радости доставляли тогда такие весточки. Где-то вдали громыхало, горел дальний лес, в любую минуту можно было ждать нового боя, а тут эти письма и фотографии. Петр засмотрелся на них. Дальний Восток...

Почему-то вспоминалась школьная карта. Она висела рядом с доской, умело помеченная таинственными знаками, расставленными на тот случай, если придется "плавать" на уроках географии. Нефтеносные районы - крупными треугольниками, угольные бассейны - фиолетовыми кружочками. Дальний Восток у стены, на самом краешке карты. Камчатка. "Камчаткой" называли две последних парты, на которых спасались те, кто не очень хотел мозолить глаза учителям. Здесь можно было и почитать книжку, и сыграть в "морской бой". Какое же это далекое время - школа!

На том же комсомольском собрании договорились послать письма родителям летчиков, особенно отличившихся в боях. Написали и отцу Петра Кальсина.

Петр во всех подробностях представлял себе, что последует за этим в родной деревне Болы.

Вот прикатил утром на велосипеде мальчишка-почтальон. Отец, покряхтывая, сошел на крыльцо, взял натруженными руками письмо, покосился на мальчишку:

- Не знаешь, отчего почерк чужой?

Тот засветился в ответ, и сразу стало ясно, что беды никакой нет.

Все письма с чужими почерками маленький почтальон просматривал еще на почте, чтобы зря людей не волновать. Если что плохое приносил, шел в дом "с подготовкой". Долго рылся в сумке, вспоминал вслух, как много разнес за последнее время похоронок: Бояриновым, Васильевым, а Федоровым - так сразу две. За одну неделю. И спешил к другому дому.

Сейчас мальчишка не торопился уходить. Ждал.

В этот же день всей деревней писали ответ. Переписывал его набело, конечно, все тот же мальчишка, он же раздобыл для такого торжественного случая настоящий почтовый конверт, даже марку не пожалел - приклеил.

После одного воздушного боя Петр Кальсин шел в столовую. А тут Ворончук, Помахал перед носом письмом - пляши!

Делать нечего, потоптался Кальсин вокруг Ворончука. Но тому мало.

- Давай, давай!

Пришлось вприсядку. Ребята собрались, смеются, подбадривают. Сжалился Ворончук, отдал письмо. Оно было из дома, от отца.

- "...Письмо о героических подвигах моего сына - летчика Петра Кальсина я получил, - писал отец. - Меня, колхозника, конюха, глубоко взволновали хорошие отзывы о сыне, тем более, что, как вы сообщаете, он сбил уже четырнадцать фашистских самолетов. Я уже старик, но еще бодр и работаю в колхозе честно, по-фронтовому. За восемь месяцев 1943 года выработал 443 трудодня, да моя старушка, мать Пети, еще 150. А всего мы вдвоем имеем 593 трудодня. Я и впредь буду трудиться не покладая рук. Получив письмо, я прочитал его всем колхозникам, которые вместе со мной радуются и гордятся Петром.

В ответ на подвиги своего земляка колхозники отвечают успехами в труде. Наша артель еще в середине сентября досрочно выполнила план хлебосдачи государству и сдала сверх плана 170 пудов зерна.

Сыночки, дорогие мои, быстрее выгоняйте немцев с нашей земли и возвращайтесь домой с победой. Желаю всем здоровья и дальнейших боевых успехов во имя нашей Родины. Мы поможем вам в борьбе, чем только сможем".

Все дальше и дальше на Запад уходил полк, все чаще и чаще менялись аэродромы. Под крылом простирались необозримые степные поля Украины. Теперь летчики полка стали летать на Никопольский плацдарм. Наступила третья военная зима.

Новые приемы боя, отдельные вопросы управления самолетами в бою вызывали различные суждения и детально изучались всеми. Было замечено, что лучше это разбирать на конференции летно-технического состава. С большим вниманием участники ее заслушали доклады Героя Советского Союза гвардии майора Лавейкина "Организация прикрытия боевых порядков наземных войск" и "Действия истребителей при отражении авиации над полем боя".

Оживленный обмен мнениями вызвал также доклад Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Попкова на тему: "Сопровождение штурмовиков и отражение атак истребителей противника".

Мастерков поделился опытом ведения воздушного боя "пары" с самолетами противника. Желающих выступить было много. Представитель штаба полка Григорий Яковлев еле успевал записывать предложения.

Бой ведут "Веселые ребята"

Закончив обсуждение и утвердив выработанные предложения,

летчики гурьбой направились в столовую. Как раз в это время над аэродромом в плотном строю пронеслись возвратившиеся с задания четыре Ла-5. Среди них выделялась пара самолетов, переданных нам в начале ноября музыкантами джаз-оркестра под управлением Утесова.

Тогда было раннее морозное утро. Московский центральный аэродром до отказа заполнили готовые к отправке на фронт самолеты.

В начале взлетной полосы поблескивали в лучах восходящего солнца свежей краской два тупоносых истребителя Ла-5. Около них собралось необычно много народа: летчики, техники, авиаспециалисты, представители Главного штаба ВВС, фотокорреспонденты и... музыканты. Они прибыли на аэродром, чтобы передать летчикам приобретенные на свои трудовые сбережения самолеты.

На левом борту каждого надпись: "Веселые ребята", а на правом - "От джаз-оркестра Л. Утесова". Вести на фронт эти машины предстояло гвардейцам комиссару авиационного полка и лейтенанту Мастеркову.

Начался митинг. В своих выступлениях авиаторы горячо благодарили замечательного артиста и его коллег за подарок, обещали крепко бить фашистов в воздухе и на земле. Затем Леонид Осипович передал летчикам формуляры самолетов.

Эдит Утесова от имени оркестра преподнесла гвардейцам патефон с большим набором пластинок. Летчики надели парашюты, сели в кабины.

Через несколько минут самолеты взлетели и взяли курс на юг. "Веселые ребята" - первоклассные самолеты конструкции Лавочкина - пользовались большой популярностью. Каждый летчик считал за большую честь вылететь на них.

Спустя три месяца авиаторы писали коллективу оркестра:

"Со времени получения вашего подарка летчики-гвардейцы уничтожили в воздушных боях и на аэродромах девять вражеских самолетов. Нет сомнения, что этот счет будет расти. Ваши машины в надежных руках. Они и впредь будут грозой для фашистов".

Слово свое гвардейцы сдержали. Вот один из примеров.

...Командир эскадрильи Попков повел восьмерку истребителей на прикрытие наступавших советских танкистов. При подходе к заданному району ведущий услышал голос со станции наведения:

- Соколы, соколы! С запада ниже вас идут бомбардировщики, восемьдесят седьмые.

Виталий Попков быстро вывел группу в заданный район и

подал команду: "В атаку!"

Дерзкий налет гвардейцев ошеломил вражеских летчиков.

Гитлеровцы сразу не досчитались двух "юнкерсов". А тут станция наведения предупредила наших о появлении в воздухе шести "мессершмиттов".

Но гвардейцы успели сбить еще три бомбардировщика противника. Два из них уничтожил на самолете "Веселые ребята" гвардии старший лейтенант Александр Мастерков.

Через несколько дней в составе другой группы на самолете "Веселые ребята" отличился гвардии лейтенант Игорь Глазков. Он сбил немецкий истребитель "мессер", защитив своего друга.

Шло время. Счет сбитых вражеских самолетов продолжал расти.

Свою боевую биографию Ла-5 с надписью "Веселые ребята" закончили в небе Берлина.

Ради жизни командира.

В декабре сорок третьего года шли упорные бои за Никопольский плацдарм. Погода не благоприятствовала наступлению наших войск. Из низко плывущих над землей тяжелых облаков беспрестанно моросил дождь. Опускались настолько плотные туманы, что стоит, бывало, отойти к стабилизатору - винта уже не видно. Обширные голые поля стали непроходимыми. Тяжело было пехоте. Туго приходилось и авиации. Казалось, в такую погоду и мыслить нечего о полетах. Но не так думали летчики гвардейского полка. Они не могли сидеть сложа руки...

Сплошная облачность, моросящий дождь - не помеха. Нельзя действовать большими группами - можно летать парами. И бить врага.

12 декабря 1943 года день выдался пасмурным.

Над фронтовым аэродромом висел зимний туман. Лишь только он стал понемногу рассеиваться, как Георгий Баевский и его ведомый Петр Кальсин вылетели на свободную "охоту" в район Никополь - Кривой Рог. Это был один из способов боевых действий истребителей.

На фронте воздушным "охотникам" выделялся район, простирающийся на несколько десятков километров вдоль фронта и на многие километры в тыл врага.

Здесь наши истребители-"охотники", действуя обычно парами, производили свободный поиск и уничтожали не только самолеты в воздухе, но и автомашины, радиостанции, паровозы, железнодорожные составы, обозы, живую силу и технику противника. Главными объектами были, безусловно, одиночные самолеты врага: боевые, транспортные, связные. "Охотник"

внезапно наносил удар и внезапно выходил из боя, что действовало ошеломляюще, наводило панику, держало врага в постоянном напряжении, изматывало его силы. "Охотники" дезорганизовывали движение по дорогам и создавали угрозу для полетов самолетов.

Лучшими летчиками-"охотниками" считались Георгий Баевский и Петр Кальсин.

Первый - воспитанник аэроклуба Дзержинского района города Москвы, выпускник одной из школ военных летчиков. Еще во время учебы он проявил незаурядные способности - успешно окончил школу и получил звание летчика-истребителя. По установившейся традиции его, как лучшего выпускника, оставили летчиком-инструктором.

Откровенно говоря, не совсем по душе ему была такая работа. Но он понимал: боевым полкам нужны летные кадры, потому трудился на совесть. Десятки его питомцев ушли на фронт, стали умелыми воздушными бойцами. Наконец и его, Баевского, настал черед. Добился-таки, чтобы послали на фронт в боевой авиаполк.

У второго - своя судьба. Сын колхозника. Уроженец Оричевского района Кировской области. Учился в средней школе, там же вступил в комсомол. Окончил агрономические курсы и вплоть до поступления в военную школу летчиков работал агрономом в родном селе. Кто знает, не будь войны, возможно, стал бы известным селекционером.

Война все перевернула. Кальсин взялся за оружие, научился управлять истребителем.

...Пара Ла-5 на большой скорости и бреющем полете пересекла линию фронта.

Под крылом замелькали немецкие окопы, замаскированные танки и машины. Обо всем замеченном немедленно передано по радио командованию. Поиск продолжался.

Высота 100-150 метров. "Охотники" зорко следили за землей и воздухом.

Обнаружив на шоссе вражеский обоз, атаковали его, потом ударили по колонне грузовых автомашин противника. Три запылали, две свалились в кювет. Начало "охоты" оказалось удачным. Вскоре летчики взяли курс на большой фашистский аэродром.

Временами попадают в снежные заряды. Придерживаются линейных ориентиров, обходят стороной крупные населенные пункты. Жмутся к самой земле. Вот и аэродром. Над ним чуть правее в белесоватой пелене дымки мелькнул силуэт "Фокке-Вульфа-189". Разведчик. Цель лучше не придумаешь! Два фюзеляжа со сквозным хвостовым оперением и два мотора

позволяли этой машине производить в бою завидную маневренность. Не многим летчикам удавалось сбивать ее.

Баевский первым заметил врага и передал ведомому по радио:

- Впереди "рама", иду в атаку!

Он решил нанести удар сзади, снизу. Дал полный газ и ринулся на врага. Под крылом замелькали стоянки вражеских самолетов. Горка! Быстро сокращается расстояние.

Экипаж ФВ-189 не ожидал нападения. Гитлеровцы, увлекшись расчетом на посадку, очевидно, не заметили советских истребителей на пестром фоне земли. Близость своего аэродрома и плохая погода усыпили их бдительность. Они безмятежно продолжали полет.

Хорошо видны две балки-"сигары" фюзеляжей, кресты на них. Еще ближе, ближе... Фашист заметил, он попытался ускользнуть, но тщетно. Баевский успел нажать на гашетку. Меткая трассирующая очередь оборвалась на застекленной кабине "фокке-вульфа".

Вражеский самолет вспыхивает. Неуклюже кренится вправо, делает какой-то странный, нелепый полукруг и падает. Но его стрелок успел выпустить ответную длинную очередь по атаковавшему. Баевский почувствовал, как по самолету прокатилась дрожь. Мотор начал давать перебои, а машина терять скорость и высоту. Летчик подвигал сектором газа. Нет, не помогло. Из-за ножных педалей в кабину клубами ворвался дым, запахло удушливой гарью. Тревожная мысль: "Подбит!" Стало жарко. Приоткрыл фонарь - дым выхватило потоком воздуха. За хвостовым оперением машины потянулся черный шлейф. Самолет загорелся. Он плохо слушался рулей. Как быть? До своих не дотянуть.

Самолет быстро терял высоту. Прыгать с парашютом - малая высота. Да и некуда. Под самолетом земля, занятая врагом. Баевский испытал тревожное для летчика ощущение внезапно наступившей непривычной тишины - совсем отказал мотор. Винт замер. Тогда он протянул руку к пожарному крану и перекрыл доступ бензина.

- Кальсин! - услышал Петр знакомый голос в наушниках. - У меня подбит мотор. Иду на вынужденную, прикрывай.

Огонь от пылающего мотора уже в кабине. Он добирается до ног, горят меховые унты, тлеют меховые брюки. Языки пламени лижут шею, подбородок. Едкий дым с воздухом втягивается легкими, затрудняя дыхание.

Напрягая волю, летчик приложил все умение, чтобы как-нибудь добраться до местности, пригодной для посадки. Быстро

осмотрелся вокруг. Рядом с аэродромом дымят обломки "рамы". Шасси выпускать нельзя.

С трудом выровнив истребитель, Баевский сажает горящую машину с убранными шасси на фюзеляж рядом с вражеским аэродромом, километрах в восьмидесяти за линией фронта.

От соприкосновения раскаленного мотора со снегом и сырой землей поднялся столб пара. И дым и пар закрыли перед летчиком небо. Освободившись от привязных ремней и лямок парашюта, он почти ощупью живым факелом покинул кабину. Тут же метнулся в сторону от самолета. Вот-вот начнут рваться снаряды и бензобаки.

Горят брюки, куртка. Летчик отбежал в сторону и стал быстро размахивать руками, прихлопывая себя по бокам, груди и ногам, пытаясь погасить пламя. Убедившись, что пламя ему не потушить, Баевский сбросил их, остался в одной гимнастерке и шерстяных носках. От холода побежали мурашки по спине.

"Бежать надо от аэродрома противника", - сверлила мозг одна мысль.

Находящийся в воздухе Кальсин видел, как сел горящий самолет, как из него выскочил Баевский.

Распластав крылья, "ястребок" лежал на пахоте. Окутанный густым темным дымом невдалеке догорал сбитый "Фокке-Вульф-189". К горящим самолетам уже бежали люди.

Как спасти командира?

Советские летчики не оставляют друга в беде. Решение созрело быстро. Кальсин сделал над полем крутой вираж, выискивая место для посадки. Вначале зашел поперек борозд. Баевский тут же замахал шлемофоном - нельзя, мол, уходи, скапотируешь. Это понял и сам Кальсин, успевший разглядеть крупные отвалы земли. Развернулся он, по дыму определил направление ветра и стал заходить на посадку. В первый раз промазал. Площадка была слишком мала для Ла-5. Пришлось выполнить второй заход.

Бьют вражеские зенитки. Кальсин понимает, что посадка на пахоту опасна. Только бы не поломать шасси, так рассчитать, чтобы сесть поближе к самолету командира. Он осторожно подвел машину к земле. Мгновение - и "лавочкин", запрыгав на неровностях, резко затормаживаясь в вязком грунте, остановился. Откинув фонарь кабины, Кальсин отчаянно замахал командиру рукой. Тот подбежал.

Оба прекрасно понимали всю сложность обстановки. Трудно было сесть, но как взлететь с человеком на борту одноместного истребителя? С мягкого грунта? А тут еще впереди паутина высоковольтных электрических проводов. Кальсин оглянулся.

Совсем уже близко бегущие к ним люди. Сомнения нет, это немецкие солдаты, Они размахивают автоматами, стреляют по самолету. Медлить нельзя.

- Давай быстрей сюда! - позвал Кальсин,

- Куда? - не понял Баевский.

- Сюда! - и показал за спину.

Командир втиснулся в кабину, между бронеспинкой и спиной пригнувшегося Петра. Мотор ревет на полных оборотах. Самолет поднимает хвост, но с места не трогается. Винт погнут, машину трясет. А впереди небольшой ров - значит взлетать придется в обратном направлении.

Надо развернуть машину на 180 градусов.

Баевский выскочил из кабины, бросился к хвосту, подхватил стабилизатор, малость приподнял хвост и развернул самолет в нужном направлении. Откуда и сила взялась.

- Садись, - крикнул Кальсин, показывая на фюзеляж.

- Вот чудак, - обругал себя Баевский. - Совсем забыл о люке. Сюда же техники ставят аккумулятор.

Тугой замок люка обычно открывают с помощью отвертки. Он открыл его ногтями, только кровь брызнула. А теперь голову в люк. Руками взялся изнутри за шпангоуты фюзеляжа, ногами уперся в снег и попытался раскачать самолет.

Совсем рядом огромной силы взрыв. Это раскаленные огнем бензобаки машины Баевского. Кальсин смахнул рукавом пот со лба. Выпустил посадочные щитки и, послав сектор газа вперед до отказа, энергичными движениями руля поворота помог раскачать самолет. Мотор взревел да самой высокой ноты.

Самолет потянуло было на нос, затем он тронулся с места, и, как бы радуясь тому, что наконец-то есть возможность вырваться из плена, начал разбег. Меняя направление, он бежал по неровной, покрытой снегом вперемежку с вязким черноземом площадке, не в силах оторваться, каждую секунду готовый сбить шасси и скапотировать. Но, видно, не для того совершил Кальсин эту посадку, чтобы не взлететь. Высокое летное мастерство помогло сделать, казалось, невозможное - одноместный истребитель с двумя летчиками на борту на глазах ошалевших фашистов оторвался от земли, каким-то чудом перемахнул через провода и на бреющем полете скрылся.

На аэродроме с нетерпением ждали возвращение летчиков. Горючее уже на исходе, а самолетов-то нет. Погода все хуже. Где же пара? Что могло случиться? Однополчане то и дело, словно сговорившись, нетерпеливо поглядывали на часы.

Из штабной землянки вышел Зайцев. С трудом скрывая волнение, он напряженно смотрел в ту сторону, откуда должны

были появиться истребители. Их не было.

Но вот послышался и с каждой секундой стал нарастать знакомый густой металлический рокот мотора. Ровный, без тяжелых переливов. По ритму его работы и звуку можно было безошибочно определить, что летел Ла-5. Кто-то обрадованно воскликнул:

- Идут!

Чуть выше горизонта обозначилась точка. Быстро увеличиваясь, она приобрела знакомые контуры самолета.

- Один вернулся... - тихо произнес начальник штаба гвардии подполковник Калашников.

- Кажется, Кальсин, - высказал предположение старший инженер.

- Так и есть, он, - подтвердил гвардии майор Лавейкин, ставший заместителем командира полка.

Огромный номер на фюзеляже убедил ожидавших, что это действительно самолет Петра Кальсина. Тревожное чувство охватило всех, кто находился на земле. Где же Баевский? Неужели погиб? Люди помрачнели, притихли.

Истребитель сел и подрулил на стоянку. Люди побежали к нему. Мотор выключен, шум замер. Кальсин открыл фонарь, привычным движением расстегнул и откинул назад плечевые ремни, подтянулся на руках и спрыгнул с плоскости.

Вездесущие техники оказались рядом раньше всех. Кто-то из них оповестил:

- Баевский здесь!

- Баевский спасен! Баевский жив! - пронеслись по стоянке ликующие возгласы.

Обгоревшего летчика бережно вытащили из фюзеляжа и положили на носилки. Прямо с аэродрома отправили в госпиталь. А Кальсина похлопывали по плечу, тискали в крепких объятиях. Затем подхватили. И вновь отважный летчик очутился в воздухе, но теперь подбрасываемый боевыми товарищами.

- Не надо, братцы! Что вы делаете? - отбивался он. Его не отпускали. Так на руках и донесли до землянки.

Потом во всех полках дивизии были проведены митинги под лозунгом: "Воевать так, как воюет Кальсин!"

Командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Р. Я. Малиновский издал по фронту специальный приказ.

"...Отмечая блестящий подвиг летчика гвардейского истребительного авиационного полка гвардии лейтенанта Кальсина П. Т. и образцы мужества, отвагу, хладнокровие гвардии старшего лейтенанта Баевского Г. А., самоотверженно выполнивших свой долг перед Родиной, приказываю:

1. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками при выполнении боевого задания наградить орденом Красного Знамени:

- гвардии лейтенанта Кальсина Петра Терентьевича,

- гвардии старшего лейтенанта Баевского Георгия Артуровича.

2. Учитывая, что гвардии лейтенант Кальсин лично сбил 16 самолетов противника, командующему 17-й воздушной армии представить материал на присвоение Кальсину П. Т. звания Героя Советского Союза.

3. Приказ объявить всему личному составу частей фронта".

В этот же день вечером однополчане собрались на товарищеский ужин. Командир дивизии, приветствуя героя, преподнес ему именной торт. Участники самодеятельности исполнили в его честь несколько фронтовых лирических песен, прочитали стихи.

Вскоре Кальсин получил письмо от отца Баевского. Тот писал:

"...Я, отец вашего товарища Георгия Баевского, услышав по радио и прочитав в газетах о ваших схватках с фашистскими стервятниками, желаю вам доброго здоровья и дальнейших боевых успехов. Бейте гадов и непременно живите, помня, что умереть легче всего, а вот жить и уничтожать врага много труднее. За спасение сына приношу вам искреннюю отцовскую благодарность. Героизм и мужество личного состава вашего полка свидетельствуют о том, что никакие хитрости врага не застигнут наших соколов врасплох и что любое задание советского командования вами будет выполнено только на отлично. Жму руку вам, бесстрашному советскому соколу, и желаю дальнейших боевых успехов во славу нашей любимой Родины...".

Не пришлось Петру Кальсину отпраздновать День Победы. 20 декабря он вылетел в составе четырех Ла-5 на свободную "охоту" в район Шолохово Чкалово - Никополь. Юго-восточнее Шолохово Кальсин и Васильев зажгли на земле самолет Ю-52, производивший заправку горючим, а Макаренко сбил одного ФВ-190. По дороге Никополь - Алексеевка подпалили четыре грузовых автомашины, разбили несколько повозок.

При возвращении наших летчиков пытались атаковать четыре Ме-109. Гвардии майор Лавейкин и его ведомые резко развернули свои машины, однако "мессершмитты" боя не приняли, стали уходить в юго-западном направлении.

Кальсин не мог спокойно смотреть на уходящего врага. Прибавив скорость, один бросился его преследовать. В считанные секунды Ла-5 скрылся в темно-серой облачности. Когда все

самолеты возвратились на аэродром, стоянка летчика Кальсина осталась незанятой. Долго ждали его. Но самолет так и не появился.

"Кальсин не вернулся" - эта печальная весть быстро разнеслась по полку. Только восемь дней назад бесстрашный воин-патриот совершил подвиг. И вот его нет. В столовой стояла гнетущая тишина. Не слышно было обычных шуток и громких возгласов.

А может, он не погиб? Сколько раз ему приходилось уходить от смерти! Но пустое место за дощатым столом снова и снова напоминало о случившемся.

А Георгий Баевский, которому Петр Кальсин спас жизнь, дал слово жестоко отомстить врагу за гибель друга. Слово свое он сдержал.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1944 года гвардии старшему лейтенанту Баевскому Георгию Артуровичу и гвардии лейтенанту Глинкину Сергею Григорьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. Из штаба фронта отважным героям пришла телефонограмма.

"Военный совет фронта поздравляет вас с высокой правительственной наградой - присвоением звания Героя Советского Союза. Желаем успеха в дальнейшей боевой работе по окончательному разгрому немецких захватчиков.

Малиновский, Желтов, Лаек."

Весна на Украине в 1944 году пришла раньше обычного. Уже к концу января начал таять снег. Часто лили дожди, реки выступили из берегов. Проселочные дороги стали непроезжими, многие полевые аэродромы пришли в негодность.

В феврале полк участвовал в разгроме крупных группировок гитлеровцев в районе Никополя - Кривой Рог.

Несмотря на сильную распутицу, наступление главных сил фронта развивалось высокими темпами. Закончилось оно выходом наших войск в район Апостолово, где находилась главная база снабжения 6-й немецкой армии. Войска Никопольского плацдарма фашистов были поставлены в крайне тяжелое положение. Мощным танковым кулаком, обрушившимся на немецкие укрепления, и одновременно ударом нашей авиации и артиллерии оборона противника была разорвана и смята. Так были освобождены важные в экономическом отношении города Никополь и Кривой Рог.

"Комсомолец Дальстроя".

В полк прибыло пополнение из Борисоглебского летного училища имени В. П. Чкалова. Крепкие, сильные ребята.

Прошло совсем немного времени, и фамилии молодых летчиков стали появляться в журнале боевых действий полка. Командир и комиссар были довольны тем, что пополнение быстро вступило в пору боевой зрелости.

Вскоре на одном из фронтовых аэродромов по поручению Центрального Комитета Ленинского комсомола секретарь Днепропетровского обкома ЛКСМУ товарищ Остапец от имени комсомольцев-дальневосточников вручил летчикам Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Попкова эскадрилью боевых самолетов, приобретенную на личные сбережения.

В час дня весь личный состав полка построился на аэродроме. Перед строем пронесли гвардейское знамя и установили на правом фланге. Поблескивая свежей краской, на краю аэродрома стояли новенькие "лавочкины", на фюзеляжах которых большими буквами было написано "Комсомолец Дальстроя". На торжество прибыли командир корпуса Аладинский, командир дивизии Осадчий, начальник политотдела дивизии Россохин и гости от братских 106-го и 107-го гвардейских авиаполков.

Четко раздаются слова начальника штаба Калашникова, рапортующего о готовности полка к приему самолетов. Командир корпуса здоровается с полком. Обращаясь к личному составу, он говорит:

- Сегодня по поручению ЦК ВЛКСМ вашему полку вручается эскадрилья боевых самолетов "Комсомолец Дальстроя". Надеюсь, что это высокое доверие комсомола и командования вы оправдаете с честью, будете громить и уничтожать на этих грозных самолетах ненавистного врага, как ваш командир дважды Герой Советского Союза Зайцев и славная семья героев вашего полка.

Генерал закончил свое выступление приветствием в честь Ленинского комсомола.

Остапец от имени ЦК ВЛКСМ, комсомольцев Дальстроя, комсомольцев и молодежи Днепропетровщины горячо приветствовал всех и рассказал о самоотверженной работе молодежи в тылу страны. Высоко оценив боевые успехи полка, благодарил летчиков-гвардейцев, весь личный состав за освобождение советской Украины.

После его выступления знамя внесли на середину строя. Начальник штаба полка стал поочередно вызывать командиров экипажей для вручения самолетов. Один за другим к столу подходили летчики и, расписавшись в получении самолета "Комсомолец Дальстроя", принимали из рук секретаря обкома формуляры. Они заверили командование и комсомольцев

Дальстроя, что будут еще лучше воевать.

Орденоносец Константин Евстратов заявил: "Летая на своем самолете, буду драться, как Попков и Глинкин, как дрались за Запорожье, Днепропетровск и Кривой Рог".

У всех были те же мысли. У всех одно желание - ответить комсомолу новыми победами над фашистскими летчиками. Капитан Жданов сказал: "Самолеты комсомольцев дальневосточников вручены гвардейцам в надежные руки". Свое выступление он закончил словами: "Смерть немецким оккупантам!"

После выступления начальник политотдела дивизии передал секретарю обкома письмо личного состава полка на имя комсомольцев Дальстроя.

Митинг закрыл генерал Аладинский, заверив делегацию, что доверие Ленинского комсомола будет оправдано в боях за Родину.

Как радовались летчики, получившие самолеты! Сиял и командир эскадрильи - большая честь летать на этих машинах.

В боях на правом берегу Днепра командир первой эскадрильи Виталий Попков увеличил личный боевой счет до тридцати сбитых фашистских самолетов. Отмечая это, фронтовая газета писала:

Слава тебе, герой воздушных баталий,
Наш бесстрашный истребитель Попков Виталий!
Тридцатый сбитый фашистский самолет
Вот его мести грозный счет!

Во время войны Алексей Толстой сделал такую запись: "В воздушном бою нет шаблона. Каждый бой - новый, каждый бой - искусство". Эти слова как нельзя лучше характеризуют стиль отважного летчика-истребителя Виталия Попкова.

...В первой эскадрильи случилось непредвиденное - нелепо погиб летчик Владимир Барабанов.

Тяжелая боевая работа научила наших людей ценить своих товарищей. Даже победа в бою, если она достигалась гибелью однополчанина, не приносила удовлетворения.

Тем более случайная потеря летчика, сбившего одиннадцать самолетов врага, особенно непростительна.

Тяжелее всех было командиру эскадрильи. Он считал, что здесь в какой-то степени есть и его вина. Попков не искал оправданий. Значит, что-то было упущено в обучении, и это "что-то" привело к гибели боевого друга.

Сейчас он думал о судьбе оставшихся и, в частности, о судьбе "отвергнутого" летчика Евгения Сорокина. Судьбу Сорокина, истребителя с хорошими задатками, решал сейчас он. Его слово

командиру полка определяло, останется Сорокин летчиком или уже никогда больше не поднимется в воздух. Попков знал, как трудно заставить себя в этих случаях принять правильное, объективное решение. И он принял его - взял Сорокина к себе ведомым.

Доверие командира тот оправдал с честью. Со временем пришло и признание. Он стал уважаемым членом боевой семьи гвардейцев. В воздушных боях Сорокин сбил семь вражеских самолетов, стал старшим лейтенантом, кавалером трех боевых орденов.

5 апреля 1944 года Василия Александровича Зайцева назначили заместителем командира дивизии.

С грустью провожали однополчане любимого командира.

Перед тем, как расстаться, собрались в последний раз вместе, вспомнили Ивана Сытова, Петра Кальсина. Много было пройдено фронтовых дорог. Все дальше и дальше шла наша армия.

- За встречу в Берлине! - улыбнулся Зайцев и поднял над столом жестяную кружку.

Перед тем, как ему уехать, все, по старому русскому обычаю, присели на дорожку. Он поднялся первым.

- Ну...

И не договорил, вышел из землянки прямой, высокий.

10 апреля 1944 года врага изгнали из Одессы. Освобождена жемчужина южной Украины, важный промышленный район страны, крупный порт на Черном море. Полк перелетел на аэродром, расположенный в районе железнодорожного узла Раздельная. Отсюда производили боевые вылеты за Днестр.

Впервые под Одессой летчикам пришлось выполнять необычные полеты. В тылу наши саперы специально построили и оборудовали учебные полигоны и опорные пункты по типу тех, что были у противника. Там наземные части днем и ночью учились штурмовать укрепленные позиции неприятеля, вести наступательный бой применительно к обстановке предстоящего сражения. Там же отрабатывалось взаимодействие стрелковых подразделений между собой с другими родами войск, в том числе с авиацией. Над полигоном непрерывно "висели" штурмовики, и вместе с ними работали наши истребители. Авиация и наземные войска готовились к наступательным боям.

Большим праздником было 25 мая 1944 года, день, когда исполнилась четвертая годовщина образования полка. Пришла приветственная телефонограмма от командования авиакорпуса и дивизии. Вечером после напряженного боевого дня личный состав собрался на торжественное собрание. Внесли гвардейское знамя. Прозвучала команда "вольно". Все сели. Стало тихо. Только

грозный гул артиллерии слышался в зале - фронт был совсем близко.

В июне на нашем участке стало потише. Полк перешел к выполнению полетов на свободную "охоту". На рушал железнодорожные и автомобильные перевозки, производил разведку, выявлял важные цели для себя и для работы штурмовиков.

8 июля под вечер из штаба дивизии получили информацию о том, что на станции Кайнари разгружаются два железнодорожных эшелона. В разведку направились летчики Попков и Полетаев. В случае чего они должны были вызвать по радио звено истребителей, находившихся в готовности номер один с подвешенными бомбами.

Попков пересек линию фронта на высоте 2000 метров. Впереди показалась станция Кайнари. На ее путях стояло четыре железнодорожных состава с крытыми вагонами и цистернами. Без паровозов. Те стояли под парами на южной стороне станции. Спикировав до восьмисот метров, пара истребителей сбросила четыре стокилограммовые бомбы на составы, затем двумя заходами штурмовала паровозы.

- Выходите, работа есть! - передал по радио Попков, возвращаясь на свой аэродром.

С аэродрома вылетела четверка "лавочкиных", ведомая Глинкиным, Курочкиным, Мастерковым и Филипповым. Глинкин принял решение зайти к станции с юга, чтобы лучше осмотреть оттуда участки железной дороги. Как оказалось, не напрасно. Он обнаружил железнодорожный эшелон с паровозами в голове и в хвосте. Сразу же по радио передал команду на штурмовку.

Сброшенными бомбами - "сотками" - Глинкин и Курочкин разбили четыре вагона, в которых, судя по характеру взрыва, находились боеприпасы. Затем, зайдя по ходу движения эшелона под углом десять - пятнадцать градусов, первыми же очередями повредили паровоз. Пара Мастеркова с высоты пятисот метров бомбила и штурмовала второй эшелон. Вскоре к ней на помощь пришла и пара Глинкина. Эшелон противника как раз шел на подъем, и наши истребители штурмовали его с бреющего полета.

Паровоз встал, окутанный паром. Из вагонов выскакивали немецкие солдаты и в панике разбегались кто куда.

Собрав звено, Глинкин направился домой. Не доходя станции Злоть, он заметил вражеский эшелон примерно из сорока вагонов. Снова атака всей четверкой, и снова загорелись две нефтеналивные цистерны.

Боевой вылет был последним...

26 июня 1944 года на аэродром не вернулись два Алексея из

третьей эскадрильи: гвардии старший лейтенант Ворончук и его ведомый гвардии лейтенант Федирко.

Полк базировался севернее станции Раздельная, около деревни Наливайко. Утро не предвещало ничего плохого. Командир звена Алексей Ворончук до выполнения боевого задания в паре с лейтенантом Александром Трутневым, летчиком нового пополнения, недалеко от аэродрома провел учебный воздушный бой.

Тридцать минут они дрались с переменным успехом. Но стоило только Ворончуку преднамеренно допустить в технике пилотирования небольшую ошибку, как Трутнев удачно атаковал. Машина командира звена оказалась в прицеле молодого лейтенанта.

Ворончук предпринимал отчаянные попытки "вырваться" из-под "обстрела", но все его усилия были тщетны.

Трутнев умело повторил все сложнейшие эволюции, все фигуры, которые выполнял самолет командира звена. Оторваться от наседавшего лейтенанта так и не удалось. Сообщив по радио об окончании "боя", оба летчика посадили свои машины на аэродром, зарулили на стоянки.

Первыми, кто поздравил Трутнева с "победой", были техники и специалисты его экипажа: Гайваронский, Фомин, Стародубцев и Синюхин.

Вскоре Александра Трутнева наградили первым боевым орденом.

Подошло время второго завтрака. Подталкивая друг друга, с шутками, летчики ввалились в землянку, где в белых передниках официантки из БАО хлопотливо раскладывали привезенный на машине завтрак.

Запищал зуммер полевого телефона. В трубке голос начальника штаба полка Калашникова:

- Товарищ Ворончук!

- Слушаю вас, товарищ гвардии подполковник.

- Есть задание. Возьмите карту.

Пришлось отложить в сторону бифштекс, проворно снять висевший на гвозде обтесанного столба планшет и поднести его к столу, на котором стоял телефон.

- Двумя Ла-пять с подвешанными на каждом самолете двумя "сотками" надо произвести разведку боем. Противник усилил железнодорожные перевозки по маршруту Бессарабовка - Кайнари. Нашли на карте?

- Да, - ответил Ворончук. Район полета он знал хорошо, эти населенные пункты тоже были знакомы ему.

- После Кайнари загляните в Каушаны. Ведущим пойдете вы,

а ведомого подберите по своему усмотрению. Задание ответственное. Вылет по готовности, но не позднее одиннадцати ноль-ноль. Все ясно?

- Все.

И летчик повторил задание, детализируя технику его выполнения по этапам. Во многом выполнение его походило на полет эскадрильи, проведенной тремя днями раньше, на штурмовку станции Кайнари.

- Возражений нет? Готовьтесь. - На другом конце провода послышался протяжный гудок отбоя.

Войска 3-го Украинского фронта готовились к летнему наступлению, поэтому полку все чаще ставились боевые задания по разведке боем железнодорожных и шоссейных перевозок противника.

Ворончук посмотрел на часы. На подготовку оставалось двадцать минут.

Кого взять с собой? Он остановился на старшем летчике звена гвардии лейтенанте Алексее Федирко.

Три дня назад при штурмовке важного железнодорожного узла Кайнари, когда Ворончук возглавлял восьмерку Ла-5, Федирко заслуженно был отмечен на разборе полета.

И перед глазами пронеслись, словно кадры кино, фрагменты предыдущего полета.

...Высота 6000 метров. Восьмерка Ла-5 - у каждого под крыльями по две стокилограммовые фугасные бомбы - движется к цели. Впереди показались Кайнари - крупный населенный пункт, а вот и станция. Она забита железнодорожными составами с танками, орудиями, машинами.

- Атакуем, - передает команду по радио Ворончук и тут же переводит машину в пикирование. То же самое делает его ведомый Федирко, затем вторая, третья и четвертая пары. Скорость быстро нарастает. Ведущий группы немного доворачивает самолет вправо. Теперь нос его машины направлен в середину скопления эшелонов. Пора!

Он тянет ручку управления на себя. Сразу же инерционные силы прижимают его к бронеспинке. Легкое нажатие на электрическую кнопку сброса, и бомбы летят вниз. Освободившись от груза, машина резко идет в набор высоты. Его маневр повторяют ведомые.

Надо оглядеться. Убедиться, что все летчики сбросили бомбы. Через несколько десятков секунд следуют сильные взрывы - в небе обломки, земля и клубы черного дыма. Теперь снова вниз. За ним неотступно следуют его ведомые. "Молодец Федирко", - думает Ворончук.

Прикрывая друг друга, пара за парой поливают свинцовым огнем пушек составы, паровозы, заметавшихся фашистов. Не обращая внимания на сильный зенитный заслон, производят пять заходов. Пора уходить домой. Команда "Сбор"!

А на земле продолжаются взрывы вагонов с боеприпасами, техникой и живой силой противника. Огненное пламя охватывает по крайней мере три из шести составов с паровозами. Стволы вражеских зениток раскалены докрасна.

Позже пара истребителей-разведчиков засняла на пленку результаты работы. Все шестнадцать стокилограммовых бомб, сброшенные прицельно, точно легли в цель. Да плюс пять штурмовых заходов всей группы.

...А теперь этот вылет.

- Полет будет выполнен так же, как при штурмовке станции Кайнари. Ведь он был удачным, не правда ли?

- Еще бы, - засмеялся Федирко, заправляя в планшет новую полетную карту.

- По самолетам.

Запустив и прогрев моторы, парой порулили на старт. Ворончук передал по радио своему ведомому:

- Взлетаем!

Не думали оба Алексея, что это будет их последний боевой вылет. Два тяжело нагруженные бомбами Ла-5 с набором высоты летели в сторону Днестровского лимана. Пересекли устье Днестра, довернули вправо, взяли курс на станцию Бёссарабовка. Здесь летчики насчитали два эшелона с крытыми вагонами и нефтеналивными цистернами.

Все шло хорошо. Аэродром поддерживал с самолетами устойчивую связь. В динамике раздавались команды Ворончука: "Пошли, Леша! Видишь знакомые Кайнари, там железнодорожные составы. Кинем туда свои "сотки"! Так, а теперь на бреющий... Дадим дыму тому составу... Так ему... А-а-а, черт!.."

И тут радиосвязь с ними прекратилась.

Прошло несколько томительных минут. В динамике снова голос Ворончука:

- Леша! Мотор сдал, иду на вынужденную, выручай! - И опять нет связи.

Позже стали известны подробности этого полета.

Сброшенные летчиками четыре "сотки" попали в скопление железнодорожных составов. Сила одного взрыва была так велика, что ее волной подбросило Ла-5. Летчики с трудом удержали машины в горизонтальном полете. Стали штурмовать составы огнем своих пушек. При очередном заходе для атаки плотный шквал спаренных "эрликонов", установленных на передней

платформе эшелона, повредил мотор машины Ворончука. Тут же за самолетом потянулся черный след дыма, появился запах горящего масла. Считая, видимо, что с ведущим кончено, фашисты перевели огонь на самолет ведомого.

Ворончук попытался сбить пламя. Несколько раз бросал машину из стороны в сторону, стараясь придать ей скольжение, но сбить пламя не удалось. На смертельно раненном самолете потянул к линии фронта. Пролетел километров пятнадцать-двадцать. Мотор начал резко сбавлять обороты, тяга винта упала, а с ней стала гаснуть и скорость. Самолет пошел вниз. Справа какое-то селение, слева поле. Нос подбитого самолета направлен туда. И вот тут-то ведущий пары по радио попросил напарника выручить его. Ла-5 уже не садится, а буквально падает на поле. Ворончук осмотрелся. Кругом окопы. Он понял, что приземлился между второй и третьей позициями обороны противника. Вылез из кабины мигом и, не снимая парашюта, побежал в сторону.

"А Федирко?" - мелькнула мысль. Тут же рядом появился Ла-5 ведомого. Мотор работал на малом газу.

- Скорее, скорее! - замахал Федирко.

Ворончук побежал к нему. А с противоположной стороны к самолету уже устремились два солдата с автоматами на груди.

Ворончук одной рукой открыл крышку бокового люка, а второй выстрелил из пистолета по солдатам. Солдаты залегли, по-пластунски поползли к ним.

Ворончук в фюзеляже, и тут же машина Федирко пошла на взлет. Дорога каждая секунда: со всех сторон гитлеровцы.

Самолет бежал по увлажненной полоске молодого буряка. Ворончуку уже казалось, что они благополучно приземлятся на своем аэродроме. Но случилось иначе.

Уже колеса самолета вот-вот должны были оторваться от земли, когда летчики почувствовали сильный удар. Машину, словно большим рычагом развернуло влево - подвернулась левая нога. В последний момент налетели на межевой столб.

Так оба Алексея очутились в немецком плену.

На мотоциклах их доставили в штаб.

"Вот и отлетались! Фашистская неволя!" - эта мысль не давала покоя.

- Господа офицеры, - заговорил гитлеровец на русском языке, - Вы должны быть счастливы, что война для вас кончилась. Мы вас отправим в глубокий тыл - в дом отдыха.

Начались допросы. Фашисты шли на разные уловки, чтобы получить интересующие сведения. Гитлеровская контрразведка предлагала служить в немецкой авиации. Потом наших летчиков посадили в одиночные камеры. Опять начались допросы. Федирко

говорили, что его ведущий согласился служить фюреру, Ворончуку заявляли то же самое про ведомого. Гвардейцы объявили голодовку. За неповиновение их перевели в карцер, а через несколько дней посадили в товарные вагоны и повезли на запад. Скитаясь из лагеря в лагерь, они очутились, наконец, в Кляйнкенигсберге.

Им выдали арестантскую одежду, а вместо сапог - деревянные колодки. Фамилии заменили порядковыми номерами.

Обнесенный рядами колючей проволоки лагерь с низкими бараками и сторожевыми вышками располагался за городом. Он предназначался для военнопленных летчиков и славился особенно строгим режимом и каторжным трудом. Истощенных людей заставляли таскать пятидесятикилограммовые мешки с цементом.

Кормили один раз в день - выдавали двести граммов эрзацхлеба, полугнилого, наполовину с опилками, и литр похлебки из кормовой брюквы. За малейшие нарушения строго наказывали, за попытку к бегству расстреливали.

Вскоре заключенные стали свидетелями побега группы военнопленных во главе с известным летчиков Героем Советского Союза подполковником Николаем Ивановичем Власовым.

В осенний холодный день сорок четвертого года команда летчиков прокладывала водопроводную магистраль. Таскали чугунные трубы. До конца работы оставалось полчаса, когда Власов и еще несколько человек напали на часовых, обезоружили их и бросились вплавь через реку, скрылись в кустарнике. Пока охранники приходили в себя, пока фашисты мчались к мосту, чтобы попасть на ту сторону реки, беглецы уже были далеко...

Оставшихся в лагере пленных загнали в бараки и устроили перекличку. Не досчитались двенадцати человек. Два дня не выгоняли на работу. На третий день во двор въехала крытая машина. Из нее выбросили трупы и вытолкнули пойманных со связанными за спиной руками. Изуродованные лица, изодранная одежда. Босые стояли они в ледяной луже под дождем. Всех расстреляли.

Начались первые заморозки, а пленные все еще работали под открытым небом - полураздетые, голодные. С работы их пригоняли глубокой ночью. Бараки светились насквозь - такие щели были в стенах. Спали на двухъярусных нарах.

Как-то Ворончук и Федирко лежали и вспоминали, как вместе летали.

- Где-то сейчас наши ребята? - задумчиво спросил Ворончук.

Федирко только вздохнул, достал из потайного кармана чудом уцелевшую записную книжку. В ней была спрятана

фотография жены.

Тут к ним подошел человек, который уже давно присматривался к обоим Алексеям. Разговорились. Оказалось, тоже был летчиком-истребителем.

- Михаил Девятаев, - назвал он себя. Гвардейцы рассказали Девятаеву, как попали сюда.

Он тоже поведал им о своей судьбе.

Служил в дивизии Александра Покрышкина. 13 июля 1944 года, когда начался прорыв сильно укрепленной обороны противника в районе Львова, самолет Девятаева был подожжен в воздушном бою. Языки пламени проникли в кабину, подбирались к бензиновым бакам, которые вот-вот могли взорваться. Видя безвыходное положение, летчик выбросился с парашютом. Наблюдавшие с земли видели, как советского летчика отнесло в глубь территории, занятой фашистами.

- А знаете, ребята, под Львовым полки дивизии Покрышкина действовали совместно с вашим пятым гвардейским полком.

- Так это же было на Первом Украинском фронте! - в недоумении возразил Федирко. - А наш полк действовал на Третьем Украинском.

- Правильно, - подтвердил Девятаев. - В последних числах июня сорок четвертого ваш полк перебазировался с Третьего на Первый Украинский фронт. В воздухе часто слышались радиокоманды, подаваемые ведущими группы вашего полка. Я и сейчас помню отдельные фамилии: Лавейкин, Попков, Шардаков, Глинкин. Здесь у меня есть хорошие друзья. Я вас с ними познакомлю, на них можно положиться, давайте держаться вместе.

Вскоре он познакомил их с Сергеем Вандышевым, Иваном Пацулой и Аркадием Цоуном.

Получилось так, что в бараке собралось двадцать восемь человек, большинство из которых были коммунисты, прошедшие суровую школу войны. Девятаев многих из них знал лично и познакомил с Ворончуком и Федирко.

Однажды как бы невзначай намекнул:

- Сколько же мы будем находиться здесь? Не пора ли, братцы, подумать о том, как нам выбраться отсюда досрочно?

- А как это сделать? - спросил Федирко.

- Мы планчик набросали. Побег будем делать через тоннель, который прокопаем под полом нашего барака, колючей проволокой и забором.

И Девятаев посвятил Ворончука и Федирко в свой план. Живущих в бараке разбили на пятерки, выбрали старших каждой пятерки. Всю подготовку к побегу проводили в строгой тайне.

С помощью котелков, мисок и ложек стали вгрызаться в грунт. Из отдельного куска жести сделали противень, на который укладывали землю и разбрасывали ее под полом барака. Копать приходилось ночью, после вечерней поверки. Прежде чем приступить к работе, снимали с себя одежду, чтобы не выпачкать, не промочить ее, и не вызвать тем самым подозрения у старшины барака или у кого-либо из гестаповцев.

Работали сменами. Чтобы предупредить о внезапном появлении в бараке охраны, расставляли часовых. Чем дальше прорывали тоннель, тем труднее было: проход узкий, копавший землю закрывал своим телом доступ воздуха. Те, что послабее, быстро уставали. Но никто от задуманного не отказывался. Для подстраховки стали привязывать к ноге веревку. Если человек терял сознание, его вытаскивали из тоннеля.

Вскоре "орудия труда" стали выходить из строя, а это могло вызвать подозрение у гестаповцев. Нужна была лопата. Но где ее взять?

Ворончук и Федирко в это время работали на строительной площадке нового лагеря: первый - в команде, возводившей кирпичные фундаменты для служебных помещемий лагеря, второй - на стройке проволочного заграждения. После работы всех, как правило, два раза обыскивали. А лопата не иголка, не спрячешь в складках одежды. Если же гестаповцы обнаружат ее, то наверняка расстреляют.

Весь инструмент на стройке принадлежал фирме, выполнявшей подряд на строительство лагеря. Каждый вечер мастера принимали его от пленных, тщательно пересчитывали, потом докладывали старшему конвоиру. С немецкой точностью.

И все же Федирко удалось перехитрить мастера - добыл лопату. Ворончук потихоньку сбил ее с ручки и спрятал под рубашкой, как ценное сокровище, а во время обыска незаметно от конвоира передал Федирко.

Вскоре стало известно, что всех собираются переселить во вновь сооружаемый лагерь. Он находился рядом.

- Надо ускорить работу, - торопил Девятаев.

Однажды очередная бригада обнаружила, что в туннеле появилась течь. Оказывается, рядом с туннелем находилась старая фекальная яма. Прогнившие от времени доски не выдержали напора, и жидкость просочилась в туннель.

- Откуда такой резкий запах? - недоумевали охранники. На некоторых участников подкопа это подействовало угнетающе. Они прекратили работу.

- Все напрасно. Отсюда нам не выйти.

Но Девятаев, Вандышев, Пацула, Шилов, Федирко, Ворончук

и еще несколько человек спускались каждый вечер в подземелье. Чем отчаяннее становилось положение, тем энергичнее они действовали. Их усилия не пропали даром. Сточные воды с большим трудом удалось остановить.

Днем, проходя по земле, каждый из участников подкопа мысленно пытался представить себе, где находится сейчас граница подкопа. Кто-то предложил обозначить ее прутиком. Так было убедительней. Прутик с каждым днем продвигался все дальше и дальше от барака в сторону колючей проволоки и лагерного забора. Тайный ход уже приближался к границе лагеря.

Еще несколько усилий, и они будут на свободе...

Это вселило надежду даже тем, кто изверился. Люди снова стали копать тайный ход.

Через знакомого врача Девятаеву удалось доставить в барак карты Германии, наклеенные на полушелковые полотнища, ножи, компасы. Все эти вещи летчики тщательно запрятали в тайник.

Туннель все удлинялся. Теперь он протянулся уже на пятнадцать метров. Но тут произошло непоправимое.

Как-то около барака появились два эсэсовца. Тщательно отмерили шагами расстояние и методично застучали ломами. Один из них, пробив верхний слой почвы, провалился в туннель.

В лагере объявили тревогу. Завыли сирены. Построили всех, сделали перекличку. Более двух часов продержали на плацу людей. Взад и вперед перед строем бегал лагерный офицер с четырьмя огромными собаками-волкодавами, ища организаторов подкопа.

Все, словно сговорившись, молчали. Была подана команда: "Построиться в один ряд!" Люди знали, что обычно при таком построении гестаповцы выводят из строя каждого десятого или каждого пятого на расстрел. Но на этот раз только обыскали. Выводили по одному из строя, заставляли раздеваться и складывать одежду. Охранники набрасывались на нее, выворачивали карманы, вспарывали толстые швы и заплаты. Позже разъяренные фашисты загнали людей в барак.

Оказавшись вместе, все как один еще раз поклялись, что никто не выдаст организаторов и участников подкопа и плана побега. Перед тем, как выходить из общего карцера, Девятаев сказал: "Будем ребята, держаться до конца вместе". Начались допросы, побои, пытки. Потом Девятаева с группой перевели в другой лагерь.

Прошло четырнадцать лет. И вот в феврале 1958 года Федирко и Ворончук встретились с Девятаевым, ставшим Героем Советского Союза.

Встреча была радостной и грустной. Вспомнили прошлое.

Девятаев рассказал, как его, Пацулу и Цоуна доставили в наручниках в лагерь Заксенхаузен. Военнопленные заменили личный номер Девятаева на номер умершего солдата Никитенко, а немецкие коммунисты-подпольщики, работавшие в лагерной канцелярии, включили Никитенко-Девятаева в команду, которая была направлена в рабочий лагерь при военном аэродроме, расположенном на острове Неер в Балтийском море. Здесь он вместе с девятью военнопленными совершил побег из плена. 8 февраля 1945 года они убили охранника и, захватив двухмоторный бомбардировщик "Хейнкель-111", перелетели к своим.

Сейчас Алексей Ворончук живет в Киеве, работает в народном хозяйстве Украинской ССР. Неподалеку от него в городе Умани обосновался Алексей Федирко. Трудится на автотехнической станции.

Друзья часто встречаются. Не забывают их и однополчане. Часто пишут, шлют поздравления, приглашают в гости.

Как-то вспомнили об Александре Трутневе.

...Осенью 1944 года третья эскадрилья произвела налет на вражеский железнодорожный эшелон в районе станции Островец. Наши летчики прицельно сбросили каждый по две пятидесятикилограммовые бомбы, затем начали штурмовку.

Тут одна из зенитных батарей противника открыла огонь по истребителям. Искусно маневрируя, Трутнев бросил свою машину в атаку на одно из орудий противника, ведя огонь из обеих бортовых пушек. Орудие смолкло. Высота позволила выполнить маневр с доворотом и атаковать вторую батарею. Скорость нарастала. Земля стремительно двигалась навстречу машине. Батарея снизу взахлеб извергала металл на самолет гвардейца.

Произошла настоящая дуэль. Замолкла батарея, но и самолет взорвался в воздухе. Об этом оба Алексея узнали из рассказов летчиков эскадрилий, как только возвратились в свой полк после освобождения из фашистского плена в мае 1945 года.

Много хороших летчиков потерял полк в битве за Днепр: Алексея Артемьева, Ивана Сытова, Михаила По-техина, Сергея Ефименко, Михаила Тузова, Бориса Жданова, Василия Медведева и других.

11-ю гвардейскую истребительную дивизию в скором времени перебросили на Первый Украинский фронт.

VII. Первый Украинский фронт

Вошел 1944 год в историю Великой Отечественной войны как год мощных ударов Советской Армии по фашистским захватчикам, изгнания их с нашей земли и начала освобождения народов Европы от гитлеровской тирании. Еще весной войска 1-го

Украинского фронта освободили ряд областей Украины.

Сейчас фронт готовился к крупной наступательной операции, чтобы окончательно разгромить врага на территории Украины.

Ожидались ожесточенные бои. 11-я гвардейская Днепропетровская авиационная дивизия в составе 5-го гвардейского и двух других авиационных полков перебазировалась из-под Одессы на аэродром, расположенный на окраине города Луцка. С этого времени началась наша боевая работа в составе 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта, войска которого в конечном счете были нацелены на Берлин.

К началу июля 1944 года войска фронта вышли на рубеж Ковель - Чертков Коломыя, а 13 июля силами 3-й гвардейской и 13-й армии перешли в наступление. Враг оказывал сопротивление, особенно в районе города Горохов. Сразу началась интенсивная боевая работа полка. По пять-шесть раз летчики вылетали на боевые задания, главным образом на сопровождение штурмовиков. Кроме того, вели непрерывную воздушную разведку на глубину восемьдесят - сто двадцать километров, прикрывали наступающие войска над полем боя от ударов вражеской авиации. Мелкими группами, парами, четверками "охотились" в тылу противника, действуя по коммуникациям и ближайшим тыловым резервам, препятствуя немцам совершать переброски к линии фронта как живой силы, так и техники.

Полк пополнялся новыми самолетами Ла-7, обладавшими достаточной дальностью и скоростью полета, а также очень высокой маневренностью.

Было и так.

15 июля 1944 года. Сигнал на взлет ранним утром поднял в воздух истребителей, возглавляемых гвардии капитаном Попковым. Надо было прикрывать наземные войска, перешедшие в наступление северо-восточнее Львова.

Гитлеровское командование, цепляясь за каждый пригодный к обороне рубеж, пыталось любой ценой сдержать натиск наших войск на Броды и Львов. Понимая всю опасность нависшей угрозы, немцы ввели в бой танковую дивизию и другие резервные соединения и части.

Воздушное пространство от Львова до Луцка превратилось в арену кровопролитных боев. Было жарко от разрывов зенитных снарядов и сотен работающих авиационных моторов. Стонала земля от разрывов бомб и грохота танков.

Прибыв в район патрулирования, гвардейцы-истребители сразу же ввязались в воздушную схватку с "мессершмиттами" и "фокке-вульфами". Их было много, очень много. Бой оказался

трудным, длительным. А бензиномеры показывали минимум горючего.

Вот, выбрав момент, прошил меткой пушечной очередью свою жертву командир звена гвардии старший лейтенант Сергей Глинкин. Затем еще три черных следа прочертили летнее голубое небо. Пока шло все хорошо: сбито четыре фашистских самолета и не потеряно ни одного своего.

Летчики знали, что наши воины на земле с тревогой наблюдают за их действиями. Кто окажется ловчее и смелее?

Но что это? Ведущий нашей группы увидел, как пунктир огненной трассы одного из вражеских истребителей лег на самолет Сергея Глинкина, на какую-то долю секунды прервался за кабиной. Машина содрогнулась.

Хлопок белого дыма за хвостом, еще хлопок. И вот уже за краснозвездным "ястребком" потянулся предательский дымовой след. Самолет товарища горел. И хотя Глинкин еще не принял никакого решения и с прежней яростью бил по фашистам, Попкову было ясно - это последние секунды.

- Прыгай, Сергей! - возглас командира группы потонул в суровых звуках воздушного боя.

Пламя усилилось, за самолетом повалил густой черный дым. Прыгать надо! Прыгать! Но Глинкин продолжал полет. Он попытался даже ввести машину в скольжение. Тут перед ним внезапно появился выходивший из атаки фашистский истребитель. И летчики группы увидели, как самолет Глинкина, прибавив скорость, нанес смертельный удар по нему. Взрыв. Обломки развалившихся машин черной тенью полетели к земле.

Парашютистов в воздухе не было - ни нашего, ни фашиста. Значит все...

На аэродром возвращались все, кроме Сергея Глинкина.

Его очень любили в полку. Казалось, все сбитые эскадрильей самолеты противника, вместе взятые, не восполнят потерю боевого друга. Летчики невольно поглядывали на стоянку Сергея. А вдруг случится чудо? Однако после доклада ведущего группы все поняли: надеяться нечего. Глинкин погиб при таране вражеского истребителя. Сам таран был выполнен на горящем самолете. В журнале боевых действий против фамилии гвардии старшего лейтенанта появилась запись: "Не вернулся с боевого задания, погиб при таране Ме-109".

Вечером прямо у командного пункта полка на аэродроме состоялся митинг, посвященный памяти Сергея Глинкина, Выступили его боевые товарищи: летчики, техники, мотористы. Они просили командование, чтобы подвиг командира звена был отмечен, чтобы его имя присвоили первой эскадрилье, в которой

Сергей воевал с первых дней пребывания на фронте. Экстренно выпустили боевой листок с портретом Сергея Глинкина, обведенным траурной рамкой.

А на четвертые сутки из штаба дивизии сообщили, что в районе, где проходил бой группы Попкова, танкисты подобрали летчика-истребителя.

Кого? Неужели Глинкина?.. Все заволновались.

Командир полка попытался было выяснить подробности, где, когда, в какое время, но это оказалось трудным делом. Он махнул рукой и решил послать на своем самолете Ут-2 Героя Советского Союза гвардии капитана Игнатьева и адъютанта первой эскадрильи. Пусть найдут в госпиталях спасенного танкистами летчика.

Самолет Ут-2 - небольшой двухместный моноплан, который использовался для тренировок летчиков. Его так и называли - учебно-тренировочный. Подарен он был Зайцеву за боевые заслуги Главнокомандующим ВВС Маршалом авиации Новиковым А. А. Хорошо отполированный, окрашенный, на боках фюзеляжа масляной краской нарисованы две карикатуры: одна на Гитлера (солдатский сапог дает ему пинка), другая - на Геббельса (орел в полете держит его когтями за воротник).

Нагруженный добротным бортовым пайком, самолет взлетел рано утром с аэродрома и взял курс на Мосты и Броды.

За день были осмотрены почти все полевые и стационарные госпитали и медицинские пункты фронта. Везде задавался один и тот же вопрос: "У вас есть Глинкин?". Сергея нигде не было.

Под вечер один из санитаров, эвакуировавший с поля боя раненых танкистов, сообщил, что вроде бы вспоминает такую фамилию.

Человек, которого как будто бы называли так, - летчик, Герой Советского Союза, отправлен в район Перемышля.

Пришлось немедленно вылететь туда. Там с большим трудом нашли на окраине порода в санитарной палатке раненого летчика. Им оказался гвардии капитан Герой Советского Союза, но фамилия его была не Глинкин, а Глинка. И звали его не Сергеем, а Борисом. То был брат известного летчика-истребителя дважды Героя Советского Союза Дмитрия Глинки.

Оказывается, в то же самое время рядом с эскадрильей Попкова с большой группой истребителей противника дрались на "кобрах" летчики из дивизии Покрышкина. В воздушном бою самолет Бориса Глинки загорелся. Выбросившись с парашютом из горящей машины, Борис ударился о стабилизатор своего же самолете. Наши посланцы посидели немного в палатке и, пожелав Борису Глинке скорого выздоровления, вернулись в полк.

Сергей Глинкин так и не нашелся.

Фронт двигался вперед. Полк перелетел на новый аэродром. Однажды рядом с командным пунктом приземлился санитарный самолет По-2. Из кабины с помощью пилота вышел... Сергей Глинкин!

Лицо, шея, руки, спина его были обожжены. Он хотел что-то сказать, но это ему не удавалось. Стесняясь своей беспомощности, попытался объясниться жестами.

А через час его увезли на том же самолете в авиационный госпиталь для окончательного излечения. Позднее стали известны подробности воздушного боя.

Все было так, как доложили после боевого вылета летчики эскадрильи. Не успел Глинкин выйти из очередной атаки, как его самолет содрогнулся от ослепительно ярких разрывов шквальной очереди вражеского истребителя. И тут же что-то вспыхнуло у пола кабины, раздался частый сухой треск разрывов снарядов, который влился в ровный рев мотора. Летчик почувствовал острую, колющую боль в спине и ноге.

Самолет горел. Пламя жгло руки, ноги, грудь, лицо, ,затронуло волосы. Убедившись, что спасти машину невозможно, летчик нашел в себе силы, чтобы кое-как открыть замок привязных ремней и фонарь. Плотная струя встречного потока подхватила и отбросила фонарь, с силой прижала летчика к бронеспине.

Тут-то перед самым носом и вырос хвост "мессера" с паучьей черной свастикой. Впереди, совсем рядом появился противник, который зажег его самолет! Стиснув зубы, Сергей Глинкин резко послал вперед рычаг сектора газа и одновременно нажал на гашетку пушек. Около двух тысяч лошадиных сил рывком подхватили израненную, горящую машину и понесли ее на врага. Стремительно сокращалось расстояние. Пять метров, три, метр... Теперь уже ничто не в силах предотвратить таран. Страшный треск резанул слух. В глазах поплыли темные круги. Потом все мгновенно куда-то исчезло.

Сознание возвратилось к Глинкину так же внезапно, как пропало. Центробежная сила выбросила его из самолета. Сколько он падал, не помнит. Видимо, встречный поток набежавшего свежего воздуха привел его в чувство.

Сердце билось в груди, в голове шумело. Горизонт продолжал плясать перед глазами. Летчик попробовал нащупать кольцо парашюта. Его не оказалось. А израненная и опаленная войной земля надвигалась на него, словно желая взять в свои объятия. Рванул шланг вытяжного троса, но тот был пришит крепко. Пальцы Глинкина нащупали только конец металлического троса.

Летчик дернул его вниз. Снова потемнело в глазах, теперь уже от динамического удара. Сознание опять покинуло Глинкина. Однако верный помощник - белый купол не подвел.

Приземлился Сергей в беспамятстве. На ничейной полосе, в ста метрах от вражеских позиций. Немцы бросились к нему, чтобы захватить живым. Но наши пехотинцы открыли дружный огонь из пулеметов и автоматов, а затем и из минометов. Санитары спасли летчика: вынесли сначала в ближайший окоп, затем переправили в медицинский пункт.

Позже за этот бой Сергея Глинкина наградили орденом Александра Невского. Прошло время, раны зажили, и отважный гвардеец снова вернулся в строй.

В нашем полку он впервые появился в сентябре 1942 года. Прибыл с Дальнего Востока, где проходил службу после окончания Борисоглебской авиационной школы.

Боевая биография Сергея начиналась на Калининском фронте.

На Юго-Западном он успешно овладел новым типом истребителя Ла-5 и за короткий срок стал мастером воздушного боя. Любые задания выполнял добросовестно. Первые успехи не вскружили ему голову, он остался таким же скромным и отзывчивым. О своей работе особенно не любил распространяться. Но с ведомыми летчиками беседовал подолгу, передавал им свой опыт и знания, личным примером увлекая их на славные боевые дела.

После тарана Глинкину не раз напоминали: "Ну, брат, ты второй раз на свет родился, чудом уцелел".

Вскоре его назначили командиром звена, а затем заместителем командира эскадрильи.

Быстро менялась обстановка на всех участках 1-го Украинского фронта летом 1944 года.

Всего два дня на картах летчиков 2-й воздушной армии пестрел узкий "колтувский коридор", по которому осуществлялся ввод в сражение 3-й гвардейской танковой армии. Наши бомбардировщики и штурмовики активно поддерживали ее с воздуха, способствуя развитию начатого успеха, в то время как истребители создали надежный воздушный заслон, не допуская к "колтувскому коридору" немецкие самолеты. А начиная с 19 июля в боевых заданиях и докладах летчиков все чаще стала упоминаться группировка противника, окруженная юго-западнее Брод.

На пятикилометровой карте летчиков линия соприкосновения с противником. Котел вроде бы небольшой, но там до восьми немецких дивизий.

Группы истребителей нашего полка в течение трех последующих дней сопровождали бомбардировщиков и штурмовиков, наносивших сосредоточенные удары по этой группировке, когда та предпринимала отчаянные попытки вырваться из окружения в юго-западном направлении. Наши войска сжимали кольцо окружения.

Вот как проходил один из боевых вылетов 20 июня. Утром командование воздушной армии поставило боевую задачу двум гвардейским авиаполкам 95-му штурмовому и 5-му истребительному - ударами с воздуха грдавить сопротивление противника, пытавшегося вырваться из бродского котла.

Двенадцать Ил-2 во главе с комэском гвардии капитаном Николаем Кочмаревым один за другим взмыли со своего аэродрома в синеву безоблачного июльского неба. Вся группа в сборе. В назначенное время они встретились с десятью Ла-5, возглавляемыми заместителем командира эскадрильи гвардии старшим лейтенантом Баевским.

Поприветствовав друг друга покачиванием крыльев, группа взяла курс на запад.

Рассекая упругий воздух, двадцать два самолета неудержимо устремились к цели.

Пара Ла-5 летит на высоте трех тысяч метров, ниже ударная группа, еще ниже - тоже истребители - группа непосредственного прикрытия, а у самой земли - сомкнутый строй штурмовиков из трех клиньев звеньев. Мощь!

Быстро меняется ландшафт. Отчетливо стали видны огненные вспышки, ползущий по земле сизоватый дым.

Внизу показалась цель: танки, артиллерия, а левее их колонна автомашин. Земля начала огрызаться заградительным зенитным огнем.

В ответ "ильюшины" с ходу высыпают из кассет противотанковые бомбы. Карающий огненный смерч накрывает вражеские танки. Еще заход по технике и живой силе врага... И опять один за другим появлялись на земле новые очаги пожаров. Волна за волной эрэсов и пулеметно-пушечных снарядов обрушились на вражеские танки, артиллерию. Сквозь клубящуюся на земле жирную копоть и пыль Баевский сверху увидел горящие бронированные крестоносцы.

Наши "лавочкины" на встречных курсах ходили выше "илов", оберегая их, готовые в любую минуту броситься на фашистские истребители, если только те попытаются сунуть нос к штурмовикам.

Истребителей врага пока нет, но чутье Баевского подсказывало, что они должны появиться. В наушниках его

шлемофона послышался треск и писк.

- Чернышев, Квасов, уймите зенитки, - гудит голос Кочмарева. Сверху Баевский видит, как два штурмовика, выполняя приказ командира своей группы, устремились на зенитки. Оставляя за собой белый след, на зенитные точки врага полетели реактивные и пушечные снаряды. Зенитки умолкли.

Неожиданно в воздухе появилось двенадцать "Фокке-Вульфов-190" с черными на желтом фоне крестами. Видя, как горят их бронированные машины, немецкие летчики пытались было с ходу атаковать "ильюшиных". Штурмовики забеспокоились, строй их стал смыкаться. Наступила очередь и нашим истребителям включаться в работу на полную мощь. Первый натиск фашистских истребителей удалось отбить. А пока те разворачивались для повторной атаки, Ил-2 продолжали прицельно сбрасывать остаток бомб. Цепь огневых взрывов подтвердила, что последние бомбы легли точно. Теперь группа "фоккеров" разделилась. Восемь ФВ-190 нырнули вниз, намериваясь, по-видимому, подстеречь штурмовиков на выходе из атаки, а четыре "фоккера", прикрываясь солнцем, остались на высоте. Прицельным огнем шесть Ла-5 совместно со стрелками Ил-2 удалось отсечь ФВ-190 от штурмовиков. А наверху Баевский, Васильев, Глазков и Евстратов завязали воздушную карусель с четырьмя ФВ-190 на виражах. Кружатся в воздухе два круга - из наших самолетов и немецких.

На какую-то долю секунды Баевский успел поймать в прицел одного из "фоккеров", и тут же последовала короткая очередь из двух пушек. Через сетку прицела гвардеец увидел, как трасса его очереди прошила "фоккер", и он развалился пополам. Горящие обломки в беспорядке падали вниз, в бездну. Есть один!

Штурмовики продолжали повторять один заход за другим, обстреливая с пологого пикирования реактивными снарядами и пушечным огнем бронированные чудовища.

Было видно, как еще два танка, неуклюже развернувшись, замерли на месте. Тонкие струйки дыма медленно поднимались кверху. Разъяренные своим бессилием, фашистские истребители отчаянно лезли под огонь пушек истребителей и штурмовиков.

Отражая очередную атаку, гвардии старший лейтенант Макаренко сбил на крутом пикировании зазевавшегося гитлеровца.

Отойдя от нашей группы и разделившись на пары, фашистские истребители снова устремились к штурмовикам, которые уже заканчивали работу. Разорвав "боевой круг", "илы" с разворотом и снижением вытянулись за своим вожаком в колонну, начали отходить домой. В этот момент нужно быть

особенно внимательным, ибо в таком строю "илы" наиболее уязвимы.

"Фоккеры" наседали со всех сторон. Пытались атаковать штурмовиков с разных направлений, появлялись то спереди, то с боков, то снизу. Воздух наполнился гулом, треском. То здесь, то там небо пересекали длинные пунктиры огненных трасс. "Ильюшины" подтянулись, приняли плотный строй. Отстреливаясь из турельных пулеметов, стрелки штурмовиков создавали огненную завесу над собой. Убедившись, что расколоть группу штурмовиков им не удастся, "фокке-вульфы" сосредоточили теперь свой огонь по замыкавшему строй Ил-2.

- Не робей, "горбатый", прикроем, - спокойно передал в эфир Баевский. И всей шестеркой ринулся наперерез врагу. Несколько плотных пушечных очередей, и пыл фашистских летчиков сразу охладел. Они отстали. А внизу горели танки, земля; валялись вверх колесами пушки, тягачи и грузовики, метались в дыму и пламени гитлеровцы.

Наша группа возвращалась домой без потерь, оставив в кольце окружения более десятка сожженных танков, разбитых пушек, машин и уничтоженных гитлеровцев. Там же, в кольце, догорали обломки двух "фоккеров", один из которых сбил ведущий группы истребителей Георгий Баевский. Хороша работа! Ничего не скажешь.

А познакомились мы с Героем Советского Союза гвардии капитаном Кочмаревым еще несколько раньше при следующих обстоятельствах.

Был обычный рабочий день войны. Летчики нашего истребительного полка возвращались с задания. Не успели они произвести посадку и зарулить на стоянки свои самолеты после сопровождения Ил-2, нанесших удар по вражескому аэродрому, как вдруг все увидели заходившего на посадку Ил-2.

- Откуда штурмовик? - спросил начальник штаба гвардии подполковник Калашников.

- Неужели он из той группы? - недоуменно спросил гвардии капитан Штоколов, имея в виду группу "ильюшиных", которую он только что сопроводил на свой аэродром.

Между тем Ил-2, качаясь на планировании, шел к земле. По всему было видно, что летчик-штурмовик ранен, а самолет поврежден. Вот машина делает один высоченный "козел", затем другой, третий.

- Смотрите, какие у "горбатого" шасси крепкие, "отмочил козла" высотою с дом, и хоть бы что, - восхищался кто-то из летчиков, наблюдавших за посадкой чужого самолета. Но в то же самое время в сердце каждого очевидца затаилась тревога: нет,

это не ошибка пилота, здесь другое, случилось что-то серьезное.

"Ильюшин" тем временем выкатился на пробеге за черту посадочной полосы и стал прыгать по ухабам и биться как в лихорадке. Еще несколько метров пробега, и штурмовик с широкой белой полосой на фюзеляже, с ободранной обшивкой и весь в масле замер почти у самого края аэродрома.

Все находившиеся у командного пункта полка кинулись к "илу". Подбежали. Фонарь кабины открыт. В ней сидит плечистый летчик. Шея и гимнастерка в крови. Летчик отстегнул ремни, разомкнул карабины парашютных лямок и вылез из кабины на левую часть центроплана. Медленно стянул с головы шлемофон, стал вытирать шелковым подшлемником лицо и шею. Ранен был и воздушный стрелок.

Резко затормозив, рядом с самолетом остановилась санитарная машина. Из нее вышел штурман нашего полка гвардии майор Николай Романов. Увидев старшего по званию, незнакомец хрипло доложил:

- Гвардии капитан Кочмарев. Ходил на разведку, да вот "мессеры" дорогой малость поклевали. Еле дотянул. Пришлось сесть у вас.

- Из какого полка? - спросил Романов.

- Девяносто пятого гвардейского штурмового, - с подчеркнутой гордостью ответил капитан.

Присутствующие стали осматривать машину: в фюзеляже, около хвоста и на плоскостях зияло несколько рваных дыр. Осколками снарядов была срезана большая часть элерона правого крыла.

- Буквально на честном слове прилетел, - заметил кто-то из техников.

Тем временем фельдшер из батальона аэродромного обслуживания лейтенант медицинской службы Раиса Волкова промыла и перевязала раны Кочмареву и воздушному стрелку.

- Штурмовик отбуксировать тягачом на стоянку. Экипаж накормить, разместить в первой эскадрилье, - дал указание Романов.

Так первый раз попал к нам в полк Кочмарев. Пробыв у нас в лазарете пару дней, он, засучив рукава гимнастерки, стал помогать техникам быстрее отремонтировать машину. С особым вниманием рассматривал Кочмарев наши "лавочкины", садился в кабину, пробовал управление. И это не было простым любопытством.

- Я окончил школу истребителей, но воевать пришлось на штурмовиках. А теперь свой Ил-два не поменяю ни на что. Не машина, а золото.

Позже не раз встречались с Кочмаревым в воздухе и на земле. Ходили на штурмовку аэродромов, танков, железнодорожных эшелонов и переправ противника. Летали смело, дружно, не щадя врагов и не считаясь со временем.

Понеся большие потери и не выдержав сокрушительных атак пехоты, танков, ударов артиллерии и авиации, окруженная бродская группировка немцев была расчленена на части, и к исходу 22 июля большая ее часть была разгромлена. Уцелевшие фашисты сдались.

Повсюду на полях, обочинах и придорожных канавах, словно вехи, отмечающие путь победы, валялись разбитые танки, самоходки, бронетранспортеры, лафеты арт-пушек, автомашины. С ликвидацией бродской группы противника авиация перенесла свои удары дальше на запад, помогая своим наземным войскам продвигаться вперед.

Усилиями трех наших наземных армий враг, оборонявший Львов, был поставлен под угрозу окружения.

За Львов.

Группа истребителей во главе с Героем Советского Союза гвардии капитаном Михаилом Игнатьевым прикрывает штурмовиков.

Зорко просматривают небо летчики. Сегодня оно очищено от вражеских самолетов. Лишь изредка в стороне нет-нет да и покажется пара, другая "тощих", как называли "мессеров". Дождь реактивных и пушечных снарядов Ил-2 сыплется на головы вражеских солдат, на боевые порядки танков, боевые позиции артиллерии.

Неожиданно на горизонте появилась большая группа немецких самолетов Ю-87. И, кажется, без прикрытия. Так и есть. Доклад на станцию наведения. Разрешение получено, и у группы штурмовиков остается только звено истребителей, а восемь Ла-5 на большой скорости с высоты устремляются на противника. Надо его упредить, встретить как можно раньше, до подхода к линии фронта.

Восьмерка врезалась в головную группу врага. Разбив его строй, сразу же начала выбирать себе цели. "Юнкерсы" стали оттягиваться чуть севернее, пытаясь как-нибудь замкнуть оборонительный круг и наладить традиционную "карусель".

Группа Игнатьева парами атаковывала бомбардировщиков, начисто срывая замысел врага. Отсутствие фашистских истребителей облегчало задачу.

В какую-то долю секунды нерешительно повел себя ведущий "лаптежников". Игнатьев зашел ему в хвост и Ударил из двух пушек по стрелку. Тот сразу осел, ствол его пулемета развернулся

в сторону и застопорился.

Сквозь лобовое стекло отчетливо видны были рубленые формы застекленной кабины летчика да точно когти хищника - неубирающиеся шасси.

Огонь! И прошитый меткой очередью "лаптежник" пошел к земле.

За ним вскоре последовало еще два вражеских самолета. Падая, они взорвались в расположении своих войск, как раз в том месте, где действовали наши штурмовики.

Остальные фашистские бомбардировщики, освободившись кое-как от бомб, оттягивались на запад. Сделав свое дело, группа Игнатьева тут же примкнула к штурмовикам.

А на земле дрались танкисты, артиллеристы, пехотинцы и саперы.

За Львов!

...Высота 3000 метров. Яркое полуденное летнее солнце. В воздухе ни облачка.

На запад удалялась необычная процессия: чертова дюжина фашистских "мессершмиттов" вела под дулами своих пушек два советских самолета "Лавочкин-5". Уже три попытки сделали Попков и его ведомый Пчелкин, чтобы прорвать суживающееся кольцо смерти и вырваться из "плена". Но пока безуспешно.

В эту историю они попали так.

Не успели летчики эскадрильи Героя Советского Союза гвардии капитана Виталия Попкова окончить второй завтрак, как в землянку вошел командир полка в сопровождении начальника штаба.

- Ну, если начальство пожаловало, значит сейчас работенку подбросят, улыбнулся Алексей Пчелкин, допивая из эмалированной кружки последний глоток кофе.

Все встали. Командир эскадрильи доложил, что личный состав занят вторым завтраком; все самолеты исправны и готовы к очередному вылету.

- Товарищи, - произнес командир полка, - придется вам всей эскадрильей третий раз сходить сегодня на боевое задание. Нужно прикрыть пикировщиков из соединения генерала Полбина. Они пойдут в район Львова. Подробности сообщит начальник штаба.

Каждый из гвардейцев считал за честь работать с полбинцами, но и ясно представлял всю опасность такой работы. А сегодня она не обещала быть меньше обычной. Пытаясь сорвать наступление наших войск на львовском направлении, фашистское командование ввело в бой мощные бронетанковые силы, действовавшие под вполне солидным "авиационным зонтиком".

Наши пикировщики должны были нанести по танкам вермахта сокрушительный удар, а истребителям предстояло охранять их во время выполнения боевой задачи.

Талантливый организатор бомбовых ударов, впоследствии дважды Герой Советского Союза, Иван Семенович Полбин был командиром особого бойцовского склада. Он сам водил своих питомцев в бои, личным примером учил искусству уничтожения врага.

Ведомая Виталием Попковым четверка "Лавочкиных-5" завершает очередной разворот почти над самым своим аэродромом. Слева от комэска, как всегда, его ведомый Александр Пчелкин, справа - пара Сергея Глинкина и Александра Мастеркова. На тысячу метров ниже - безукоризненный строй "пешек" генерала Полбина. Их охватывает надежное кольцо непосредственного прикрытия из восьми машин истребителей, ведомых Адамом Концевым.

В обрамляющем кольце истребителей выкрашенные в красный цвет капоты моторов Пе-2 выделялись особенно рельефно. Шли с набором высоты. Минуты через три-четыре в наушниках летчиков раздался голос Полбина, ведущего пикировщиков:

- А где Иван Лавейкин?

За время совместной боевой работы Полбин запомнил командиров ведущих групп истребителей не только по фамилиям, но и по именам. Теперь интересовался заместителем командира полка.

- Сегодня он со штурмовиками работает, - ответил Попков.

- Это ты, Виталий? - в голосе генерала прозвучала теплая нотка.

- Я.

Попков не раз уже ходил с ним на врага под Воронежем, Кривым Рогом, Днепропетровском.

В воздухе пока все спокойно, но летчики очень внимательно осматривают небосвод. Бортовое оружие уже давно снято с предохранителей. Истребители готовы к бою.

Бомбардировщики летят в колонне пятерок. Строй четкий, как на параде. По полету машин видно, что их ведут большие мастера своего дела. Пятнадцать пикирующих Пе-2 под прикрытием двенадцати истребителей неудержимой лавиной мчатся вперед.

Поблескивают поверхности крыльев и фюзеляжей. В эфире - тишина, изредка нарушаемая короткими командами. Под крылом опаленная войной земля. Здесь только вчера проходила линия фронта.

Попков бросил взгляд на часы. Уже двадцать пять минут в полете. Вот показалась и цель: скопление танков. Сверху смотришь - стальной муравейник. Пикировщики перестроились.

Ведомый командира группы истребителей Пчелкин следит за воздухом и действиями своего ведущего. Через остекление фонаря кабины он видит, как внизу спереди вспухли задние кромки крыльев Пе-2, выпустивших тормозные решетки. Генерал повел своих питомцев прямо навстречу притаившейся земле. В простершейся над ней голубизне, до предела напоенной жарким солнцем, красавцы Пе-2 с раздвоенными килями изящно и стремительно выписывают гибкий вензель отточенной знаменитой "полбинской вертушки".

Сущность нового метода атаки наземных целей была в том, что группа пикировщиков, становясь на дистанцию между самолетами триста-четыреста метров, последовательно пикировала на цель. Расстояние между машинами оставалось постоянным. Ведущий ловил хвост последнего самолета группы и замыкал круг.

Этот прием требовал от летчиков отличной техники пилотирования и точного глазомера.

Вот уже от головной машины вниз полетели бомбы. Взрыв. Второй! Третий! Следом удар за ударом наносят ведомые. Заходило, заметалось на земле месиво огня и дыма. Замерли на месте стальные коробки танков. Беспомощно забегали фигурки вражеских солдат.

Пчелкину не слышно взрывов. Зато хорошо видно, как они поднимают с поверхности земли черные дымовые султаны, то по краям, то в середине расцветающие яркими языками пламени. А вертикальная карусель "полбинской вертушки" неотвратимо кружит и кружит над этим стальным муравейником, для которого пришел последний час.

В небе пока спокойно. Поэтому истребители с интересом наблюдают боевую работу полбинцев. Зенитчики противника открыли огонь. Небо усеяли черные и белые облачка разрывов. Но буквально через несколько минут огонь как-то сразу пропадает. Что за причина?

Далеко на западе появилось несколько черных точек, затем еще и еще. Ясно - в небе истребители противника. Наши летчики уже заметили опасность. Две четверки "лавочкиных" под командованием Концевого ходят по обоим флангам "вертушки", составляя непосредственное прикрытие. Ударная группа - четверка Попкова вместе с Пчелкиным занимает место чуть сзади с небольшим превышением. Боевой порядок уже сейчас обеспечивает ударной группе возможность свалиться на голову

врагов, лишь только они предпримут попытку сорвать бомбардировку.

- Виталий, справа ниже тебя на пятьсот метров "мессеры"! - послышался в наушниках шлемофона предупредительный голос Концевого.

Взгляд вправо, и Попков различает камуфлированные желто-зеленым цветом крылья "мессеров", почти сливающиеся с летней окраской земли. Их шестнадцать. Но это только пока, сколько будет через пару минут, сказать трудно. На огромной скорости, полупикируя, истребители противника идут прямо на четверку непосредственного прикрытия. Фашисты, видимо, рассчитывают "пробить" ее навылет, выйти к "вертушке" чуть выше того места, с которого полбинцы прицельно сбрасывают бомбы. Командир и ударная группа начинают стремительное снижение наперерез группе "мессеров". Ни медлить, ни торопиться нельзя: "лавочкины" должны отсечь огнем вражеские истребители от наших пикировщиков как раз в том месте, с которого они уже не сумеют перестроиться для атаки без нового захода. Тогда полбинцы смогут закончить бомбежку.

Пчелкин ввел машину в разворот за ведущим. Он успел заметить, что первая пара патруля Концевого, развернувшись внизу, приготовилась к встречной атаке, а следующая за ним пара еще только заканчивает разворот. В это мгновение и сплелись в цветастый огненный узел смертоносные трассы бортового огня истребителей. Началась жесточайшая схватка. Потом фронтовая газета назовет ее "воздушной баталией".

Преимущество в высоте и скорости, которые к началу поединка обеспечил ведущий группы наших истребителей, сразу же предопределило результаты этого боя. Хорошо было атаковать фашистов, которые никак не могли занять выгодное положение. Количественный перевес сейчас уже не являлся их преимуществом. Противнику было не до атак - спасти бы шкуру.

Вот впереди идущий самолет Попкова с бортовым номером семьдесят пять энергичным разворотом на снижении начал стремительно сближаться с ведущим самолетом фашистской группы. Пчелкин прижался к самолету комэска.

Имея преимущество в высоте, Попков энергично свалил свою машину на правое крыло в сторону ведущего фашистских истребителей и с полупереворота дал по нему очередь. Тот метнулся в сторону.

- Ага, не нравится, - вслух прокомментировал Пчелкин.

Помогая своему ведущему, немедля выпустил пушечную очередь по вражескому самолету. Огненные струи впились в осиное тело "мессершмитта".

Вспыхнул фашистский самолет, перевернулся на спину и пропал из поля зрения.

- Молодец, Саша! - похвалил кто-то, забыв отпустить кнопку радиопередатчика.

Ударная группа, оттеснив противника, стремилась закрепить полученный после первой атаки успех. Вцепившись в группу фашистов, летчики непрерывно атаковали их. В воздухе, чуть в стороне от основной группы, образовался клубок самолетов, из которого то и дело вываливались горящие. Падали. Голубизну неба на западе прочертили два дымных шлейфа.

Рассмотрел их пламеняющие оконечности Пчелкин, и радость его сразу погасла: на конце пышного, черного шлейфа - одинокий краснолобый самолет. Это не успел завершить боевой разворот ведомый из второго патруля четверки Концевого. За него фашисты заплатили уже тремя своими. Однако они не отказались прорваться к нашим пикировщикам. Пе-2 тем временем продолжали работу.

- Задача выполнена. Уходим курсом девяносто, - раздался голос генерала.

Полбин с вершины своей "вертушки" вывел летчиков в горизонтальный полет. Пикировщики быстро и ладно приняли строй колонны пятерок, которую сзади охватывает семь машин Концевого. Теперь на пути группы фашистских истребителей осталась лишь четверка Попкова.

Каждый из летчиков этой четверки понимал, что Концевой не может оставить им в подкрепление ни одной машины. Более чем трехкратное превосходство в численности - за противником. А он навязывал нашей четверке бой не на жизнь, а на смерть. Фашистские летчики во что бы то ни стало пытались отсечь истребителей прикрытия.

Поначалу гитлеровцы, даже игнорируя четверку Ла-5, бросились наперерез нашей возвращающейся колонне бомбардировщиков.

Стреляя из всех восьми пушек, наша четверка пресекла их попытку. На этот раз, помня о потере трех самолетов на первом же заходе, враги развернулись все разом.

- "Ландыш", - позвал из эфира генерал. - Заканчивайте. Можно и вам отходить.

Отходить... Но как? Ведь тринадцать оставшихся вражеских самолетов только того и ждут, чтобы ударить по хвостам нашей четверки истребителей и, прорвавшись через них, врезаться в середину строя пикировщиков. Сейчас главное - подольше задержать врага и дать возможность своим уйти.

Наша четверка Ла-5 снова на встречных курсах с "мессерами".

Отлично освоился с ритмом боя Пчелкин. Он знал, что командир спокоен за хвост своего самолета, поэтому так четко и руководит боем. Знал и то, что еще настанет момент, когда Попков выведет его из этой роли щита. Тогда можно показать, на что способен он. Пока же командир начал разворот в сторону пары капитана Карпова. У этой пары явно не хватает выдержки. Летчики резковаты в разворотах, неэкономен, продолжителен их огонь.

- Что нервничаете? - спросил Попков.

- Боеприпасы кончились, - признался Карпов.

- Отходите к основной группе. С Пчелкиным прикроем.

Своему ведомому он верил всегда. Не бросит, не отвернет, не струсит в любом неравном бою. Надежно прикроет.

Увидев, что "лавочкиных" осталось всего только два, фашисты не спеша перестроились: девятка замыкает около них широкий круг, а четверка пикирует на хвост самолета Попкова. Тогда и наступила очередь показать свое мастерство Пчелкину.

Взмыв над Попковым, он выпускает длинную очередь прямо в нос ведущей фашистской машине. От неожиданности три "мессера" рассыпаются в стороны, а четвертый идет на свою последнюю посадку. Но оставшиеся истребители противника не вышли из боя. Их тройка снова начинает собираться.

Снова атака. Пушечная очередь вырвала из рядов врага еще одну машину. Дымя, она отвалила в сторону. Теперь фашистские летчики обрушили на дерзкую пару всю мощь своего огня. Но всякий раз гвардейцы уходили из-под него.

На протяжении всего боя прикрывал своего ведущего Пчелкин. Вот один из оставшихся "мессеров" на какой-то момент попадает в поле его прицела и, когда осиное тело подходит к перекрестью, он жмет на гашетку. Но боеприпасы кончились. Экономно стрелял, а вот все же не хватило. "Мессер" ушел невредимым.

Теперь снарядов нет ни у ведущего, ни у ведомого. Надо уходить. Но как? Два против одиннадцати.

Враги плотным кольцом охватили нашу пару. Сверху, справа и слева повисли. Все ближе закругленные консоли их крыльев, черные шлемы фашистских летчиков, прикрытые стеклом фонарей. Замысел врага был предельно ясен посадить нашу пару на своей территории. Теперь только хитрость могла спасти гвардейцев.

Не изменяя ни высоты, ни направления, "лавочкины" увеличивают скорость. Фашистский конвой пока не препятствует - советские самолеты идут по его курсу. И тут Пчелкин видит спасительное облако. Туда! Другого выхода нет. Такого же мнения и Попков. Опережая свою мысль, ведущий рвет ручку на

себя, командуя:

- Саша, пошли!

Сплошная молочная пелена окутывает машину комэска, но в наушниках голос Пчелкина.

- Не успел!

Попков покидает облако. Ручку от себя, и яркое солнце слепящим всплеском бьет в глаза. Между облаком и Пчелкиным - пара "мессеров". Попков, имитируя атаку, валится на хвост фашистского ведущего. Гитлеровцы, видимо, решили не искушать судьбу - рассыпаются. Достать их нечем. На этот раз уже вдвоем наши летчики делают попытку уйти от врага. Но фашистский рой огнем преграждает им путь.

Теперь основное внимание они сосредоточили на ведущем нашей пары, стремясь сбить или хотя бы подбить самолет Попкова. Казалось, трассы снарядов летели со всех сторон. В воздухе становилось тесно: куда ни повернешь - повсюду огонь. Несмотря на это, Пчелкин все же успел скрыться в облаках. Теперь Попков попросил его о помощи. И он немедленно возвратился. Увидев нависший над хвостом машины ведущего "мессершмитт", немного довернул нос своего истребителя. И - в атаку. "Мессер" поспешил отвалить. Наконец в кольце врага образовалась маленькая лазейка: немедленно в нее, затем в облака, которые ватой обволакивают машины гвардейцев. Они-то и помогают летчикам уйти от преследователей.

Через пару часов (половину этого времени потратили на дозаправку горючим на прифронтовом аэродроме соседей) они вернулись на аэродром родного полка. Еще через сутки, поутру, наши войска освободили город Львов.

Сильнее вражеских самолетов оказалась взаимная выручка и мужество наших доблестных воинов.

Под крылом Польша.

Шла третья военная осень. Советская Армия очищала страну от гитлеровцев, гнала их прочь.

Войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов продвигались к Висле.

Итак, мы на польской земле.

...Аэродром, расположенный возле населенного пункта Замостье, стал местом паломничества крестьян окрестных деревень. Они приносили скудные продукты - кто чем богат, а то и просто приходили посмотреть на своих освободителей, сказать им слова привета и благодарности.

Линия фронта перемещалась с немыслимой быстротой, вслед за ней перебазировались и мы, летчики. Так, 23 июля полк вел боевую работу с аэродрома Могильно, а через пять дней с нового -

Разлопы.

29 июля советские наземные части вышли к Висле, форсировали ее с ходу и к 4 августа захватили юго-западнее Сандомира крупный оперативный плацдарм.

Фашистское командование понимало, что Сандомирский плацдарм явится хорошим трамплином для нового мощного наступления нашей армии. Поэтому вводом в бой новых танковых и мотомеханизированных частей попыталось во что бы то ни стало сбросить советские войска в Вислу.

На помощь шла авиация. Снова разгорелись упорные воздушные бои. Ценою больших потерь врагу удалось в нескольких местах вклиниться в нашу оборону. Но уже в ходе последующих боев войска не только отбили атаки, а, уничтожив лучшие части немцев, расширили плацдарм и прочно закрепились на его рубежах. Не помогло немцам и применение новых тяжелых танков "королевских тигров", производство которых хранилось в глубокой тайне.

...Полк перелетел на бывший немецкий аэродром, расположенный близ города Щебжешина. Повсюду были видны следы поспешного бегства врага: штабные документы с машинописными и типографскими листами, неотправленные письма, ящики с пустыми и недопитыми бутылками в разноцветных этикетках винных заводов Европы. Вокруг ящики с боеприпасами и штабеля бомб.

Однажды четверка наших самолетов Ла-5 - старший Дмитрий Штоколов, летчики Константин Васильев, Алексей Козлов и Константин Бугреев сопровождала шесть Ил-2 над территорией, занятой врагом в районе Яблонецкого. Из-за тучи вынырнули истребители противника. Два Ме-109 и два Як-1. Наши глазам своим не поверили. Да, два "яка", причем звезд на фюзеляжах не было. Штоколов с ведомым яростно набросился на "мессеров", они исчезли, не приняв боя. А "яки", зайдя в хвост самолета Бугреева, открыли огонь. Тот покачал крыльями своей машины, дал сигнал: "Я свой", но "яки" продолжали атаковать наши самолеты, обстреливать их с дальних дистанций. Тогда Васильев почти вплотную приблизился к одному из этих самолетов и дал очередь. "Як" загорелся, пилот выбросился с парашютом. Второй, видя, что дела плохи, поспешил удрать.

По" докладам летчиков, на обоих подозрительных самолетах коки воздушных винтов голубые с желтой окантовкой. Как позже выяснилось, такой окраски коков винтов истребителей на нашем фронте не было. Значит, враг маскировался, бросался на любые уловки, использовал даже наши самолеты для нанесения неожиданного удара.

31 августа 1944 года гвардии капитан Шардаков во главе шестерки Ла-5 прикрывал штурмовиков Ил-2, действовавших на Сандомирском плацдарме.

У цели из облачности появились четыре Ме-109. Один из них, не задумываясь, пошел в атаку на штурмовиков. Шардаков в паре с Трутневым резко развернули свои машины, чтобы пресечь намерение фашистов. Вот дистанция сократилась до двухсот метров. Враг заметил нависшую угрозу и ввел свой истребитель в так называемый "королевский" боевой разворот, которым владели только асы. "Лавочкины" неотступно преследовали его, и, когда "мессершмитт" оказался в положении вверх колесами, Шардаков с вертикали дал короткую очередь. Шквал огня обрушился на Ме-109. На его капоте мотора разорвалось несколько пушечных снарядов.

Выйдя из боевого разворота, наша пара устремилась в лобовую атаку на оставшиеся вверху вражеские машины, но те ретировались в облака.

Когда наши истребители возвратились на аэродром, Шардаков собрал летчиков и кратко разобрал результаты боевого вылета. Подошел капитан Григорий Яковлев - заместитель начальника штаба полка по оперативной части. Записал в блокнот все услышанное, чтобы затем доложить в штаб дивизии.

Под конец спросил Шардакова.

- А что стало с тем Ме-сто девять, которого вы атаковали?

- К сожалению, сам я не видел. Но летчик Полунин подтверждает, что "мессершмитт" был сбит. Да вы сами спросите его.

Так и доложили в дивизию, что в бою Шардаков атаковал один "мессер", но результата не наблюдал.

Это было 31 августа, а 4 сентября во время ужина в столовую доставили "трофей" - фашистского летчика.

Как оказалось, одна из пушечных очередей Шардакова попала в заливной бензобачок, самолет загорелся. Фашист покинул машину на последнем своем "королевском" развороте.

К концу августа противник, израсходовав все свои резервы и убедившись в бесплодности атак на Сандомирский плацдарм, перешел к обороне. На нашем участке фронта наступила, как говорят штабные работники, оперативная пауза.

Вплоть до декабря летчики вылетали, главным образом, на "свободную охоту". По нескольку раз в день мелкие группы, пары, четверки, маскируясь облачностью, уходили за линию фронта, на глубину восемьдесят - сто километров, и там высматривали удобные цели. Они атаковали колонны автомашин, железнодорожные эшелоны и скопления пехоты. Кроме того, полк

вел систематические полеты на разведку ближайших тылов противника.

В строю истребителей.

Однажды на одном из полевых аэродромов к командиру первой эскадрильи Попкову подошел летчик с По-2 Алексей Калугин.

- Товарищ гвардии капитан, - сказал он, мучительно краснея, - прошу принять к себе. Хочу освоить "лавочкин".

Попков сочувственно улыбнулся. Ведь начинал войну Калугин летчиком-истребителем на "чайке". Был ранен. После выздоровления ему разрешили временно полетать на По-2, обслуживающем штаб дивизии. "Временно" затянулось на два года. Это на фронте-то!

Конечно, парня не покидала мечта сесть за штурвал истребителей авиационных конструкторов Яковлева или Лавочкина. Попков переговорил с начальством. Так Алексей Калугин оказался в его эскадрилье.

Комэск, несмотря на занятость, сам наметил программу по освоению Калугиным сначала учебного, а затем боевого самолета Ла-5.

Наконец программа завершена: отработаны все элементы полета, проведены воздушные бои, стрельба по конусу и щитам. Летчик готов к выполнению боевой задачи.

В первых полетах на линию фронта Калугин летал ведомым у Виталия Попкова. Это была большая честь для молодого летчика-истребителя. До конца войны он успешно участвовал в боях, за что был награжден несколькими орденами.

Кстати, уже после войны, зорко охраняя наше мирное небо, воспитанник полка гвардии капитан Алексей Калугин посадил иностранный самолет, пытавшийся производить разведку.

Мы снова перебазируемся.

Полевой аэродром Дзежковице. Взлетная полоса как бы зажата двумя рядами высоких пирамидальных тополей. Отсюда в дни затишья летчики съездили в бывший фашистский концлагерь возле города Люблина - Майданек. Это была одна из крупнейших в Европе "фабрик смерти". Даже сами гитлеровцы называли ее лагерем уничтожения. Сколько тысяч людей было истерзано, замучено, сожжено здесь! Сколько крови впитала в себя земля, сколько стонов слышала она! Уму непостижимо.

Камеры-душегубки. За пятнадцать минут в них уничтожали по сто - сто пятьдесят человек.

- Вот изверги, - переговаривались между собой летчики. - Смотрите, как придумали!

Чтобы не раздевать людей после удушья, пригоняли

очередную партию, предназначенную для уничтожения, якобы в баню. Те снимали одежду, шли как бы в душевую, а на самом деле в газовую камеру. Двери камер герметически закрывались, пускался газ, и люди гибли,

Увидели гвардейцы в камере и глазок, в который палачи хладнокровно наблюдали за агонией людей, отравленных газом. Рядом находились целые штабеля баллонов со смертоносным газом "циклон".

Осмотрели вагонетки для транспортировки жертв в крематорий из пяти печей.

Выслушали рассказ чудом уцелевшего поляка - бывшего узника лагеря смерти. Показывая на барак, на окнах которого были нарисованы красные кресты, он сказал: "Думаете, здесь немцы оказывали помощь больным? Нет! Здесь они выкачивали из людей кровь и отправляли на фронт. Так называемые немецкие "врачи" проводили в этом бараке страшные медицинские эксперименты на живых людях".

Потрясающее впечатление произвел осмотр складов личных вещей... Солдатские сапоги, а рядом маленькие, изящные туфли девушки, башмаки пожилой женщины и детские туфельки. Целые тюки женских волос. Все это деловито собирали, в железнодорожных составах отправляли в Германию.

Попавшие в один из ста сорока четырех бараков живыми не возвращались. Одних сразу ждала смерть, другие проходили путь мучений. По мере того, как покидали узников силы, их перевозили из блока в блок, продвигая все ближе к крематорию.

Молча осмотрели летчики последний барак, примыкавший к дьявольским печам, которые дымили день и ночь. Провожатый сказал, что, когда ветер из лагеря нес дым на город, там невозможно было дышать.

Как потемнели лица однополчан! Возвращались молча. За все фашисты должны ответить сполна. За все!

Кочующая батарея.

Несколько дней вылетали на Сандомирский плацдарм, охотясь за кочующей тяжелой батареей немцев на левом берегу Вислы. Предполагали, что она установлена на железнодорожных платформах и совершает маневр по дороге, проходящей параллельно реке. С наступлением ночи или плохой погоды батарея подтягивалась к линии соприкосновения и методически обстреливала не только наши наземные войска, но даже близко расположенные к линии фронта полевые аэродромы. Отстрелявшись, фашисты поспешно увозили орудия в тыл и тщательно маскировали.

Огневыми налетами вражеская батарея не давала никому

покоя. Она, казалось, была неуязвима с воздуха. В который раз посылались на эту цель штурмовики, но все безуспешно - та ускользала, точно невидимка.

Отправляя летчиков в разведывательный полет, командир полка напутствовал их: "Имейте в виду, вражеская батарея хорошо маскируется, быстро меняет свои позиции. Она надежно прикрыта зенитной артиллерией. Чтобы ее обнаружить, действовать надо хитро, решительно".

Просмотрены почти каждое ответвление и тупик, разбегающиеся по обе стороны от основной железнодорожной магистрали. Много раз противник встречал наши самолеты на малой высоте внезапным зенитным огнем, и тогда они возвращались на аэродром искромсанные осколками.

И вот однажды, вернувшись с разведки, капитан Игнатьев доложил:

- Батарею обнаружил. Прикрыта "эрликонами", маскируют в овраге.

Но контрольное фотографирование помогло разоблачить фашистов. Они организовали ложную батарею. Р233]

И снова разведка. Все тот же Игнатьев обратил внимание на шесть крытых вагонов в железнодорожном тупике. Через день шесть крытых вагонов он обнаружил уже в другом месте, за двадцать километров, Пока на докладывал об этом командованию. Потребовался еще один вылет, чтобы обосновать предположение.

Эти крытые вагоны и были вражеской батареей.

На обнаруженную цель немедленно выслали большую группу штурмовиков.

Первая же атака Ил-2 доказала, что разведчик прав. Взрывной волной сорвало один вагон, и на платформе оказалось тяжелое орудие.

Фашистские зенитки пытались защитить батарею, но бессильны были помешать атакующим штурмовикам и истребителям.

Артиллерийские налеты сразу прекратились.

Пришел приказ откомандировать заместителя командира полка гвардии майора Лавейкина в Москву. Все знали, что его ждет новая интересная работа, но жалко было расставаться. Загрустил и он сам. Привык к однополчанам, сроднился с ними. Ведь фронтовая дружба особенная. Крепче ее не бывает.

VIII. В небе Германии

Приближался 1945 год. Декабрьской морозной ночью встретил полк наступающий Новый год. У всех было радостное настроение, каждый знал, что фашистская Германия долго не

продержится. Но предстояла еще упорная рхватка за овладение последним бастионом противника - Берлином.

Встречали Новый год в полковой землянке.

Саша Мастерков принес из леса елку, ребята столпились вокруг, Сергей Глинкин глянул в добрые глаза Саши и рассмеялся:

- Быть тебе Дедом-Морозом!

Подняли шум, возню. Раздобыли паклю для бороды, побежали в БАО за новым маскировочным халатом.

- Да ну вас к бесу! - отмахивался Саша. - Почему я? Пусть Пчелкин... Он и плясать умеет и загадки загадывать.

- Нет уж. Раз принес елку из леса - наряжайся! Пчелкин вертелся возле Мастеркова:

- Саня, я тебе валенки новые достал, белые. На сорок пятый размер. Дед-Мороз в больших валенках должен быть.

Сдвинули столы, поставили елку, украсили чем могли. На макушку звезду из бумаги прикрепили, из лампочек от переносок сделали гирлянды. В землянке пахло хвоей, смолой. Потрескивали в железной печке сосновые дрова.

Пришло командование полка, техники трех эскадрилий вместе со своими командирами Попковым, Штоколовым и Шардаковым. За столом было тесно.

Комиссар полка спокойно окинул всех смеющимися глазами:

- Ничего! В тесноте, да не в обиде! - Говорил он немного, подвел итоги минувшего 1944 года. - Новый год вселяет в наши сердца светлые надежды, но перед нами еще сильный и коварный противник. Предстоят бои в логове фашистов.

Минутным молчанием почтили память однополчан, погибших в 1944 году: Владимира Барабанова, Адама Концевого, Владимира Ивашкевича, Василия Федорова, Николая Киселева, Сергея Середу и других.

После официальной части вечера состоялся ужин.

Когда на штурманских часах Петра Рожка стрелки подошли к цифре двенадцать, все встали, чокнулись кружками и выпили под звуки аккордеона.

Так пустим вкруговую
Чарку боевую.
За Дунай - советскую реку,
За любовь и дружбу,
За родную службу
В нашем истребительном полку!

Дед-Мороз всем пришелся по душе. Плечистый, с молодым лицом, в огромных валенках он так лихо отплясывал барыню, что лампочки на елке вздрагивали.

Потом Мастерков, Глинкин и Пчелкин вышли из землянки. Саша не успел снять с себя белый маскировочный халат - все еще был Дедом-Морозом. Только бороду из пакли снял.

Блестели в далеком небе неяркие зимние звезды. Большая Медведица опрокинулась над лесом. Сосны вонзались в небо, и где-то там, вверху, ходил ветер по обледеневшим макушкам.

Набрав з горячие ладони снегу, Саша стоял и смотрел в небо... На сугроб ложилась его тень: широкие плечи, ноги в больших валенках, откинутая назад голова в спутанных, мальчишеских вихрах.

Наступил новый 1945 год - год нашей победы.

Стало ясно, что оперативной паузе приходит конец. 11 января был получен боевой приказ командующего 1-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева о переходе войск фронта в наступление на врага.

Авиацию намечалось использовать для прикрытия сосредоточения главных сил фронта на Сандомирском плацдарме, для поддержки наших войск при прорыве вражеской обороны и развития успеха, для прикрытия переправ на Висле, нанесении ударов по переправам противника на реках Нида и Пилица и по аэродромам противника.

Утром 12 января войска 1-го Украинского фронта после мощной артиллерийской подготовки развернули стремительное наступление.

В тот день погода выдалась плохая: низкая облачность, хлопьями валил снег, видимость была ограниченная. И все же гвардейцы мелкими группами, парами, четверками по нескольку раз в день вылетали на "свободную охоту", брали бомбы и наносили штурмовые удары по колоннам противника.

Все светлое время следующего дня летчики трех эскадрилий сопровождали штурмовиков, поддерживающих наступление наших войск, подавляли огонь артиллерии и минометов, уничтожали войска противника. Непрерывным патрулированием пилоты нашего, 106-го и 107-го гвардейских истребительных авиаполков прикрывали танкистов 4-й гвардейской армии генерала Д. Д. Лелюшенко при преодолении ими рубежа обороны противника на реке Нида.

Ни одна группа вражеских самолетов не смогла нанести удар по нашим войскам, ни один самолет не был допущен в район действия подвижных групп. Особенно успешно действовали гвардейцы первой эскадрильи под командованием гвардии капитана Попкова.

17 января войска фронта овладели городами Ченстохов, Радомск. Полк вместе с дивизией перебазировался на полевой

аэродром Житно, в восьмидесяти километрах западнее города Кельце. Здесь авиаторов ожидали большие неприятности.

Передовые части, прорвавшие фронт, ушли вперед, и местность не была очищена от врага. Группировка немцев, действовавшая севернее Кельце, начала отход на запад, используя леса. Солдаты противника, гонимые голодом и страхом, выходили из леса прямо на аэродром. Но если авиация сильна своим вооружением в воздухе, то на земле это оружие не приспособлено для боя, а, кроме него, у офицеров Имелись только пистолеты. Поэтому летчикам и техникам выдали ручные гранаты. Вооружили, так сказать.

Для охраны самолетов пришлось пойти на некоторую изобретательность: машины стягивали в плотные группы, разворачивали носами на наиболее угрожаемые направления. А чтобы можно было вести огонь из бортовых пушек по земле, хвосты самолетов устанавливались на козелки и закреплялись. В кабине каждой машины всю ночь дежурил оружейник, готовый по первому сигналу открыть стрельбу. Это был не прицельный огонь, но плотный, трассирующий, так что действовал на фашистов морально. Кроме того, в обороне аэродрома принимали участие и базировавшиеся здесь же Ил-2. Расставленные в определенных секторах, своими турельными пулеметными установками они могли вести прицельную стрельбу.

2 мая на аэродром Далгов нахлынула группа фашистов, около трех тысяч солдат и офицеров с танками и штурмовыми орудиями. Там в это время базировались полки 265-й истребительной авиадивизии, самолеты которых по тревоге были подняты в воздух.

Личный состав управления авиакорпуса, двух батальонов аэродромного обслуживания, техники и специалисты трех авиаполков вступили в бой с противником. Жаркая схватка продолжалась в течение дня до позднего вечера. Летчики штурмовыми атаками с воздуха поддерживали бой своих товарищей на земле. Пришлось немцам сдаваться.

Все чаще, предварительно нацепив грязную "белую" тряпку, немецкие солдаты выходили из лесу в надежде раздобыть что-нибудь из продовольствия. Это были уже не те вояки, которые нагло рвались к Москве. Чаще всего пожилые солдаты, а иногда совсем юные, безусые ребята. Но встречались и закоренелые фашисты. Те продолжали, как безумные, двигаться на запад.

20 января 1945 года истребители нашего полка впервые появились в небе фашистской Германии. Час возмездия настал!

Земной бросок

Войска фронта так стремительно продвигались вперед, что

для авиации не успевали готовить аэродромы, и она оказалась далеко в тылу. 25 января передовые части фронта вышли на реку Одер в районе Бреславль, Глогау и заняли на ее западном берегу ряд плацдармов. Полки авиадивизии приземлились близ населенного пункта Гола. С этой площадки наши летчики вели напряженную боевую работу, оказывая содействие наземным войскам, непрерывно штурмовали автоколонны на дорогах, а главное, наносили удары по окруженной группировке немцев в районе Лешно. Истребители успевали прикрыть работу штурмовиков и наземные войска на плацдармах за Одером в районе города Глогау.

В начале февраля зима была неустойчивой. На смену морозам пришла оттепель, да такая, что не только согнала снег с полей, а и ослабила грунт. Намокла, разбухла взлетная полоса, наступила настоящая распутица. На нашем аэродроме всюду непролазная грязь. Сиротливо дремлют на стоянках истребители, укрытые брезентовыми чехлами. Колеса шасси самолетов глубоко провалились в раскисшую землю, увязли в ней по самую ось. Ни о каком взлете с такого аэродрома не только истребителя, но и самого легкого самолета По-2 не может быть речи. Включенный мотор воздушным винтом поднимает фонтаны воды и грязи, забивает масляный радиатор. И хотя мотор работает на всю мощность, самолет не трогается с места.

Все наши попытки как-то осушить взлетную полосу ни к чему не приводят. Что делать? Широких автомагистралей, которые можно использовать в качестве взлетно-посадочной полосы, поблизости нет. Ждать, когда наступят морозы, нельзя. Ведь и так немецкая авиация, базируясь на стационарных аэродромах, заметно активизировалась.

Над нашими наземными войсками, находящимися на передовой линии, непрерывно висели фашистские бомбардировщики, штурмовики и истребители. Интенсивно вели корректировку артогня Хе-126 и ФВ-189. Заметно увеличились потери на земле, и виной всему - отсутствие прикрытия с воздуха. Как помочь наземным войскам? Выход только один - перебазировать каким-то образом самолеты на другую площадку с более твердым грунтом. Начались поиски такой площадки. Ее нашли у местечка Прибыш. Но как туда перебраться? Взлететь невозможно. Наземные части ждут помощи с неба, а здесь - раскисший аэродром. Грустные летчики сидели в землянках, когда в эскадрилью Попкова пришел инженер полка Наум Каплуновский.

- Что вы головы повесили?

- Это болото скоро не высохнет, - кивнул Попков на взлетную

полосу. Так без нас дойдут до Берлина.

- Теперь как в сказке Пушкина: "Ждите у моря погоды", - подытожил Мастерков.

- Волоком бы перетянуть самолеты, как в старину на Руси струги тянули, - шутя посоветовал Глинкин.

- Стоп! Да ведь это же, братцы, идея! - оживился инженер.

Все три комэска во главе с Каплуновским направились к командиру полка и предложили ему свой план. Тот не возражал. Решено было подтащить самолеты к проходящей рядом шоссейной дороге, отсоединить плоскости и погрузить на автомашины хвостовые части самолетов, укрепив их веревками.

Начали с первой эскадрильи, едва сгустились сумерки. Весь вечер и ночь летчики и техники буквально на собственных спинах подтаскивали самолеты к шоссейной дороге, утопая в черном мессиве грязи. Созданные бригады тут же, при свете фар, разбирали и готовили их к погрузке. Начальник штаба Калашников организовал из вооруженных мотористов и двух штабных офицеров контрольно-пропускной пост, который останавливал все идущие порожняком машины, направляя их к месту погрузки. Часть автомашин прибыла из Б АО и дивизии.

Всем старшим и водителям задержанных машин за подписью командира части выдали справки, где пояснялось, для какой цели они были задержаны. В них же командир полка ходатайствовал о поощрении офицеров, сержантов и солдат за оказанную помощь.

Одна из задержанных машин, возглавляемая майором Авдеевым и водителем Цыганковым, сделала даже два рейса. Коренастый майор помогал нашим техникам навешивать крылья, снимал для осмотра и ставил колеса. А когда оба самолета собрали, сказал своему шоферу: - Смотри, как техники устали, помоги им. Цыганков достал из-под сиденья автомашины ветошь. Стал вместе с мотористом чистить и отмывать грязь с центроплана и шасси самолетов.

За одну ночь все самолеты полка были разобраны, переброшены по земле на сорок километров вперед и снова собраны, тщательно проверены.

Утром, на заре, загудели моторы. Чуть забрезжил рассвет, Попков повел свою эскадрилью в бой, поднявшись с новой площадки. Рокот моторов слился с грохотом нашей артиллерии. Срезу же вслед за первой эскадрильей на боевые задания вылетели летчики второй, затем третьей эскадрилий. Полк снова обрел боеспособность. За успешное выполнение боевой задачи по перебазированию самолетов на новый аэродром командир дивизии многих воинов наградил орденом Красной Звезды и медалью "За боевые заслуги",

Гвардейцы, вперед!

11 февраля группа истребителей под командой Попкова вылетела для штурмовки автоколонны противника, движущейся по дороге Шпроттау - Глогау. Вскоре над целью летчики встретили десять "Фокке-Вульф-190". Те пытались штурмовать наши войска. Попков подал команду: "За мной, бомбы по цели!"

Сбросив бомбы, группа пошла на сближение с самолетами противника. Умело маневрируя и используя преимущества нашего Ла-5 в вертикальном маневре, летчики, несмотря на численное превосходство противника, смело бросились на врага. "Фоккеры" замкнули круг, пытаясь защитить друг друга, но это им не помогло. Одна за другой следовали атаки наших истребителей. Вот один ФВ-190, оставляя черный след дыма, устремился к земле, через несколько минут загорелся второй. Из него выбросился парашютист. Потом еще два истребителя противника отправились вслед за первыми. Потеряв четыре самолета, фашисты не выдержали, разрывая оборонительный круг, один за другим со снижением стали уходить на запад.

Во втором вылете шестерка "Лавочкин-5" - ведущий Шардаков, летчики Павел Куделя, Иван Артамонов, Михаил Подгорный, Александр Бузункин и Дмитрий Штоколов - успешно штурмовали вражеские самолеты на аэродроме Шпроттау. Три больших взрыва, один самолет загорелся, более десяти повреждено.

Радость победы была омрачена. В полк пришло известие, что 11 февраля над Бреславлем сбит прославленный командир 6-го гвардейского авиакорпуса генерал-майор авиации Иван Семенович Полбин. Он совершал свой сто пятьдесят восьмой боевой вылет.

Бомбардировщики, ведомые им, замкнули круг и начали методически бомбить окруженный гарнизон. Ведущего сбили фашистские зенитчики.

Не один раз приходилось летчикам нашей дивизии сопровождать питомцев генерала Полбина, прикрывать их знаменитую "вертушку" при уничтожении важных, наиболее защищенных военных объектов гитлеровцев. И вот теперь его нет...

14 февраля летчики полка несколько раз в день вылетали на прикрытие наших войск в район города Заган-Зорау. Находясь над полем боя, они вели напряженные" воздушные бои с большими группами истребителей ФВ-190. Эти самолеты использовались немцами как штурмовики, поэтому перегружались за счет подкрыльных пушечных установок. Однако, как истребители, они были весьма л\аневренны.

Требовалось большое мастерство и умение наших летчиков, чтобы зайти им в хвост. И все же гвардейцы сбили семь самолетов противника. Отличились в воздушных боях Глинкин, Глазков, Макаренко, Игнатьев, Васильев, Штоколов и Маслобойников.

В середине февраля полк получил приказ произвести посадку на освобожденном немецком аэродроме Шпроттау, куда уже послали передовую команду с техническим составом и радиостанцию.

Это первоклассный немецкий аэродром с хорошей взлетно-посадочной бетонированной полосой. Южнее ее располагались вместительные железобетонные ангары, служебные постройки, жилые мастерские и другие дома, но все они были взорваны. Летный и технический состав размещался в типовых немецких деревянных бараках, примыкавших к аэродрому.

Виталий Попков созвал летчиков, техников, мотористов своей эскадрильи и всех повел на аэродром.

Новые, целые и битые, со следами советских снарядов стояли и лежали обгорелые на "животах", торчали вверх хвостами "юнкерсы", "фокке-вульфы", "мессершмитты", "хейнкели", "дорнье". Летчики осматривали, ощупывали их. Когда шли обратно, кто-то сказал:

- Это начало военного краха фашистской Германии.

С перебазированием на аэродром Шпроттау полк значительно приблизился к линии фронта, мог увеличить количество боевых вылетов за светлое время суток.

Между тем, на линии Заган - Зорау и Бенау - Кунцендорф противник оказал яростное сопротивление, бросаясь в контратаки, поддерживаемые своими самолетами. Немецкая авиация на этом участке фронта значительно активизировалась. Большие группы "фокке-вульфов", "юнкерсов" наносили штурмовые удары с воздуха по нашим войскам, пытаясь задержать их наступление. В тылу, на реке Одер продолжали упорно обороняться два крупных окруженных немецких гарнизона в городах-крепостях Глогау и Бреславль. С наступлением ночи немецкая авиация доставляла осажденным войскам продовольствие, боеприпасы и взбадривавшие приказы фюрера.

16 февраля шестерке истребителей первой эскадрильи во главе с Попковым было приказано прикрыть наши войска в районе Глогау.

Набрав высоту три с половиной тысячи метров, истребители пришли в заданный район и установили радио-связь со станцией наведения. Самолетов противника не было. Уже в конце патрулирования Попков заметил группу фашистских самолетов.

Более двух десятков бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием шести "Фокке-Вульф-190" шли на высоте двух тысяч метров в направлении наших войск. Попков приказал Мастеркову и Глазкову прикрыть его действия, а сам во главе четверки решительно атаковал бомбардировщиков. Короткой очередью он сбил сначала один Ю-87, а затем удачно атаковал второй. Тот, снижаясь, потянул за собой длинный дымный шлейф.

В это время ведущий другой пары Сорокин под прикрытием своего ведомого Марченко сумел зайти в хвост вражескому бомбардировщику и почти в упор расстрелял его.

Пара наших самолетов, не взирая на то, что истребителей противника было в три раза больше, также смело атаковала "фокке-вульфы". Бой шел с переменным успехом, чаще на вертикалях.

Александр Мастерков ринулся за вражеским самолетом. Как всегда, в такие минуты он почти сливался со своей машиной. Руки чуткие, сильные. Высокий, он сидел в кабине самолета чуть согнувшись. Еще мгновение, еще - и можно дать очередь.

Вражеский самолет почти под прицелом. И тут в шлемофон врывается взволнованный голос Игоря Глазкова:

- Саша, берегись! У тебя в хвосте "фоккер"!

Случилось так, что в разгаре боя фашистский самолет сзади, сверху попытался атаковать Мастеркова. Он уже готовился открыть огонь, но Глазков заметил это и поспешил на помощь. Огнем своих пушек успел подбить вражеский самолет, а потом вместе с Мастерковым добил его. ФВ-190 свалился на крыло, огонь лизнул свастику. И вот, прочертив небо черным дымом, самолет стал падать на землю.

Строй вражеских бомбардировщиков нарушился. Воспользовавшись их замешательством, Попков и Пчелкин, поочередно атакуя, сбили еще один "Фокке-Вульф-190".

Имея численное превосходство, противник пытался перехватить инициативу у наших летчиков. Но тщетно. Шестерка гвардейцев продолжала атаковать фашистов, используя превосходство в высоте и скорости. Боекомплект и бензин подходили к концу, но никто не выходил из боя.

Длился он всего восемь минут. За это время наши летчики сумели сбить пять фашистских самолетов. Этот бой наблюдал генерал Слюсарев, командир корпуса, который остался доволен действиями гвардейцев.

...Февральское солнце заметно пригревало, деревья уже готовились к весне - по стволам шли хмельные соки. Март, апрель... Два месяца отделяли летчиков от конца войны.

19 февраля четверке истребителей под командованием Героя

Советского Союза Сергея Глинкина поручили прикрыть наши войска, ведущие бои на подступах к городу Губен. День выдался погожим, солнечным. Когда наши самолеты пересекли линию фронта, со станции наведения по радио сообщили, что с юго-запада на высоте две с половиной тысячи метров приближаются фашистские бомбардировщики "Юнкерс-88". Глинкин развернул всю группу влево и на большой скорости повел навстречу им. А вот и они - их девять. Сзади, дымя моторами, спешат опоздавшие шесть Ме-109 прикрытия.

Расстояние между бомбардировщиками и истребителями километра полтора-два. Этим воспользовался Глинкин. Не раздумывая, повел своих ведомых на сближение. Вся группа на большой скорости сверху, со стороны солнца, с ходу атаковала в лоб неприятеля.

С первой же очереди Глинкин и Полетаев сбили по одному Ю-88. Здесь сказался трезвый расчет командира группы. Начало удачное. Сохраняя боевой порядок, звено вышло из атаки и боевым разворотом в сторону солнца набрало высоту. Осмотревшись, четверка с полупереворота снова атаковала Ю-88, теперь уже сзади. Опять удачно.

Уцелевшие вражеские самолеты нарушили строй и стали поспешно сбрасывать бомбы на свои же войска, а затем развернулись и ушли.

Действия наших летчиков были настолько внезапными и стремительными, что вражеские истребители прикрытия обнаружили их только после первой атаки. Глинкин приказал Полетаеву и Курочкину связать истребителей врага боем, а сам, используя преимущество в скорости, вторично атаковал уходящие бомбардировщики.

Еще один "юнкерс" рухнул на землю от метких очередей Глинкина и Тараканова.

Всего в этом бою было уничтожено три самолета противника и один подбит. Машина лейтенанта Бориса Курочкина получила повреждение, однако летчик благополучно дотянул до своего аэродрома.

Напряжение с каждым днем нарастало. 18, 19, 20 февраля. В эти дни все летчики по нескольку раз вылетали на линию фронта. Причем вылеты следовали непрерывно. Чтобы парализовать авиацию противника, гвардейцы работали по графику, установив непрерывное патрулирование над полем боя.

Летчики полка вылетали как с Ил-2, так и самостоятельно на штурмовку войск противника и прикрытие своих войск в районе городов Форст - Губен, в ста километрах от Берлина. Победа была близка, но враг отчаянно сопротивлялся. Желая помочь авиации

точнее наносить удары, наземные войска стали обозначать передний край белыми полотнищами - знаками, а цели указывать стрелами и ракетами. Результаты и точность ударов летчиков резко повысилась.

Наша авиация не давала противнику передышки. Вылеты следовали один за другим. Техники не успевали готовить бомбы и снаряды. Только за один день 20 февраля полк произвел восемьдесят боевых вылетов.

В связи с успешной работой наших истребителей в полк, дивизию и авиакорпус шли телеграммы.

Командиру 11-й гвардейской истребительной авиационной дивизии полковнику Осадчему:

"С особой удовлетворенностью отмечаю Вашу четкую работу по выполнению боевых приказов. Весь личный состав Вашего соединения, особенно рядовые летчики, в повседневной работе проявляют отвагу, геройство и являются подлинными тружениками войны, беззаветно преданными нашей Родине. В результате чего Ваша дивизия в данной операции идет впереди.

Приношу искреннюю благодарность Вам лично, Вашему начальнику штаба гвардии подполковнику Кислых, а также летчикам: гвардии старшему лейтенанту Мастеркову, гвардии лейтенанту Глазкову, гвардии младшим лейтенантам Марченко, Сорокину и всему летно-техническому составу. Желаю достичь Вам еще лучших показателей. 17.02.45 г. Командир 2-го гвардейского штурмового авиакорпуса генерал-майор авиации Слюсарев".

Командиру 2-го гвардейского штурмового авиакорпуса генерал-майору авиации Слюсареву:

"Передайте мою благодарность летчикам-штурмовикам и истребителям 5-го авиаполка 11-й гвардейской авиадивизии, отлично работавшим вчера по уничтожению противника в районе Бенау-Кунцендорф. Наземные войска особо отмечают экипажи ведущих групп: Глинкина, Попкова, Зайцева, Рулина, Жданова и летчиков Пчелкина, Полетаева.

20.02.45 г. Командарм 13 генерал-полковник Пухов".

Не выдержав концентрированных ударов пехоты, танков, артиллерии и авиации, противник поспешно откатывался на нашем участке фронта за реку Нейсе. Преследуя отходящего врага, советские штурмовики, истребители, бомбардировщики наносили ему сокрушительные удары.

Наши летчики полностью завоевывали господство в воздухе. Теперь уже не встречались большие группы фашистских бомбардировщиков Ю-88, Хе-111 и До-215.

Чтобы сдерживать успешное наступление наших войск,

фашисты посылали бомбить Ме-109, но особенно часто они использовали в качестве легких бомбардировщиков или штурмовиков свои ФВ-190.

Изменился и летный состав. Фашистское командование вынуждено было снять опытных летчиков с ПВО. Прославленные асы, как правило, ввязывались в воздушный бой. Вторая группа - выпускники летных школ, которые едва освоили взлет и посадку, обычно избегали боя, старались скорей сбросить бомбы и вернуться на свой аэродром.

28 февраля шесть Ла-5 во главе с Баевским штурмовали автоколонну на западной окраине города Губен. При выходе из атаки летчики заметили на высоте тысяча метров восемь самолетов противника ФВ-190, те шли в левом пеленге с северо-запада. Наша группа, сделав боевой разворот и набрав превышение, заняла выгодные позиции для атаки. "Фокке-вульфы" стали разворачиваться влево.

Баевский дал команду: "Приготовиться к атаке". С короткой дистанции он и Цымбал сбили сразу два ФВ-190. На Судакова один "фоккер" осмелился пойти в лобовую атаку, но не выдержал и попытался уйти. Гвардеец воспользовался этим: направил в брюхо ФВ-190 очередь.

Истребители врага стали отходить. Глазков со своим напарником атаковал замыкавшего строй "фокке-вульфа" и сбил его. В ходе боя он заметил, что на выручку ФВ-190 подошли четыре Ме-109. Тогда вместе с ведомым отошел в сторону, набрал высоту и, прикрываясь солнцем, неожиданно свалился сверху на эту четверку. Прицельной очередью с близкого расстояния сразил ведущего. Фашистские самолеты со снижением ретировались с поля боя. А тем временем летчики Баевский и Куделя, преследуя группу "фоккеров", сбили еще два самолета.

Наши летчики добились замечательной победы - расправились с семью самолетами врага. Но потеряли своего товарища - молодого пилота Александра Бузункина.

В конце месяца в эскадрилье состоялось партийное собрание, на котором коммунисты обсуждали итоги боевой работы в прошедшей операции. На собрании отмечалось, что такие летчики, как Попков, Глинкин, Пчелкин и Мастерков получили благодарности от наземных войск. Одержали первые победы Павел Куделя и Борис Судаков. Хорошо поработали техники Мартьянов, Кудряшов, Боков, Кулюкин, Бородкин, Лелюк и другие.

В этот период партийная организация пополнила свои ряды. Членами партии стали летчики Игорь Глазков, Иван Артамонов, Евгений Сорокин и механик Александр Бутенко.

Радостная весть облетела весь личный состав: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1945 года 5-й гвардейский истребительный авиационный полк награждался орденом Красного Знамени.

"...За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить 5-й гвардейский истребительный авиационный полк орденом Красного Знамени. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Горкин".

12 и 13 марта наш полк совместно с другими частями дивизии два дня непрерывно вместе с Пе-2 и Ил-2 бомбил и штурмовал окруженную немецкую группировку в Глогау. Так как осталась она глубоко в тылу и не было смысла снимать для ее подавления части с фронта, командование поручило решить эту задачу советским летчикам. Они настолько подавили моральные силы окруженного немецкого гарнизона, что он не выдержал и капитулировал.

Так пал один из бастионов немецкой обороны города Глогау. Остался еще один окруженный гарнизон в городе Бреславле. Его защищала довольно крупная группировка войск. Город был превращен в крепость. Все нижние этажи домов оборудованы под огневые точки. Армейская авиация всей своей мощью обрушилась на Бреславль, заставила противника сложить оружие. Так пал второй бастион врага.

14 марта летчики провожали на учебу в академию командира 3-й эскадрильи гвардии капитана Шардакова. Это было в полдень. А утром, когда в кармане гимнастерки уже лежало направление, он летал прощаться с небом войны.

Возглавив четверку Ла-5, сопровождал группу Ил-2 штурмовать укрепление врага и в скоротечном бою сбил двадцатый вражеский самолет.

Слово о Мастеркове.

20 марта полк понес тяжелую утрату. Перестало биться сердце бесстрашного летчика-истребителя гвардии старшего лейтенанта Александра Борисовича Мастеркова.

Случилось это над немецким городом Бауценом. Первая четверка "лавочкиных" Виталия Попкова, развернувшись в левый пеленг, атаковала железнодорожный эшелон с нефтеналивными цистернами. Александр Мастерков повторил маневр командира группы, вывел свою четверку таким же четким строем.

Цистерны стремительно приближаясь, увеличиваются. Пора. Летчик тянет на себя ручку управления и нажимает на кнопку бомбосбрасывателя. Сверху, делая второй заход, он видит, как

пламя, прорываясь сквозь дым, охватывает всю территорию железнодорожного узла. Теперь наши истребители устремляются вдоль железнодорожных составов, поливая их свинцом.

И тут же земля ожила. Десятки огненных трасс "эрликонов" потянулись к "ястребкам". Не обращая внимания на огонь зенитных пушек, гвардейцы продолжали расстреливать цистерны. Пять заходов, пять ошеломляющих ударов...

Узел коммуникаций противника потонул в облаках дыма и огня.

Штурмовка подходила к концу. Постепенно рассеялась черная пелена дыма, и на фоне проступившей голубизны весеннего неба стало отчетливо видно, как разрывы трех зенитных снарядов, вспыхнув перед самым носом самолета Мастеркова, на какое-то время заслонили его машину. Шедший рядом ведомый, молодой летчик Алексей Марченко, от неожиданности так рванул свой самолет, что сразу отскочил на полкилометра в сторону.

- Командир, по-моему, Сашу задело. Разреши, я посмотрю? - раздался взволнованный голос Пчелкина - ведомого Попкова.

- Давай... Остальным занять свои места. Работа не окончена.

И группа снова, как тяжелый кузнечный молот, обрушилась на цель.

Плавно отвернув от группы, Пчелкин пристроился к Мастеркову, стал рядом. На левой плоскости его самолета зияющий просвет пустоты. Из-под обшивки вырвалось пламя.

Тяжело чувствовать свое бессилие. Ничем не мог помочь другу Пчелкин. Оставалось одно - идти рядом и наблюдать...

Израненная горящая машина хотя и подчинялась воле летчика, но продолжала терять драгоценные метры высоты. Через секунду пламя охватило машину.

- Саша, прыгай! Прыгай же... - закричал по радио Пчелкин. Ответом был только шорох разрядов в наушниках шлемофона. Мастерков молчал. Видимо, он был тяжело ранен, или вышла из строя радиоаппаратура.

Вот промелькнула автострада. Внизу территория, занятая нашими войсками. Пора, давно пора расстаться с горящей машиной. Мастерков отстегнул ремни, открыл фонарь, кое-как оттолкнулся ногами от сидения. Рука нащупала кольцо парашюта. Купол начал раскрываться. Вот-вот наполнится воздухом.

Вздохнувший было с облегчением Пчелкин тут же зажмурился от ужаса: киль перевернувшегося самолета распорол купол парашюта. Это был конец.

Пчелкин ввел свою машину в глубокий вираж, а затем,

переводя ее в пикирование, пошел к земле, туда, куда падал друг. Он ясно разглядел лежавшего на спине Сашу. Куски легкого шелкового купола словно саваном накрыли бездыханное тело Мастеркова.

Восемь лет тому назад на московском заводе "Динамо" он решил подать заявление с просьбой направить его в аэроклуб. Заводской комитет и комсомольская организация завода единогласно одобрили намерение юноши. Так Саша ушел в авиацию.

Каждый день после работы спешил в аэроклуб на занятия. А когда кончил учебу, по путевке комсомола уехал в старейшее в стране дважды орденоносное Борисоглебское авиационное училище имени В. П. Чкалова. Здесь готовили летчиков-истребителей.

Промелькнули курсантские годы. После окончания училища Саша остался в нем летчиком-инструктором, совершенствуя и оттачивая технику пилотирования.

С первых же дней пребывания на фронте он показал незаурядные способности. Тогда ему только-только исполнился двадцать один год, а это уже был зрелый пилот. Мягкий и отзывчивый на земле Саша преображался в воздухе.

Однажды шестерка истребителей вылетела на штурмовку войск в районе города Губена. Обнаружив скопление вражеских войск и автомашин, группа с пикирования сбросила бомбы и произвела три захода на штурмовку. При выходе из очередной атаки ведущий Мастерков увидел на горизонте еле заметные точки.

- Внимание! Слева самолеты противника, - передал он по радио.

Более двух десятков бомбардировщиков колоннами шли курсом на восток. Они несли смертоносный груз, чтобы обрушить его на передовые позиции войск. Отважная шестерка ринулась в самую гущу фашистов. Их флагман был сбит Мастерковым первой же очередью. Однако это не дезорганизовало вражеский строй. Противник продолжал лететь избранным курсом.

Еще одна атака "лавочкиных". Небо снова расчертили черные дымовые шлейфы. Большинство "юнкерсов" сбросили бомбы и начали уходить. Замысел гитлеровцев был сорван.

Мастерков развернул свою шестерку в третью атаку и стал пересекать курс уцелевшей группе вражеских машин. Огонь наших летчиков был исключительно точным. Еще четыре фашистских самолета вспыхнули в воздухе и один был подбит. Последний пикировщик продолжал удаляться. Догнать его не составляло труда. Перекрестие прицела легло на цель. Нажаты

гашетки бортойых пушек, но самолет, не вздрогнув, как обычно при стрельбе, плавно продолжил полет.

"Кончились боеприпасы", - мелькнула догадка. Таран! Только эта возможность оставалась у летчика. И Мастерков повел истребитель на сближение с врагом. Он шел на опаснейший маневр, требующий не только смелости, выдержки, но и твердости руки, точности глаза. Ловко подвел свой истребитель к хвосту бомбардировщика. Вот серебристый диск винта уже навис над хвостовым оперением вражеской машины. Едва уловимым движением летчик передал усилие на ручку управления и винтом, словно острием клинка, начисто снес тройник хвостовых рулей вместе с черным пауком свастики. Клюнув носом, "юнкерс", обгоняя собственное хвостовое оперение, врезался в землю.

Вздрогнул "лавочкин", начал было терять скорость, но летчик применил все свое искусство, чтобы дотянуть до места базирования полка. Под прикрытием напарника он пересек линию фронта и очень бережно посадил самолет.

В том бою было уничтожено шесть вражеских самолетов. Три из них сбил гвардии старший лейтенант Александр Мастерков.

...А потом этот вылет. Виталий Попков первым посадил самолет и тут же зарулил на свою стоянку. Тяжело дыша, вытирая пот, он вылез из кабины, снял шлемофон, подставив влажные черные волосы теплому весеннему ветру. Один за другим садились летчики группы. Не хватало только одной машины. Не было Саши Мастеркова.

Однополчане запомнили навсегда эту дату: сердце Саши перестало биться в 11 часов 26 минут 20 марта 1945 года. Даже не верилось, что его нет в живых.

Коммунисты и комсомольцы полка обратились к командованию с просьбой похоронить Мастеркова на Родине.

Вскоре по указанию командующего 2-й воздушной армией генерал-полковника авиации С. А. Красовского на полевой аэродром прибыл транспортный самолет Ли-2. Летчики, техники, мотористы прощались со своим боевым товарищем. В новой офицерской гимнастерке лежал в цинковом гробу Саша. Русые волосы аккуратно причесаны. Спокойный, красивый, он, казалось, просто спал.

Друзья несли ранние живые цветы к его изголовью, а душу рвал на части траурный бетховенский марш. В скорбном молчании замер почетный караул...

И как последняя память - боевой листок эскадрильи в траурной рамке с портретом Саши и статьей, которую подписали все летчики полка. Она была их клятвой отомстить за смерть Александра Мастеркова, не давать пощады врагу, бить его до

полного разгрома.

Похоронили его в Москве, на Калитниковском кладбище.

Около двухсот раз взлетал он в грохочущее небо Великой Отечественной войны, около сорока раз ходил на штурмовку с бомбометанием, бесстрашно провел сорок воздушных боев и лично сбил восемнадцать вражеских самолетов.

Четыре боевые награды получил на прифронтовых аэродромах. А пятую, самую высшую - орден Ленина и медаль Золотая Звезда - получить не довелось: высокое звание Героя Советского Союза ему присвоили посмертно.

Московская комсомольская организация и комсомольцы завода "Динамо" могут по праву гордиться своим славным старшим товарищем.

Нашей работой довольны.

Десять дней летчики полка прикрывали Ил-2 и сами штурмовали войска противника в предгорьях Татр, в районе Гирсдорф, Розен, Арнсдорф, Турниц, Приборн. Прижимаясь к земле, они "утюжили" вражеские окопы, огневые позиции, колонны автомашин.

Противнику был нанесен огромный урон в танках, бронетранспортерах и живой силе. Об успешной работе истребителей и штурмовиков над полем боя, хорошем их взаимодействии и слаженной работе говорят радиограммы с командных пунктов.

"Маршал Конев приказал личному составу 11-й гвардейской истребительной авиационной дивизии, принимавшей участие в массированном налете на противника в районе Гирсдорф, Никласдорф, объявить благодарность.

Командующий 2-й Воздушной армией Красовский".

"За все дни исключительно доволен работой. Шлю массу благодарностей за хорошую работу. Удвойте силы. Осталось мало, ронять славу не будем, мы гвардейцы, оправдаем это.

Командир 2-го гвардейского штурмового авиационного корпуса генерал Слюсарев".

"Работали отлично. Командир 34-го стрелкового корпуса объявил всем летчикам благодарность".

"Работу сегодняшнегб дня 26.3. 1945 г. командующий 59-й армией оценивает отлично".

А вот отзыв командования 93-го гвардейского штурмового авиаполка:

"...В течение марта 93-й гвардейский штурмовой авиационный полк произвел около пятисот боевых вылетов и только благодаря отличной работе летчиков 5-го гвардейского истребительного авиаполка не имел ни одной потери от

истребительной авиации противника. Летный состав 93-го гвардейского штурмового авиационного полка остался доволен работой истребителей, выносит им свою благодарность и желает дальнейших успехов в боевой работе.

Командир гвардейского шап подполковник Шумский".

Особо отличились летчики в борьбе по ликвидации окруженной группировки противника в районе Шенбрун и Приборно.

Этой операцией войска нашего фронта очистили всю освобожденную территорию от очагов сопротивления гитлеровцев и теперь могли переключить свое внимание на подготовку сокрушительного удара по последнему оплоту фашистской Германии - Берлину.

На Берлин.

Мобилизовав все свои последние резервы, фашисты превратили Берлин и его окрестности в неприступный вал. Только в самом городе было построено ими более четырехсот различных железобетонных сооружений, все нижние этажи зданий были превращены в опорные пункты. На перекрестках, засыпанные щебнем, стояли танки и артиллерийские установки. Общая глубина обороны, включая город, тянулась на сто с лишним километров. Немецкое командование бросило против частей и соединений Советской Армии все свои силы. На подступах к Берлину было сосредоточено около двух тысяч самолетов, в том числе новых типов "хейнкелей", "мессершмиттов", более сотни реактивных истребителей Ме-262 и самолетов-снарядов системы "мистель". Наличие развитой сети аэродромов обеспечивало возможность широкого маневра авиации противника.

Верховное Главнокомандование тщательно разработало план предстоящей операции. В нем основной упор делался на четкие, согласованные действия двух фронтов: 1-го Украинского и 1-го Белорусского. Задача нашего 1-го Украинского состояла в том, чтобы мощным концентрированным ударом разгромить оборону немцев на реке Нейсе в районе Форст и, развивая успех прорыва, подвижными силами устремиться вдоль автострады на Берлин. Часть сил должна была завязать бои за овладение городом, другая, наступая на запад в обход, соединиться с войсками 1-го Белорусского фронта, затем выйти широким фронтом на реку Эльбу и не дать таким образом берлинской группировке фашистов отойти на запад.

С большим нетерпением ждали войска начала Берлинской операции. Весь личный состав нашей истребительной дивизии гордился тем, что ему выпала ответственная задача участвовать в

штурме фашистского логова.

Конечно, летчики знали, что враг будет сопротивляться с яростью обреченного, поэтому к штурму гитлеровской цитадели готовились тщательно.

В эскадрильях проходили партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждались конкретные вопросы подготовки предстоящей операции. Летный состав тщательно изучал по картам район боевых действий, аэродромную сеть ВВС фронта на случай вынужденной посадки. Техники еще и еще раз осматривали и проверяли самолеты, чтобы те работали, как хорошие часовые механизмы. Для лучшего обеспечения боевой работы штурмовиков и надежного непрерывного прикрытия с воздуха наших войск, штаб дивизии перебазировался ближе к линии фронта. Полк обосновался на полевой площадке у деревни Каниг.

Перед началом боевых действий личный состав построили на аэродроме под развернутым гвардейским знаменем. Начальник штаба полка Калашников зачитал обращение Военного совета фронта.

"Боевые друзья! Пришло время нанести врагу последний удар... Стремительным и героическим штурмом мы возьмем Берлин... За нашу Советскую Родину - вперед на Берлин!"

16 апреля в 6 часов 15 минут залп нескольких десятков тысяч орудий и минометов возвестил начало битвы за Берлин. Войска 1-го Украинского фронта после мощной артиллерийской и авиационной подготовки под покровом плотной дымовой завесы перешли в наступление. С утра туман немного мешал летчикам, но потом погода улучшилась, стало ясно. Тогда-то они парализовали немецкую авиацию.

Вражеская оборона по реке Нейсе в первый день наступления была прорвана, подвижные части стремительно бросились вперед. Наша авиация, выполнив первую часть своей задачи, перенесла удары в глубь немецкой обороны, сопровождая пехоту мощными бомбовыми ударами, огнем пушек и пулеметов.

События развивались очень быстро. Нужна была большая оперативность и четкое взаимодействие, чтобы не допустить ошибки: не нанести удар по своим войскам. Перед каждым вылетом требовалась новая информация о положении войск, новые данные о противнике.

В течение трех последующих дней гвардейцы сопровождали штурмовиков и бомбардировщиков в районе Котбус, Рогозен, перенося свои удары все ближе и ближе к Берлину. Итог: более двухсот боевых вылетов и шесть сбитых "Фокке-Вульфов-190".

18 апреля шесть Ла-5 во главе с Попковым сопровождали

десять Ил-2 в район Котбуса. Прижимаясь к земле, штурмовики смело "утюжили" вражеские окопы и огневые позиции. Над целью завязался воздушный бой с шестнадцатью "Фокке-Вульф-190". Старший лейтенант Глинкин, находясь в ударной группе, короткой очередью сбил левофлангового "фоккера", другой самолет загорелся от меткой очереди Белякова.

Бой ожесточился. Наши летчики сбили третий самолет - работа Попкова. Сорокин поджег четвертый, в воздухе повис парашютист.

Крепко били зенитки противника, но после двух заходов Ил-2 Голощапова, Клюева, Шустова и Набокова они замолчали. Всего было сделано пять заходов на цель из "замкнутого круга". Затем штурмовики снизились до бреющего и пулеметно-пушечным огнем рассеяли немецких автоматчиков. Атака вражеских танков захлебнулась. Этому во многом способствовали наши истребители, которые смело вступили в бой с десятью "фокке-вульфами", пытавшимися помешать Ил-2 выполнить боевую задачу.

Рация наведения передала летчикам по радио:

- Работали отлично, возвращайтесь на аэродром.

Форсировав реку Шпрее, советские войска вышли на ее восточный берег. Не успели они закрепиться на новых рубежах, как противник под прикрытием сильного артиллерийского огня перешел в контратаку.

Фашистские танки, самоходки и мотопехота быстро приближались к нашим позициям. За ними двигалась пехота. Противник, казалось, уже торжествовал победу. И тут неожиданно появились грозные "ильюшины" в сопровождении "лавочкиных" нашего полка. Сделав горку, Ил-2 зашли на цель. Вниз полетела первая серия фугасных и весьма эффективных противотанковых бомб. Клубы черного дыма окутали вражеские танки. Это на помощь нашим воинам пришли десять Ил-2 во главе с Кочмаревым и шесть Ла-5 под командованием гвардии капитана Дмитрия Штоколова. Опомнившись, фашисты открыли по самолетам яростный огонь. В утреннем прозрачном небе то тут, то там стали появляться серые и черные кругообразные шапки разрывов зенитных снарядов.

Применяя противозенитный маневр, штурмовики продолжали атаковать врага. Снова заход, и снова вниз полетели бомбы, реактивные снаряды, и новые пулеметно-пушечные очереди хлестнули по фашистам.

Летчики ясно видели, как после очередного захода вздыбились густые столбы земли и дыма. Взрывы бомб разметали в стороны несколько бронетранспортеров и самоходных

установок. Еще три танка, испуская черные клубы дыма, застыли на месте. Недобитые вражеские "эрликоны" и пулеметы захлебываются внизу, без перерыва ведут огонь. Но не дрогнула сжимавшая штурвал рука Кочмарева, как не дрогнули руки у всех десяти ведомых его группы. Заходя с разных направлений, продолжали наносить удары за ударами. Истребители надежно прикрывали их сверху.

Содрогаясь от выстрелов своих пушек и пулеметов, Ил-2 вновь ринулись вниз на фашистские "королевские тигры", "пантеры" и бронетранспортеры. И вновь земля заполыхала огнедышащими воронками, черными кострами. Немецкие солдаты, спасаясь от огня, покидали машины. А штурмовики снова и снова повторяли заходы на цель. Когда все бомбы были израсходованы, стали расстреливать боевую технику и живую силу врага из пушек и реактивными снарядами.

Смертоносный огонь продолжал косить врага. Это было настоящее "мамаево побоище".

- Молодцы "горбатые"! Даете прикурить фрицу! - похвалил штурмовиков офицер наземной станции наведения самолетов.

Воодушевленные успешными действиями летчиков, наши наземные части перешли в контратаку. Враг не выдержал натиска. А штурмовики, повторяя заходы, стреляли по фашистам до тех пор, пока не кончились боеприпасы.

Кочмарев бросил взгляд на бортовые часы: уже более двадцати пяти минут они обрабатывали цель. Пора уходить. Сквозь немного рассеявшуюся пелену дыма были видны горящие вражеские танки, искореженные орудия, бронемашины. Контратака фашистских войск захлебнулась. Около двух десятков танков, орудий и бронетранспортеров сбросила с чаши весов десятку штурмовиков - таков итог одного боевого вылета. Это была победа на пути к Берлину.

"На Берлин" - звали надписи на перекрестках военных дорог. "В Берлин" крупными буквами было начертано на фюзеляжах самолетов, на стволах орудий, танков.

21 апреля танковые армии 1-го Украинского фронта при поддержке авиации вышли на окраины Берлина.

С 22 по 24 апреля снова наступили горячие деньки. Техники едва успевали готовить самолеты к повторным вылетам. В первый день наши лётчики прикрывали группы Ил-2, действующие по уничтожению окруженной группировки немцев юго-восточнее Берлина.

Когда стало ясно, что немецкая авиация не в состоянии оказывать противодействие, наши истребители начали бомбить врага не только фугасными и осколочными бомбами, но и

расстреливать весь боекомплект до последнего снаряда.

Несмотря на непрерывные удары с воздуха армейской авиации, противник, окруженный юго-восточнее Берлина, пытался прорваться на запад. Ему удалось перехватить автостраду Котбус - Берлин. Однако скоро в результате концентрированных ударов авиации, артиллерии, танков и мотомеханизированных частей эта группировка была рассечена на ряд изолированных районов. Моральный дух и боеспособность немецких войск с каждым днем падали. 24 апреля окруженные гитлеровцы сложили оружие.

Не помогли немцам "мистели", представляющие собою сочетание двух самолетов: беспилотного начиненного взрывчаткой бомбардировщика и пилотируемого истребителя. Пилот самолета-истребителя поднимал сцепку двух машин в воздух. Над целью по команде пилота бомбардировщик отделялся от истребителя и входил в пикирование, разгоняя скорость. Так как на борту самолета-снаряда не было оборонительного вооружения, наши истребители легко перехватывали и уничтожали их.

25 апреля наземные части 1-го Украинского и наступавшие западнее Берлина войска 1-го Белорусского фронтов соединились в районе Кетцена, тем самым Берлинская группировка врага оказалась рассеченной на две изолированные группы: берлинскую и франкфуртско-губенскую. В этот день самолеты нашего полка впервые появились над столицей фашистской Германии.

Капитаны Игнатьев, Карпов, старший лейтенант Морозов и лейтенант Тараканов рассказывали, что в городе идут сильные бои, в центре и на западной стороне - много пожаров. По всему видно - скоро войне конец.

26 апреля летчики сопровождали группы Ил-2 и Пе-2, которые действовали по отдельным улицам, кварталам большого города. Здесь обычная летная карта "пятисотка" не годилась. У каждого пилота появилась карта крупного масштаба, по которой и ставилась конкретная задача подавления целей.

Летали штурмовики и бомбардировщики, а вместе с ними и истребители строго в определенных районах города, подавляя огневые точки и очаги сопротивления.

Дым с пылью, поднятые непрерывными разрывами бомб, снарядов артиллерии ухудшали видимость, часто не позволяли с воздуха определять положение своих войск. Тем не менее бомбардировщики и штурмовики разили врага без промаха.

Пленный немецкий генерал Бауэр признался: "Я могу единственно сказать, что мы сидели в подземных этажах имперской канцелярии, не имея возможности выйти взглянуть на

белый свет".

Над Берлином гвардейцы "познакомились" впервые с новинкой немецкой авиационной техники - реактивными самолетами.

Длинный фюзеляж с приподнятым хвостовым оперением и короткие крылья с двумя двигателями без воздушных винтов резко отличали эту машину от фашистских самолетов, с которыми приходилось встречаться раньше.

Немецкие летчики на реактивных самолетах, чувствуя свое превосходство в скорости над поршневыми, вели себя нагло, но открытого боя избегали. Однако дни гитлеровской Германии были сочтены.

Герою Советского Союза Кузнецову, Трофимову, Семенову и Пироженко удалось, используя преимущество в высоте и внезапность, сбить один Ме-262. С интересом рассматривали летчики и техники дивизии среди обломков его короткоствольные пушки. По документам установили, что пилотом был заводской летчик-испытатель. Это еще раз подтверждало, что гитлеровское командование пустило в ход все свои резервы.

В канун праздника Первого мая полк произвел более ста боевых вылетов на штурмовку окруженной группировки противника в район Вендиш, Бухгольц и Халебе.

В этот период вся работа командования, партийной и комсомольской организаций проходила под лозунгом "Ознаменовать международный праздник трудящихся завершающими ударами по врагу".

Вечером, после торжественного собрания, посвященного Первому маю, стали вспоминать родные места. Здесь, на чужой земле, весна казалась совсем другой. Ни шумных весенних паводков, ни тающих снегов. Все чужое.

- Это ж представить только, - вздохнул сибиряк Александр Полетаев, тайга душистая, вся в ландышах. Идешь - не надышешься.

- Нет уж, братцы, - задумчиво улыбнулся Миша Двилянский. - Самая чудесная весна у нас в Подмосковье. Скорее бы домой.

Взял аккордеон и заиграл грустную мелодию. Летчики притихли, заслушались. Но вот он встряхнулся, повел плечами и что-то разудалое, русское подняло всех на ноги. Долго слышались еще веселый смех и топот сапог вокруг Мишиного аккордеона - это плясали и пели ребята.

Поднялся светлый круторогий месяц, затеплились в ночной глубине яркие звезды. Чутко присматривались и прислушивались к небу часовые. Пока все тихо. Враг молчит. Наблюдает.

Первого мая 1945 года шел решительный штурм столицы фашистской Германии. Самые ожесточенные бои развернулись в районе Тиргартена и правительственного квартала. Там располагалась имперская канцелярия, во дворе которой бункер ставки Гитлера. В 12 часов дня с аэродрома Альтено поднялись восемнадцать советских истребителей и взяли курс на Берлин. Под посадочными щитками самолета ведущего группы находилось Красное знамя. В 12 часов 25 минут летчики пролетели на высоте 800 метров над самым центром столицы Германии. Ведущий группы выпустил щитки. Кумачовое полотнище под тяжестью прикрепленных к двум его углам грузиков медленно опускалось над рейхстагом. Советский алый стяг видели офицеры, сержанты и солдаты, завершавшие разгром вражеского гарнизона. Развеваясь в дымном берлинском небе, знамя медленно опускалось в расположение советских войск. Как символ нашей победы.

В состав этой группы истребителей входили два бывших летчика нашего полка - Герои Советского Союза Иван Лавейкин и Павел Песков. Во второй половине дня над дымящим Берлином гвардейцы эскадрильи Попкова Провели воздушный бой с группой "Фокке-Вульф-190". Четыре сбили, остальные врассыпную. Среди четырех упавших фашистских самолетов на краю Берлина рядом с автострадой был сороковой, сбитый Виталием Прпковым. В день своего рождения двадцатитрехлетний Виталий завершил свой боевой счет.

К 15 часам 2 мая остатки берлинского гарнизона сдались в плен. Главный город фашистской Германии пал.

По разрешению командования летчики и техники на двух машинах выехали 4 мая на экскурсию в Берлин. По пути завернули в район, где не так давно шли бои с окруженной группировкой немцев юго-восточнее Берлина. Наши летчики участвовали в них.

Машины углубились в лес. Прошел теплый дождь, мелкий, весенний. Омыл вековые деревья. И наступила гнетущая тишина. Здесь не было ни одной птицы. Но вот деревья внезапно кончились. Ну и зрелище! Весь лес на десятки километров уничтожен. Все выжжено, вырвано с корнем. Всюду торчат смятые стволы изуродованных орудий. Развороченные танки, минометы, пулеметы, автоматы.

- А ну их к бесу, - махнул рукой Виталий Попков, - получили по заслугам.

- "Поднявший меч от меча и погибнет", - вспомнил Сергей Глинкин.

Остальные молчали, потрясенные. Ну зачем нужна была эта

война с ее страшными жертвами? О чем думали гитлеровские орды, хлынув через советские границы на наши поля и нивы? Столько загублено человеческих жизней...

Город еще во многих местах горел. Клубы дыма поднимались кверху, насыщали воздух едким запахом гари. Мрачные серые здания с остроконечными крышами разрушены пожарами. Из окон и чердаков уныло свисали белые простыни и тряпки, но кое-где уже колыхались ярко-красные флаги. На улицах груды битого кирпича и щебня, обрывки проводов и изуродованные столбы. Все взрослое население было мобилизовано на расчистку улиц. По узким коридорам, проделанным в завалах, машины с трудом добрались до центра города.

Вот и Бранденбургские ворота. Над куполом дымящегося рейхстага победно раззевалось красное полотнище боевого знамени.

По ступенькам огромной лестницы поднялись вверх. На огромных колоннах и стенах, закопченных от пожара, фамилии героев штурма, овладевших этим бастионом. Взобравшись друг другу на плечи, мы поставили и свои подписи. А рядом написали имена тех, кто не дошел до Берлина: Соколова, Мещерякова, Сытова, Мастеркова... Список был длинным, но дописали его до конца.

Внутри здания кучи разбросанной бумаги. Огромная статуя Вильгельма сброшена с пьедестала. Сфотографировались всей группой на память. Мрачное здание рейхстага и веселые лица летчиков-истребителей. Все закинули головы, жмурятся от солнца, бьющего в глаза.

Последние вылеты.

Все ждали сообщений о конце войны. Эфир был наполнен разноголосой крикливой трескотней комментаторов западных радиостанций, наперебой кричавших о капитуляции Германии. Только из СССР передавали музыку и вели обычные радиопередачи.

А утром 8 мая в полк прибыли командир корпуса с командиром дивизии и, собрав летный состав, дали подробную информацию о положении дел на фронте. Если берлинская группа немцев капитулировала, то другая группа, находящаяся на юге, продолжала оказывать нашим войскам упорное сопротивление. Поэтому командир корпуса поставил истребителям задачу: совместно со штурмовиками произвести несколько вылетов в район боевых действий южной группировки на подступах к Дрездену и штурмовыми операциями помочь наземным войскам сломить сопротивление немцев.

За три вылета на штурмовку ходило более двух десятков

истребителей. Одну из групп повел заместитель командира авиационного корпуса Зайцев.

Вот и главная автострада, в узком коридоре которой скопились отборные части фашистов. Заговорили зенитки. Противник неистовствовал. Казалось, по истребителям стреляло все, что могло стрелять - зенитки, ручные пулеметы, даже винтовки.

- По фашистским машинам огонь, - скомандовал Зайцев, и его белолобый Ла-7 первым ринулся в атаку.

Вниз полетели бомбы, заработали пушки. Самолеты пронеслись над вражескими машинами, поливая их свинцовым огнем. Набирая высоту и развернувшись, Зайцев 'повел гвардейцев на второй заход. С нарастающим ревом моторов мчались "лавочкины" навстречу земле. Летчики косили немецкую пехоту, поджигали бронетранспортеры и бензозаправщики.

Новый заход. В этот момент фашистские танкисты и зенитчики услышали по радио общую команду:

- Всем! Всем! Всем! Бейте по ведущему истребителю со звездочками на фюзеляже...

8 мая наши войска полностью овладели Дрезденом - крупнейшим промышленным центром Саксонии.

Водил на штурмовку своих летчиков и командир эскадрильи гвардии капитан Попков. Расстреляв весь боекомплект и успешно выполнив задание, наши летчики без потерь возвращались на аэродром.

Краснозвездные истребители шли на посадку. Смолкли моторы. Кажется, уже ничто не может нарушить тишину прифронтового аэродрома. Прифронтового? Нет. Теперь его можно называть обыкновенным мирным аэродромом.

Победа! У машины командира первой эскадрильи Виталия Попкова собрались летчики. Техники, мотористы и оружейники во главе с Вадимом Чубаровым преподнесли им букеты полевых цветов, собранных на аэродроме. Хозяева чистого весеннего неба, они еще не решались назвать очередной свой вылет последним. Да и сам гвардии капитан, покидая кабину самолета, на фюзеляже которого сорок красных звезд, пока не свыкся с мыслью, что больше не придется ему ловить в перекрестье прицела клейменные свастикой фашистские самолеты.

К концу дня из штаба дивизии сообщили радостную весть: боевую работу прекратить.

Конец войны.

Всю ночь на 9 мая авиаторы не спали. Как только дежурные радисты услышали правительственное сообщение о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, многие

начали салютовать из ракетниц и личного оружия. Это был стихийный салют в честь долгожданной победы.

А утром в напряженной тишине с замиранием сердца все слушали торжественные слова диктора, передавшего обращение Верховного Главнокомандующего к советскому народу.

- Ура-а-а! - прокатилось по аэродрому. По-весеннему радостно горело майское солнце. Зеленела трава, жужжали пчелы. Летчики и техники читали письма от родных и близких, перебирали поздравительные телеграммы.

По дорогам с запада на восток тянулись нескончаемые потоки людей, угнанных фашистами в Германию, в рабство. Домой! На Родину...

Наступил июнь 1945 года. Котбусский аэродром. Здесь выстроились для парада все полки 11-й гвардейской Днепропетровской истребительной авиационной дивизии. На правом фланге вслед за управлением и штабом дивизии стройные ряды личного состава 5-го гвардейского Краснознаменного истребительного авиаполка, дальше летчики и техники братских 106-го и 107-го гвардейских авиаполков. Сколько орденов и золотых звезд! Раздалась команда:

- Смир-р-но! - Застыл неподвижно строй. Все замерли, лишь трепещут полотнища гвардейских знамен.

На многих из них, как символы неувядаемой славы, муаровые ленты боевых наград.

Начальник штаба дивизии гвардии полковник Кислых строевым шагом подошел к комдиву гвардии полковнику Осадчему. Приняв рапорт, тот пожал ему руку, затем поздравил личный состав. В ответ загремело троекратное гвардейское "ура".

Чеканя каждое слово, начальник штаба дивизии прочитал:

"Указ Президиума Верховного Совета СССР

4 июня 1945 года, Москва, Кремль.

За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при овладении городом Дрезденом и проявленные при этом доблесть и мужество наградить 5-й гвардейский авиационный истребительный краснознаменный полк орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Горкин".

Снова, сотрясая воздух, прокатывается над строем дивизии мощное троекратное "ура".

"Приказ Верховного Главнокомандующего Советской Армии

4 июня 1945 года город Москва

№ 0109

Соединениям и частям Первого Украинского фронта, особо

отличившимся в боях по разгрому крупной группировки противника юго-западнее Берлина и при овладении столицей Германии - городом Берлином, присвоить наименование "Берлинских" и впредь именовать: ...5-й гвардейский истребительный авиационный Берлинский Краснознаменный ордена Богдана Хмельницкого полк.

Верховный Главнокомандующий Советской Армии"

Четким строем, чеканя шаг, с развернутыми знаменами торжественным маршем проходят все полки авиационной гвардейской дивизии.

739 фашистских самолетов уничтожили летчики нашего гвардейского полка в ожесточенных воздушных схватках с коварным и вероломным врагом, 1832 автомашины, 283 артиллерийских батареи и много другой техники противника. Гвардейское знамя вело личный состав полка на подвиги, постоянно напоминало о высокой ответственности перед Родиной, партией, народом.

В гвардейской семье за период Отечественной войны вырос и воспитался двадцать один Герой Советского Союза, большинство из которых окончили аэроклубы. В 1945 году ими стали Александр Орлов, Евгений Яременко, Александр Пчелкин и Александр Мастерков.

На центральной площади в городе Коломне стоит на гранитном постаменте бронзовый бюст В. А. Зайцева, а на Самотечном бульваре в Москве - В. И. Попкова, дважды Героев Советского Союза, прославленных асов Советских Военно-Воздушных Сил.

Послесловие

Где же вы, друзья-однополчане? В строю находятся генералы дважды Герой Советского Союза Виталий Иванович Попков, Герои Советского Союза Иван Павлович Лавейкин, Георгий Артурович Баевский, Павел Ильич Песков, Василий Петрович Бабков, а также Василий Тимофеевич Хоменко. Наши однополчане Бабков, Баевский, Попков и Родионов Указом Президиума Верховного Совета СССР удостоены высшего летного отличия. Они стали заслуженными военными летчиками СССР. Продолжают служить полковники Николай Григорьев, Степан Ивлев, Павел Вакулин и многие другие.

До сих пор в авиации и ветеран полка Герой Советского Союза гвардии полковник Василий Васильевич Ефремов, который один из первых в стране освоил реактивный самолет-истребитель. Летая в 1948 году в составе группы реактивных самолетов Як-17 под командованием дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Савицкого, он не раз изумлял зрителей

воздушных парадов на Тушинском аэродроме в Москве своим отточенным летным мастерством и безукоризненной слетанностью при выполнении сложных фигур высшего группового пилотажа.

Все эти люди по-прежнему самоотверженно работают на благо Родины. С любовью воспитывают молодую смену.

На свою родину в Коломну вернулся Василий Александрович Зайцев. Долгое время после войны, несмотря на тяжелую болезнь, он возглавлял Коломенский аэроклуб. К боевой славе прибавил новые победы - трудовые.

Передавали свой опыт курсантам аэроклубов летчик Анатолий Беляков и инженер Наум Каплуновский. Гвардеец Константин Евстратов продолжительное время летал на воздушном лайнере Ту-114 Аэрофлота.

Еще на фронте Георгий Баевский думал: кончится война, пойду на летно-испытательную работу. Он понимал, что для этого нужны знания инженера. Потому и поступил в Военно-воздушную инженерную академию. Закончил, снова летал. И опять учеба, теперь уже в Высшей академии Генерального штаба, которую несколько раньше окончили его однополчане Ефремов, Бабков, Лавейкин и Попков.

Баевский в одинаковой степени овладел и современными сверхзвуковыми истребителями и могучими бомбардировщиками-ракетоносцами. Более семидесяти типов самолетов и вертолетов освоил Георгий, лично участвовал в испытании новой авиационной техники.

Летчиком-испытателем работал и Герой Советского Союза Александр Кондратюк. Многие однополчане после войны еще долго служили в авиации, а затем сменили военную форму на гражданскую одежду. Это генерал-майор авиации Беркаль, Герои Советского Союза Онуфриенко, Глинкин, Игнатьев, Орлов, Яременко, Шардаков, Пчелкин, а также Вихров, Инякин, Штоколов, Макаренко, Муха, Рожок и другие. На смену им пришла молодежь.

Ушли на заслуженный отдых Караев и Киянченко, ранее перешедшие от нас в другие полки и получившие там звание Героя Советского Союза.

Окончили гражданские высшие учебные заведения и стали специалистами Игнатьев, Орлов, Кудряшов, Юрченко, Федирко, Шифман, наши девушки-оружейницы и многие другие.

Доктором химических наук стал Евгений Ротанов, кандидатом исторических наук - Николай Григорьев, заместителем начальника кафедры военной академии Иван Лавейкин, председателем райисполкома одного из районов

Москвы - Вадим Чубаров.

В 1965 году в день Победы 9 Мая впервые за много послевоенных лет собрались в Москве однополчане. Были объятия и крепкие рукопожатия, расспросы и воспоминания. Почтили память погибших боевых друзей минутным молчанием. В 1970 году встреча повторилась.

Уже после войны при исполнении служебных обязанностей погибли Борис Курочкин, Николай Цымбал, Федор Дахов. Умер в 1961 году наш командир полка Василий Зайцев. И мы, боевые друзья его, никак не можем свыкнуться с мыслью, что установленный ему в Коломне бюст очень рано стал памятником этому человеку.

Не стало Николая Калашникова, Евгения Сорокина, Ивана Филиппова и Михаила Хаванова. Не раз вспоминали о последнем воздушном бое Жени Быковского. Уроженец Ростова-на-Дону, воспитанник комсомола и аэроклуба, он по достоинству занял место в ряду славной когорты, завершив список Героев Советского Союза полка в Великой Отечественной войне.

4 августа 1965 года приказом Министра обороны СССР Герой Советского Союза Иван Сытов был зачислен навечно в списки третьей эскадрильи Н-ского полка.

...Окончится летный день. Выстроятся авиаторы на вечернюю поверку. И незримо становится в строй Иван Сытов. Первым называют его фамилию. Правофланговые четко произносят: "Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Иван Никитович Сытов пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины".

В светлой казарме на видном месте стоит аккуратно заправленная кровать. Над ней висит портрет гвардейца Сытова, рядом выписка из приказа Министра обороны СССР.

20 октября 1970 года исполком Моссовета принял решение переименовать четвертый Автозаводской проезд в Москве, примыкающий к заводу "Динамо", в улицу Мастеркова. На памятной доске: "Улица Мастеркова названа в 1970 г. в память Героя Советского Союза, летчика-истребителя, бывшего токаря завода "Динамо" Мастеркова Александра Борисовича (1921-1945 гг.)". Пионерская дружина 474-й средней школы Москвы носит имя Героя, а в 484-й средней школе открыта комната-музей нашего гвардейского истребительного авиаполка.

В честь Зайцева названа улица в городе Коломне, Быковского - в Ростове-на-Дону, Дмитриева - в Николаеве, Мещерякова - в Волгограде, Соколова - в Луковниково. Они навечно прописаны в родных городах и селах. Не только на табличках домов, не только в паспортах жителей улиц, но и в

сердцах земляков и однополчан живут их имена. Министерство связи СССР большим тиражом выпустило почтовые конверты с портретами Быковского, Мастеркова и Сытова.

Незадолго до своей кончины В. А. Зайцев через газету "Советская авиация" обратился к своим боевым друзьям. "Где же вы, друзья-однополчане?" Это было своего рода завещание.

"Тем из вас, кто продолжает летать, желаю успехов в небе; кто командует частями - передать молодежи, идущей на смену, мастерство, отвагу и крепкую дружбу нашей молодости. Тем, кто, как я, находится сейчас в отставке, хочу пожелать не пенсионного покоя, а действенного участия в мирном труде народа.

Мир, который мы завоевали, надо крепить. Главная сила родной земли - в патриотизме советских людей. И кто, как не мы, имеющие большой жизненный опыт, могут быть полезны народу в годы мирного созидания.

Товарищи по фронту, друзья по гвардейскому полку! Берегите небо Родины!.."